III РЕЙХ
ИМПЕРИЯ

ГИТЛЕР и Я

КРАСНЫЕ В НСДАП

ОТТО ШТРАССЕР

www.mdk-arbat.ru

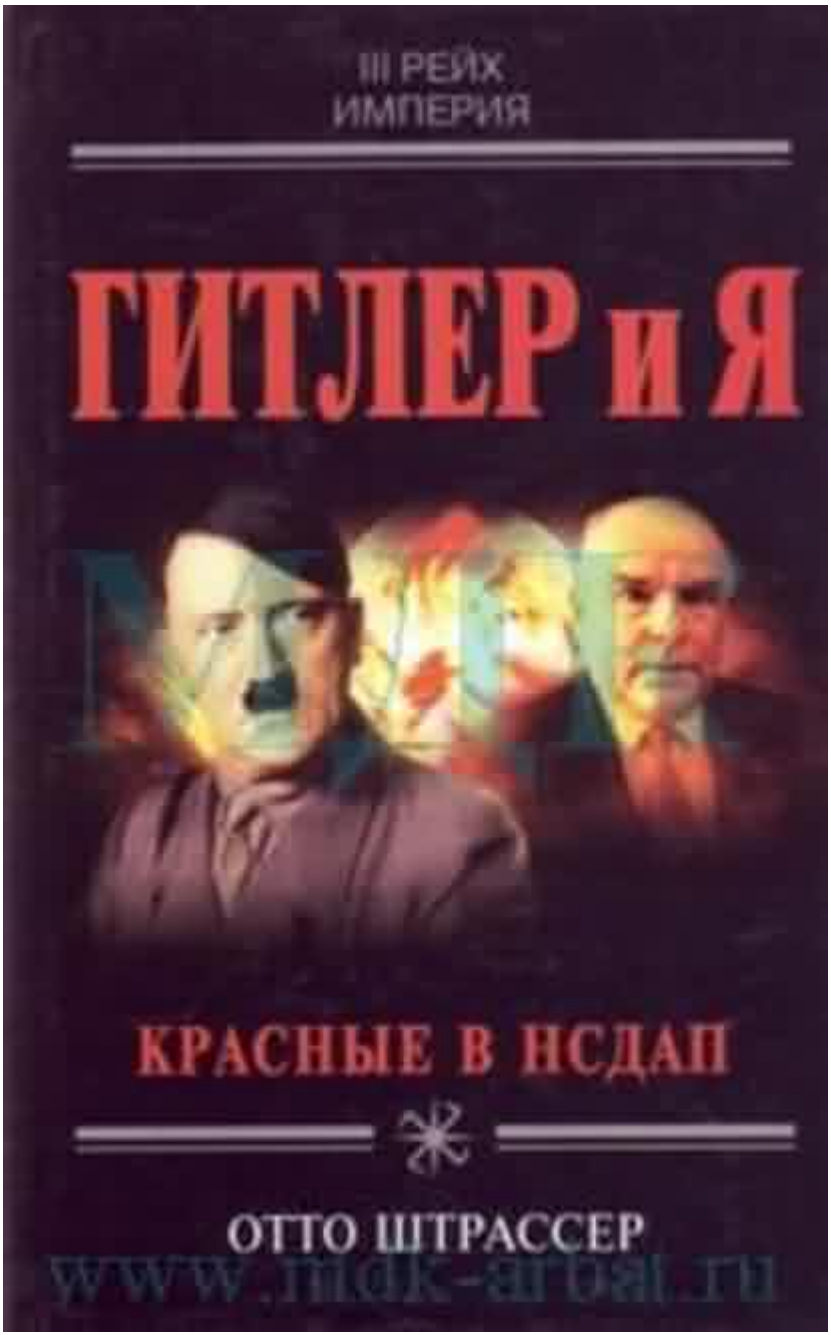
SHOUT
SHARE
IT

Annotation

оспоминания Отто Штрассера (1897 - 1974) - младшего брата Грегора Штрассера - видного нацистского функционера, имперского руководителя НСДАП по пропаганде и по оргработе, заместителя Гитлера по партии, принадлежавшего к ближайшему окружению фюрера, на русском языке публикуются впервые. Книга представляет несомненный интерес как свидетельство непосредственного участника многих закулисных событий, связанных с начальным периодом истории национал-социалистического движения в Германии в 20-х - начале 30-х годов. На протяжении десяти лет Отто Штрассер довольно тесно сотрудничал с Гитлером, вел тщательную запись своих бесед с ним, собрав уникальные, зачастую скандальные сведения как о самом фюрере, так и о людях, входивших в его "ближний круг".

- Отто ШТРАССЕР
- Предисловие
- Глава 1. Мое знакомство с Гитлером
- Глава 2. Германия - бурлящий котел
- Глава 3. ПИВНЫЕ КОНСПИРАТОРЫ
- Глава 4. Как Гитлер написал «МАЙН КАМПФ»
- Глава 5. Человеческая сущность Гитлера
- Глава 6. Моя борьба против Гитлера
- Глава 7. Жестокое противоборство
- Глава 8. ЦЕНОЙ ПРЕДАТЕЛЬСТВА К ВЛАСТИ
- Глава 9. Гестапо следует по пятам
- Глава 10. Бойня в Германии
- Глава 11. Гитлер во главе Европы
- Глава 12. Будущее против Гитлера
- Глава 13. Постскриптум
- Приложение

Отто ШТРАССЕР
ГИТЛЕР И Я



Предисловие
Мое знакомство с Гитлером
Германия - бурлящий котел
Пивные конспираторы
Как Гитлер написал "Майн кампф"
Человеческая сущность Гитлера
Моя борьба против Гитлера
Жестокое противоборство Ценой предательства к власти
Гестапо следует по пятам
Бойня в Германии
Гитлер во главе Европы
Будущее против Гитлера
Постскриптум

Предисловие
А.Север

Социалистическая составляющая присутствовала в идеологии НСДАП с самого ее основания. Можно сказать, что изначально это была партия с четко выраженными левыми, рабочими тенденциями. По крайней мере центральный партийный орган НСДАП (в то время это был еще «Мюнхенер беобахтер») писал 31 мая 1919 года относительно требовании текущего момента, что «они укладываются в рамки требований других левых партий».

Особенно сильны социалистические тенденции среди нацистов были в начале 20-х годов XX века на Северо-Западе Германии, в Рурской области, в Гамбурге - важных индустриальных центрах с многомиллионным рабочим классом, где образовалась фактически полусамостоятельная национал-социалистическая организация, центр которой находился в Гамбурге. О радикализме этой группы свидетельствует хотя бы такое высказывание ее лидера, гамбургского гауляйтера, Альберта Фолька: «Ввиду того что рабочие чувствуют себя носителями переворота ноября 1918 года, более того - рассматривают новый государственный строй как успех своих усилий, мы никогда не завоюем их доверия, если будем приписывать нужду и унижения только революции». А ведь на Юге, в Баварии, на проклятьях в адрес Ноябрьской революции строилась вся нацистская пропаганда.

Однако в качестве фракции, конкурирующей в борьбе за власть в НСДАП с мюнхенским руководством, левонацистское направление оформилось лишь в середине 20-х годов. Бесспорными и наиболее известными лидерами этого течения являлись братья Грегор и Отто Штрассеры. Интересно, что пришли они в НСДАП фактически, что называется, с «противоположных сторон баррикады» - Отто слева, а Грегор - справа.

Старший, Грегор (1892-1934), владелец аптеки в Ландсхуте (Бавария) и обер-лейтенант Первой мировой войны, сформировал в своем городе «фрайкор (добровольческий корпус) Ландсхут» - одно из многочисленных реакционных милитаристских формирований того времени, принял участие в «капповском путче» в Баварии. В феврале 1920 года (незадолго до путча) он влил свой «фрайкор» в СА, тем самым создавая первое формирование штурмовиков за пределами Мюнхена. Он же создает в Нижней Баварии партийную группу НСДАП и

становится за это первым гауляйтером партии - ее руководителем в Нижней Баварии.

В это время младший брат, Отто (1896-1974), бывший лейтенант, а затем студент экономики в Берлине, вступает в СДПГ и становится сотрудником ее центрального органа, газеты «Форвертс», командиром трех «красных сотен» в рабочем пригороде Берлина Штеглиц, которыми он командует при подавлении все того же «капповского путча» в марте 1920 года. Вскоре, однако, он демонстративно выходит из партии в знак протеста против разоружения революционного рабочего класса и нарушения правительственного обещания о роспуске «фрайкоров».

Очень быстро Грегор Штрассер становится вторым, после Гитлера, человеком в нацистском движении, одним из самых популярных ораторов. В начале 1925 года Гитлер поручает ему создание парторганизаций на Севере и Западе Германии и наделяет полной свободой действий. Грегор Штрассер сразу же обращается за помощью к брату. Тот еще в конце 1923 года вступает в НСДАП (парт, билет № 25239) и становится его ближайшим помощником и главным пропагандистом его идей. В течение нескольких месяцев братья едва ли не с нуля повсеместно за пределами Баварии создают на Севере и Западе страны ячейки НСДАП, благодаря чему эпицентр влияния партии заметно переместился из крестьянской Баварии на индустриальный Северо-Запад.

Отто Штрассер сразу же занялся выработкой новой программы (взамен гитлеровских «25 пунктов») и превращением северных и западных организаций НСДАП в проводников своих идей. Пользуясь предоставленной ему свободой действий, Грегор Штрассер назначает гауляйтеров по собственному усмотрению, практикует демократические выборы руководителей среднего и низового звена, благодаря чему большая часть гауляйтеров, за исключением южногерманских, были сторонниками братьев. В итоге внутри НСДАП образовалось направление, представленное северогерманскими организациями и отличное от «мюнхенского руководства». Наибольшую поддержку Штрассерам оказывали гауляйтеры Аксель Рипке и Карл Кауфман (Рейнланд-Норд), Эрих Кох, Франц Пфеффер фон Саломон, Йозеф Вагнер (Вестфалия), Эрих Рознкат и Гельмут Брюкнер (Силезия), Карл. Ребер (Ольденбург), Мартин Мучман и Хельмут фон Мюкке (Саксония), Йозеф Еюркель (Рейнпфальц), Эрнст Шланге (Берлин), Хинрих Козе (Шлезвиг-Гольштейн), Теодор Вален (Померания), Фридрих Гильдеб-рандт (Мекленбург) и другие.

Ближайшим помощником и идеологом братьев является

выходец из рейнской рабочей семьи, член НСДАП с 1923 года, доктор Йозеф Геббельс. Прошедший жестокую школу жизни, обладавший несомненными способностями, он явился настоящей находкой для Грегора. Показательно, что Геббельс, прежде чем окончательно примкнуть к нацистам, довольно долго колебался между ними и Компартией Германии (КПГ), в его окружении той поры было много коммунистов. Именно Геббельс стал редактором журнала «Национал-социалистише брифе», главного теоретического органа левого, социалистического крыла, и секретарем Грегора Штрассера.

Последний между тем не терял времени зря и уже 10-11 сентября 1925 года на совещании своих сторонников в Хагене провозгласил образование «Рабочего содружества северо-и западногерманских гауляйтеров НСДАП», поручив управление его делами Геббельсу. Теоретическим органом «Рабочего содружества» стали вышеупомянутые «Национал-социалистише брифе», выходившие с 1 октября 1925 года. Геббельс в своих дневниках называл их «оружием борьбы против склеротических бонз в Мюнхене» и провозгласил Грегора Штрассера «силой, противостоящей бонзам». Задачу «Рабочего содружества» Геббельс видел в том, чтобы «усилить значение собственной позиции в национал-социалистическом движении и выработать альтернативу пагубному мюнхенскому направлению». В своем журнале он первым делом открыл дискуссию по рабочему вопросу, продолжавшуюся до 1930 года.

Таким образом, уже в конце 1925 года возникла сплоченная, организованная оппозиция по отношению к гитлеровскому руководству НСДАП. Причем оппозиция эта открыто рекламировала себя в качестве левой фракции партии и проводила свою, отличную от гитлеровского руководства в Баварии линию как по второстепенным, тактическим (поддержка КПГ во время референдума о конфискации собственности князей), так и по принципиально важным, стратегическим вопросам (требование создать свой боевой «нацистский» профсоюз). Эта оппозиция собирала членские взносы от входивших в нее земель - «гау» (Саксония, Силезия, Вюртенберг, Баден в их числе), их гауляйтеры получали от руководства оппозиции руководящие циркуляры.

В чем же состояли идеологические расхождения между левой фракцией и гитлеровской группой? Штрассеровцы выступали за социализм, но не за реформистский «сотрудничающий с капиталом социализм СДПГ» и не за «антинациональный социализм КПГ», а за «национальный социализм». Этот их «немецкий социализм» носил в соответствии с национальными

традициями явно выраженный этатистский характер. Наиболее точную и лапидарную формулировку дал Геббельс в своей статье 1 сентября 1925 года в центральном органе НСДАП «Фёлькишер беобахтер» - «Будущее принадлежит, диктатуре социалистической идеи в государстве». В ней Геббельс, главный теоретик левой фракции, пропагандировал национально ориентированный революционный социализм, который через абсолютизацию идеи тоталитарной власти, идею мощного государства, разумеется пролетарского государства, ревизовал интернационалистский марксизм. Интересно, что и Компартия Германии (КПГ) стала выдвигать внешне схожие лозунги пятью годами позднее, причем немедленно была подвергнута за них жесточайшей критике со стороны Льва Троцкого.

Именно в этом смысле (борьба за немецкий «национал-социализм») следует понимать заявление Грегора Штрассера, что идеалом для него являются Август Бебель и вообще немецкое социал-демократическое движение до Первой мировой войны. С КПГ его разделяла полная финансовая и политическая зависимость компартии от Москвы и наличие в ней большого числа евреев, особенно в ее руководстве.

Основными политическими требованиями Грегора Штрассера в это время являлись:

высокие промышленные и аграрные пошлины;
автаркия народного хозяйства;
самое интенсивное обложение посреднических прибылей;
корпоративное построение хозяйства;
борьба против «желтых» профсоюзов;
революционная оборона (читай - наступление) в союзе с СССР против империалистов Запада.

По последнему пункту он писал в передовице «Фёлькишер беобахтер»: «Место Германии на стороне грядущей России, так как Россия тоже идет по пути борьбы против Версаля, она - союзник Германии». Свой внешнеполитический курс Грегор Штрассер навязывал всей партии, и «восточная политика» НСДАП, в отличие от курса Гитлера на союз с Италией, сохранялась вплоть до 1930 года, причем диктовалась она не просто антиверсальскими резонами, корни лежали глубже. Так, Геббельс в своей весьма характерно названной статье «Беседа с другом - коммунистом», помещенной в «Фёлькишер беобахтер», пишет: «Мне нет необходимости разъяснять своему другу-коммунисту, что для меня народ и нация нечто иное, чем для краснобая с золотой цепочкой от часов на откормленном брюшке.

Русская Советская система, которая отнюдь не доживает, последние дни, тоже не интернациональна, она носит чисто национальный русский характер. Ни один царь не понял душу русского народа, как Кении. Он пожертвовал Марксом, но зато дал России свободу. Даже большевик-еврей понял железную необходимость русского национального государства». Интересно здесь то в первую очередь, что написано это в 1925-м, а не, допустим, в 1939 году и относится к Ленину, а не к Сталину.

Показательно также, что Штрассер решительно выступал против антибольшевизма, так как считал его «классическим примером искусной работы капитализма: ему (капитализму. - Авт.) удается запрячь в свою борьбу против антикапиталистического большевизма и такие силы нации, которые не имеют ничего общего с капиталистической эксплуатацией».

Как более динамичная, растущая сила в НСДАП, левая фракция вполне естественно стремилась к тому, чтобы ее программа была принята всей партией. 22 ноября 1925 года на конференции «Рабочего содружества» в Ганновере, на которой были представлены одиннадцать гау, среди прочих присутствовали такие влиятельные гауляйтеры, как Эрих Кох (Рур), Йозеф Вагнер (Вестфалия), Хинрих Аозе (Шлезвиг-Гольштейн), Хельмут Брюкнер (Силезия), Фридрих Гильдебрандт (Мекленбзфг), Карл Кауфман (Рейнланд-Норд), Франц Пфеффср фон Саломон (Вестфалия), Эрнст Шланге (Берлин), БернГард Руст (Ганновер), Карл Рёвер (Ольденбург), Йозеф Тербовен, Роберт Лей (Кёльн) и ряд других.

Грегор Штрассер открывает дискуссию по вопросам партийной программы. Он представляет проект Отто Штрассера и поручает Геббельсу и Карлу Кауфману разработать еще один вариант программы. 11 декабря 1925 года проект Отто Штрассера рассылается для ознакомления во все гау, входящие в «Рабочее содружество», с просьбой обсудить и высказывать свое мнение. Он конкретизировал старую гитлеровскую программу «25 пунктов», дополнив ее в тех частях, которые касались социальных вопросов, в особенности положения рабочего класса, - предусматривалось установление новых экономических отношений, экспроприация промышленного капитала, с передачей 30% акций всех промышленных акционерных обществ в собственность рейха, а 10% - рабочим этих же предприятий, причем последним гарантировалась такая же доля при распределении доходов и места в наблюдательных советах. Еще более радикальной была программа в отношении сельскохозяйственных рабочих - предусматривалась экспроприация помещичьей земли и раздача

ее им.

24 января 1926 года в Ганновере на квартире местного гауляйтера Бернхарда Руста состоялась третья конференция «Рабочего содружества» с участием гитлеровского эмиссара Готфрида Федера. На ней обсуждается штрассеровская программа, причем левые нацисты были полны решимости отстаивать свой курс. Так, Бернхард Руст заявил, что Гитлер северо-западным партийным организациям «не указ», «у нас нет папы - как решило большинство, так и будет» (интересна религиозная подоплека этой фразы. Очевидно, подсознательно «северяне»-протестанты испытывали неприязнь к католическому мюнхенскому руководству), Фридрих Гильдебрандт. гауляйтер Мекленбурга, воскликнул: «Долой мюнхенских реакционеров! Долой прислужников князей!» (сам Гильдебрандт был лидером местного национал-социалистического союза сельскохозяйственных рабочих и одним из наиболее радикальных сторонников братьев Штрассеров). А доктор Геббельс договорился даже до того, что предложил «исключить мелкого буржуа Адольфа Гитлера из НСДАП». Однако пойти на разрыв участники конференции не решились, отложив развязку на 14 февраля 1926 года, дату намеченного руководством НСДАП совещания в Бамберге.

Следует отметить, что среди гауляйтеров Северо-Запада не было полного единодушия. Всегда существовала «большая пестрота взглядов». Наряду с «ведущим социалистом» в НСДАП Грегором Штрассером здесь был поддерживающий Гитлера Роберт Лей, который «по-человечески чувствовал положение рабочих», однако его «социализм» был «родственен классическому идеалу гуманности», и Эрих Кох - «один из решительнейших социалистов», которого от КПГ отделял лишь его антисемитизм.

В этой ситуации Гитлер, мастер закулисных партийных махинаций, хорошо подготовился к предстоящему столкновению. Назначая конференцию в Бамберге, он хорошо понимал, что в связи с отсутствием средств многие «северяне» на нее приехать не смогут - так и вышло. Денег на билет смогли набрать только для Геббельса. Сам Грегор Штрассер приехал бесплатно, как депутат рейхстага. В то же время Гитлер сумел собрать максимальное число своих сторонников, их были не десятки, как на конференции в Ганновере, а сотни. Фюрер публично разорвал программу Штрассера и объявил, что конференция в Ганновере была незаконной. Выступил также Готфрид Федер, но критиковавший «большевистские тенденции» в программе штрассеровцев. Но леворадикальный проект Отто Штрассера не

обсуждался на конференции - сам же Грегор Штрассер отозвал его, чувствуя неравенство сил. Иуда Геббельс поддержал Гитлера, так как тот произвел на него неизгладимое впечатление. Отныне, особенно после того, как 26 октября 1926 года Гитлер назначил его гауляйтером Берлин-Бранденбурга, он проводил свою собственную политику, фактически расколов левое крыло на две части. Группа Штрассера никогда не смогла простить Геббельсу этой «неслыханной измены своим друзьям», как выразился гауляйтер Рура Франц Пфеффер фон Саломон.

Произошли и другие кадровые перестановки, коснувшиеся прежде всего пролетарского Рура - оплота левых нацистов. Тот же Пфеффер переехал в Мюнхен, став руководителем местных «штурмовиков» (СА). Карл Кауфман переведен гауляйтером в Гамбург, а Эрих Кох (будущий палач Украины) - в Восточную Пруссию.

Закрепляя свою победу, Гитлер разослал 1 июня 1926 года из Мюнхена директиву о роспуске «Рабочего содружества». В партии был введен принцип фюрерства, отныне гауляйтеров назначал сам Гитлер, демонстративно была провозглашена неизменность первой программы партии (так называемых «25 пунктов»), которой, кстати говоря, Гитлер не очень дорожил, считая ее устаревшей.

Однако полного разгрома штрассеровской фракции не произошло. Левые сопротивлялись. 1 марта 1926 года, сразу после бамбергского поражения, братья Штрассеры основали в Берлине издательство «Кампфферлаг» и развернули широкую пропагандистскую кампанию. Начались обмены любезностями. Весьма характерна была появившаяся в это время статья Эриха Коха, в которой ни разу не упоминался Иозеф Геббельс, но рассказывалось на исторических примерах о гнусности, коварстве и ничтожестве всякого рода калек и уродцев, занимавшихся политической деятельностью.

Гораздо более серьезным делом, нежели газетные уколы, был созыв в июле 1926 года под нажимом левых специальной конференции партии по вопросу о создании своего нацистского профсоюза. И хотя от штрассеровцев им так и не удалось добиться создания боевой рабочей организации, в следующем, 1927 году на Нюрнбергском партийном съезде они вновь выдвинули свои «пролетарские» требования, продолжая на страницах контролируемой левыми нацистами печати («Национал-социалистише брифе», «Рейхсварт») оживленную дискуссию по этому вопросу. При этом полностью игнорировалась антипрофсоюзная позиция Гитлера, изложенная в «Майн кампф». Лидер столичной парторганизации Геббельс,

который хотя переметнулся в организационном плане на сторону фракции Гитлера, все же длительное время сохранял свои левые убеждения. Он решительно выступал в поддержку забастовочной борьбы. В своей статье «Стачка», помещенной в издаваемой им газете «Ангриф» 10 февраля 1930 года, он приветствовал забастовки как средство борьбы против «системы» и «плохих капиталистов».

В 1927 году под его влиянием появилась первая нацистская группа на крупном предприятии - это был «национал-социалистический союз избирателей» на заводе «Берлинер Кнорр-Брамзе А.Г.», переименованный вскоре в «Национал-социалистический Боевой Рабочий Союз». Вслед за этим одна за другой стали появляться подобные организации на крупнейших предприятиях (заводы Сименса, Бор-зига, «АЭГ», Берлинское транспортное общество «Фауг» и т. д.). В конце 1928 года их было свыше пятидесяти. Главным их организатором являлся энергичный и талантливый 23-летний заместитель Геббельса по руководству берлинской парторганизацией Рейнгольд Мухов и его помощники Вальтер Шуман и Иоганн Энгель. Создавая свою организацию по принципу производственных ячеек, Мухов копировал опыт КПГ. Он писал: «Главной задачей... является превращение рабочих в правящий слой нового государства». В конце концов Гитлер вынужден был смириться, и на Нюрнбергском съезде 1929 года было принято решение создать свою общегерманскую рабочую организацию.

1 мая 1930 года - день официального провозглашения НСБО - Национал-социалистической организации производственных ячеек. Именно в это время НСДАП резко усиливает свое влияние среди рабочего класса. На выборах 1930 года за нее голосовали 2 миллиона рабочих, 200 тысяч рабочих состояли в СА. Среди членов НСДАП их доля достигала 28% (почти в два раза больше, чем доля рабочих, состоящих в КПГ; коммунистов недаром называли партией безработных).

Помимо борьбы по профсоюзному вопросу, штрассеровцы наращивали свою пропагандистскую работу. Во второй половине 30-х годов издательство братьев Штрассеров «Кампфферлаг» начинает выпускать массовым тиражом восемь журналов и газет, самая крупная из которых - «Берлинер арбайтер цайтунг». Вместе с ней в марте 1926 года начинает выходить «Дер Националe социалист», а вслед за ними «Саксишер беобахтер» и два журнала - «Национал-социалистише брифе» и «Фауст». Через эти газеты и журналы штрассеровцы ведут нападки на представителей крупного капитала, особенно на Шахта, что вызывает новые санкции со стороны Гитлера - 23 апреля 1927 года он лишает

главный рупор левых, журнал «Национал-социалистише брифе», статуса официального органа партии, оставляя за ним право печатать лишь дискуссионные материалы и научные публикации.

Не все левые нацисты сдались после Бамбергской конференции в феврале 1926 года без боя, как братья Штрассеры. Довольно большая группа революционных нацистов во главе с «Хейнцем» (Карл Гвидо Оскар) Хауенштайном, Фрицем Канненбергом и Эрихом Тиммом выступила тогда против Гитлера и 15 сентября 1926 года была исключена из партии. После закулисных переговоров с Отто Штрассером, который в тот момент отказался последовать за ними, эта группа 24 ноября 1926 года провозгласила создание Независимой Национал-социалистической партии Германии (УНСПД) и ее боевой организации - «Союза друзей Шлагетера» (аналог СА). В ее создании приняли участие представители левых нацистов Берлина, Халле и Лейпцига. УНСПД выпускала свой орган в Дрездене - еженедельную газету «Дойче фрайхат» и насчитывала 1,5 тысячи членов. Идеологически группа базировалась на признании тезисов о народном социализме и провозглашения Великогерманской Советской республики, достижимой в результате классовой борьбы, социализации частной собственности, социальной и национальной революции.

В начале 1927 года УНСПД обратилась с призывом к «товарищам из Союза красных фронтовиков» (РФК - военизированная организация Компартии), в котором предлагала вести совместную борьбу против общих врагов - капиталистов и сторонников «буржуазного» фашизма, так как многие цели и классовые позиции обеих организаций совпадают.

Не получив широкой поддержки среди рабочих, организация в конце 1927 года распалась, большинство ее членов вернулось в НСДАП, занимая по-прежнему крайне левые позиции в ней и активно действуя в руководстве НСБО (организация национал-социалистических производственных ячеек) и штурмовиков (СА).

К этому времени в результате резкого роста НСДАП и ее электората, причем именно на Севере и Западе Германии, влияние самого Грегора Штрассера в партии и позиции его фракции резко улучшились. Этому способствовал и переход в НСДАП ряда представителей революционного крыла долгое время конкурировавшей с ней праворадикальной «Немецко-фёлькишеской партии свободы», в частности ее депутатов в рейхстаге Эрнста Графа цу Ревентлова, Константина Хирля, Вильгельма Кубе и Франца Штёра. Ревентлов со своей газетой «Рейхсварт» становится наряду с Отто Штрассером главным пропагандистом и идеологом левых нацистов. Выступая на

Нюрнбергском съезде партии в августе 1927 года, он заявил: «Мы не должны забывать, что мы национальные социалисты, и поэтому никогда не должны проводить такую внешнюю политику, которая служит или могла бы служить капиталистическим интересам». Константин Хирль по поручению Гитлера создает и возглавляет в Мюнхене 2-й организационный отдел партии. В его рамках действует «отдел экономической политики» - один из бастионов левых, возглавляемый Отто Вагенером, близким другом братьев Штрассеров. Роль этого отдела особенно возросла после того, как в июне 1932 года Грегор Штрассер был назначен Гитлером имперским оргсекретарем НСДАП.

Штрассеровцы и в конце 20-х годов, как уже указывалось, продолжали пропаганду своих левых, социалистических идей, как будто и не было поражения в Бамберге. Так, в своем очередном проекте правительственной программы, который они пытались навязать всей НСДАП в 1929 году, Отто Штрассер писал: «НСДАП является социалистической партией. Она знает, что свободная германская нация может возникнуть лишь путем освобождения трудящихся масс Германии от всяческих форм эксплуатации и угнетения. НСДАП является рабочей партией. Она стоит на точке зрения классовой борьбы трудящихся против паразитов всех рас и вероисповеданий». Далее он разъяснял, что партия выступает за «народное советское государство», и повторял известный тезис о «революционной обороне против империалистических государств в союзе с СССР».

В июне 1927 года в «Национал-социалистише брифе» была напечатана большая программная статья Дитриха Клакгеса, ставшего позднее ближайшим сподвижником Отто Вагенера по «отделу экономической политики», - «Чего хочет национал-социализм». В ней Клакгес в негативных тонах расписывал «господство либерально-капиталистического государства и экономическую монархию», давал резкую критику капитализма, который «планомерно злоупотребляет собственностью на средства производства, отдал богатство и собственность в руки хапуг», а создателей материальных ценностей «поверг в нищету и беды». «Это капитализм, подавив сознательный труд, лишил нацию мира внутри страны и сделал безоружной для отражения нападения извне». В подобном духе продолжал выступать и лидер левых Грегор Штрассер: «Мы социалисты. Мы враги, смертельные враги нынешней капиталистической системы».

В мае 1929 года пресса штрассеровского издательства «Кампфферлаг» в союзе с прессой компартии в рамках пропагандистской кампании против подписания репарационного «плана Юнга» выступила с резкой критикой традиционных

союзников НСДАП из правоконсервативного и «социал-революционного» лагеря (Немецкой национальной народной партии Гугенберга, «Стального шлема» и т. п.). Брошенное им штрассеровцами обвинение в том, что они являются «подручными американского финансового капитала» и поэтому предпочитают союз «между германской и американской буржуазией своей связи с судьбой нации», полностью совпадало с аналогичными обвинениями тех же сил со стороны КПГ.

Критикуя гитлеровское руководство за отказ от революции, за соглашательство с клерикалами и монархистами, за коррупцию и зависимость от капитала и правых, за принятие в партию принца Августа-Вильгельма, за участие в коалиционном правительстве Тюрингии, штрассеровское крыло партии стремилось «открыть путь для социалистических преобразований в Германии» путем «отрыва» Гитлера от его союзников из правого лагеря.

На базе борьбы против союза с крупным капиталом и правыми партиями «решительно социалистическое левое крыло НСДАП» вновь консолидируется и ведет свою пропаганду «приблизительно в стиле КПГ». Показателен конфликт в руководстве саксонской парторганизации. Когда на выборах 1929 года нацисты получили здесь достаточно мест для того, чтобы создать коалиционное правительство, лидер фракции НСДАП капитан-лейтенант в отставке Хельмут фон Мюкке направил 29 июня того же года письмо Гитлеру, в котором предлагал создать это правительство в коалиции с КПГ и СДПГ. Гитлер решительно отверг этот план, настаивая на коалиции с правыми. Он сместил фон Мюкке и назначил лидером фракции его личного врага капитан-лейтенанта в отставке Манфреда фон Киллингера. В ответ на это фон Мюкке 10 июня вышел из партии, обвинив ее в том, что она «продалась капиталистам», и устроил скандал в прессе, разоблачив роль фабриканта и гауляйтера Саксонии Мартина Мучмана.

Можно согласиться с Альфредом Розенбергом, что весной 1930 года левые нацисты, коммунисты и левые социал-демократы были малоразличимы, «представляли революционное движение в Германии».

1 августа 1929 года Отто Штрассер опубликовал в «Национал-социалистише брифе» свои знаменитые «14 тезисов германской революции», дав старт очередному наступлению левых на старую программу партии. По крайней мере половина этих тезисов носила ярко выраженный антикапиталистический характер и могла, с таким же успехом, принадлежать КПГ.

В апреле 1930 года верная своей антикапиталистической

линии группа Штрассера, как она это делала и раньше, решительно поддержала забастовку саксонских металлистов, требуя при этом боевого сотрудничества с КПГ. Все это вызвало крайне негативную реакцию группировавшегося вокруг Германа Геринга правого крыла НСДАП. Геринг выразил протест против деятельности издательства «Кампфферлаг» и потребовал передать издательство руководству нацистской партии. Этого хотел и Гитлер. Можно согласиться с тем мнением, что в этот период он стремился убедить буржуазные силы, занимавшие командные высоты в Веймарской республике, особенно руководителей рейха и экономики, в своей лояльности. При всех обстоятельствах он должен был помешать тому, чтобы социалистическое крыло его собственной партии испортило этот «гешефт». 21 мая 1930 года состоялись переговоры Гитлера с братьями Штрассерами в берлинском отеле «Сан-Суси», во время которых Гитлер предложил Отто (владельцу издательства) выкупить его, предлагая в обмен мандат депутата рейхстага, на что тот ответил категорическим отказом. В данной ситуации Отто рассчитывал на предварительную договоренность с Ревентловом, Кохом и другими своими единомышленниками, которые обещали ему в случае конфликта выйти из партии и создать по примеру 1926 года Независимую НСДАП, в нее обещали вступить многие националистические, «социал-революционные» группы вне НСДАП, разделявшие «14 тезисов» Отто, например «национал-большевистская» группа «Революционных национальных социалистов» Карла Отто Петеля.

Однако Гитлер не дал времени на организацию, объединение и перегруппировку сил левых нацистов. По его приказу берлинский гауляйтер Иозеф Геббельс, который до сих пор, несмотря на «бамберское предательство», продолжал лавировать между обеими фракциями, дает распоряжение принять организационные меры против штрассеровских изданий и лидеров штрассеровцев.

4 июля 1930 года, спустя четыре дня после бурного собрания членов партии берлинской гау, на котором Геббельс зачитал письмо Гитлера с требованием «очистить гау от этих элементов», Отто Штрассер с группой ближайших соратников выходит из партии, опубликовав в прессе своего издательства манифест «Социалисты покидают НСДАП». Спустя несколько дней появился другой программный манифест, «Министерские кресла или революция?». Эти документы в значительной мере способствовали тому, что уже существенно позднее широко распространилась легенда о полном отказе НСДАП в 1930 году от левой ориентации, поражении левого крыла в ней. Это не совсем

так. Ведь в 1930 году ни Эрнст Граф цу Ревентлов, ни Эрих Кох, ни Отто Вагенер, ни тысячи других левых нацистов из партии не вышли (не говоря уже о самом Грегоре Штрассере), рассчитывая, как и в 1926 году, продолжить борьбу с Гитлером внутри партии. Какое-то время казалось, что они и на этот раз оказались правы - в июле 1932 года, как уже отмечалось, Грегор Штрассер, отмежевавшийся в свое время от брата, был назначен имперским оргсекретарем НСДАП. Это была, однако, как показали последующие события, пиррова победа.

После ухода революционно ориентированной группы Отто Штрассера «даже самые недоверчивые из капиталистов перестали считать НСДАП партией левых». В нее окончательно поверила и мелкая буржуазия, которая «в любой стране ничего не боится так сильно, как потери своего общественного статуса путем превращения в рабочих».

В группе Отто Штрассера, вышедшей из партии 4 июня 1930 года, было поначалу всего 25 человек, в основном из пролетарского берлинского района Нойкёльн. Вскоре к ним присоединилось несколько сот руководящих функционеров НСДАП. Среди них бывший вожак «фрайкора» и руководитель кюстринского путча «черного рейхсвера» в октябре 1923 года майор Эрнст Бруно Бухруккер, руководитель бранденбургской «школы национал-социалистских фюреров» Вильгельм Корн, сотрудник «Кампфферлаг» Герберт Бланк, силезский руководитель «Революционного крестьянского движения» Рихард Шапке, заместитель гауляйтера НСДАП Бранденбурга Рудольф Рём и гауляйтер Мекленбурга Фридрих Гильдебрандт, впрочем, последний вскоре вернулся к Гитлеру. Эта группа называла себя поначалу Революционной рабочей партией - Оппозиционной или НСДАП-Оппозиционной, по аналогии с отколовшейся годом раньше от КПГ фракцией «правых», так называемой КПГ/О. Это было не случайно - Отто Штрассер и его друзья были сторонниками сближения с компартией, а после принятия последней 24 августа 1930 года национально ориентированной «Программы национального и социального освобождения германского народа» полностью с ней солидаризовались. Любовь не была взаимной, Компартия Германии (КПГ) с самого начала враждебно отнеслась к группе Отто Штрассера, объявив ее даже более вредной и опасной, чем сама НСДАП. Впрочем, так же она отнеслась и к лево-социалистической САП (Социалистической рабочей партии), более опасной, по мнению патентованных наследников Карла Маркса и Розы Люксембург, чем СДПГ. В списке «врагов народа» группа Отто Штрассера заняла, таким образом, лишь пятое место, после авторитарного («фашистского»)

правительства канцлера Генриха Брюнинга - это был «главный фашист», САП, СДПГ, консервативных националистов, опережая, однако, по вредности «антикапиталистическую» (по терминологии «Роте Фане») НСДАП. Впрочем, это не мешало коммунистам вовсю использовать штрассеровцев для разложения НСДАП.

Хотя для группы Отто Штрассера такое враждебное отношение со стороны КПГ явилось весьма неприятным сюрпризом, было решено все же перейти к дальнейшему партстроительству с перспективой союза с КПГ. Довольно долго дебатировался вопрос о названии новой партии, предлагалось: «Национальные большевики», «Революционные немецкие социалисты», «Союз борьбы немецких социалистов». В конце концов сошлись на идентификации себя как «революционных национал-социалистов». 8 июля 1930 года было провозглашено создание новой партии - «Боевого содружества революционных национал-социалистов» (КГРНС) (интересно, что венский филиал группы назывался Немецко-национальной Коммунистической партией). В руководство новой партии вошли, помимо постоянной революционной «тройки» - Штрассер, Бланк, Бухруккер, - Вильгельм Корн (агитпроп), Рудольф Рем и Гюнтер Кюблер (оргруководители), Артур Гроссе и Рихард Шапке (работа с молодежью). Эмблемой организации избрали пересекающиеся меч и молот, флаг - черный, позже добавили свастику. Было подчеркнуто, что новая партия выступает за революционный национал-социализм, против компромиссов и коалиций с партиями крупного капитала, имеет антиимпериалистический характер. Хотя почти сразу к новой организации примкнуло несколько сот функционеров НСДАП и СА, момент для образования партии был явно неудачен. Во-первых, вскоре (в сентябре) прошли выборы в рейхстаг, на которых КПГ и особенно НСДАП резко увеличили свое влияние. Во-вторых, в этих условиях левые нацисты, в большинстве своем, не решились порвать с Гитлером. И, в-третьих, КПГ, приняв новую программу и сделав тем самым решительный поворот к средним слоям и опасаясь конкуренции со стороны «революционных национал-социалистов» Отто Штрассера, повела на них решительную атаку. В этой ситуации значительная часть новой партии, среди которой (4 октября 1930 года) Рудольф Рем и Вильгельм Корн - два из трех секретарей организации - по орг-и агитпропработе, в феврале 1931 года - лидер национал-социалистического рабоче-крестьянского молодежного союза Артур Гроссе, выходят из нее и вливаются в КПГ.

Летом-осенью 1930 года «Боевое содружество революционных

национал-социалистов» насчитывало около четырех тысяч членов. Из них - в Руре - 1,5-2 тысячи, в Берлине - несколько сотен, в Бранденбурге - менее тысячи, в Саксонии - 1-1,5 тысячи и в Мекленбурге - 200 человек.

Особенно чувствительным для Отто Штрассера было предательство мекленбургского гауляйтера, боевого и динамичного лидера местного национал-социалистического союза сельскохозяйственных рабочих Фридриха Гильдебрандта, который поначалу вышел из состава НСДАП, но вскоре, сговорившись за спиной Отто Штрассера с Гитлером и получив какие-то подачки от «мюнхеннев», вернулся в НСДАП.

Первый имперский конгресс новой партии 26 октября 1930 года в Берлине производил жалкое впечатление. Присутствовало только 17 делегатов, скромно провозгласивших себя «школой младших офицеров немецкой революции». Был избран исполком в составе Отто Штрассера, майора Эрнста Бруно Бухруккера (1878-1966) и Герберта Бланка (1899-1958). Ответственными за работу с молодежью были назначены Рихард Шапке (1897-1940) и Альфред Франке-Грикш. Работу с прессой возглавили Ойген Моссаковский и Бланк; Бюро по внешней политике возглавил доктор Карл Хеймзот. В бюро внутренней политики вошли Моссаковский, Хорст Вауер, Ульрих Ольденбург, Тешнер и Готтхард Шильд. Однако вскоре ряды партии начали расти, в основном за счет выходцев из родственных по духу национал-революционных движений, таких, как «Союз Оберланд», «Вервольф», «Союз Артаманов», «Младогерманский орден», «Революционное крестьянское движение», «Стальной шлем», и даже за счет членов КПГ. Новую партию поддержали круги, группировавшиеся вокруг газеты «Ди Тат», которую возглавляли Ганс Церер и Фердинанд Фрид. Если в июле 1930 года в новой организации было около тысячи членов, а после сентябрьского раскола еще меньше, то в апреле 1931 года их стало уже 6 тысяч.

Неожиданно большое пополнение получил Отто Штрассер из рядов СА, в которых в начале 30-х годов происходило перманентное брожение. Штурмовые отряды (СА), военизированные отряды НСДАП, были созданы 3 августа 1921 года под названием «группы порядка» на базе некоторых праворадикальных «фрайкоров». Первым руководителем СА стал Эмиль Морис. 4 ноября 1921 года формирующиеся отряды официально получили название Штурмовых отрядов (СА). 28 ноября 1923 года проведен первый парад СА, во время которого были вручены штандарты первым четырем только что сформированным отрядам: «Мюнхен», «Мюнхен II», «Нюрнберг» и «Ландсхут». После «пивного путча» СА вместе с НСДАП были

запрещены, но продолжали незаконно действовать под названием «фронтбан». В феврале 1925 года они вновь были легализованы.

К этому времени «Фронтбан» возглавлял капитан Эрнст Рём, выпущенный из тюрьмы сразу же после суда над нацистскими лидерами. Рём, как известно, был сторонником объединения НСДАП с многочисленными праворадикальными «фёлькишескими» группами в рамках «Национал-социалистической партии свободы» (НСПС) под руководством генерала Людендорфа (эту же идею разделял и Грегор Штрассер). Однако после освобождения Гитлера из тюрьмы (20 декабря 1924 г.) он объявил о восстановлении НСДАП. Тем самым Гитлер дезавуировал Штрассера и Рема, а заодно и развалил новую партию. 12 февраля 1925 года Грегор Штрассер заявил о выходе из «Национал-социалистической партии свободы» и восстановлении своего членства в НСДАП, после чего НСПС вскоре распалась. Наивный и несколько туповатый капитан Эрнст Рём продолжал упорствовать. 16 апреля 1925 года он предпринял последнюю попытку переубедить Гитлера сохранить хотя бы «Фронтбан», как парамилитаризованное объединение всех праворадикалов, однако переданный им с этой целью меморандум Гитлер оставил без ответа. 1 мая 1925 года Рём объявил о своем отказе от руководства «Фронтбаном» и от возложенного на него Гитлером в качестве альтернативы командования СА, а также о выходе из «всех политических союзов и объединений». В 1928 году он уехал военным советником в Боливию и вернулся оттуда только к 1 января 1931 года, когда Гитлеру потребовался новый руководитель (формально - начальник штаба) СА.

«Фронтбан» временно возглавил руководитель его «Группы Центр» Вольф Генрих фон Гельдорф. Однако 22 сентября 1925 года и он вышел из организации.

Что касается СА, то до начала 1926 года они временно находились в подчинении местных гауляйтеров, а в январе 1926 года «комиссарские» функции в них перенял капитан в отставке Дресслер, пока в июле того же года, по указанию Гитлера, их не возглавил «штрассеровец» Франц Пфеффер фон Саломон. В 1928 году он разделил территорию Германии (плюс Австрия) на семь «групп», поставив во главе каждой оберфюрера: капитана Вальтера Стеннеса («Ост» - Берлин), майора Пауля Динклаге («Норд» - Ганновер), подполковника Курта фон Ульриха («Вест» - Кассель), капитан-лейтенанта барона Манфреда фон Киллингера («Центр» - Дрезден), майора Августа Шнейдхубера («Зюйд» - Мюнхен), обер-лейтенанта Виктора Лютце («Рур» - Эльберфельд) и капитана Германа Решни (Австрия).

Очень скоро Гитлер понял, что из боевого офицера Франца Пфеффера не удастся сделать послушную марионетку, как из колченогого уродца доктора Геббельса. Штурмовики постоянно превращались в один из главных бастионов «левого» крыла НСДАП, источник постоянной головной боли для «мюнхенских бонз».

Это брожение тайно поддерживали «верховный фюрер СА» и по совместительству Гитлерюгенда - Франц Пфеффер фон Саломон и его начальник штаба Отто Вагенер - оба сторонники Грегора Штрассера. Лидером недовольных был заместитель «верховного фюрера СА - Ост» капитан Вальтер Стеннес. В начале апреля 1931 года он организовал настоящий путч (второй по счету, первый Гитлер «простил») в Берлине, захватив резиденцию гауляйтера не на шутку перепугавшегося Геббельса и редакцию газеты «Ангриф». С большим трудом, с позорным привлечением полиции, путч удалось подавить, штурмовики, участвовавшие в нем, были исключены из партии и образовали «Национал-социалистическое боевое движение Германии» (НСКД) во главе с Вальтером Стеннесом, насчитывающее поначалу примерно 8-10 тысяч человек. Однако очень быстро число сторонников Стеннеса стало сокращаться, и спустя пару месяцев скопилось до двух тысяч человек.

Новое движение, хотя и не сразу, стало сотрудничать с группой Отто Штрассера. Оно признало политическое руководство «революционных национал-социалистов», а «14 тезисов германской революции» приняло в качестве своей программы. К этому времени в группе Отто Штрассера, помимо молодежной организации (Национал-социалистический рабоче-крестьянский молодежный союз), действовал и аналог «Союза красных фронтовиков» или СА - так называемые «Революционные бойцы», которых после выхода из тюрьмы возглавил бывший обер-лейтенант рейхсвера Ганс Вендт. Вендт был одним из трех офицеров рейхсвера, осужденных в 1930 году на Ульмском процессе по делу о национал-социалистической агитации в армии. (Второй из осужденных офицеров - лейтенант Ганс Людин - остался в НСДАП, стал одним из вождей СА и чудом не погиб во время «ремовского путча», а третий - лейтенант Рихард Шерингер - вступил в КПГ.)

После присоединения к ним группы капитана Вальтера Стеннеса «Революционные национал-социалисты» распространили свою деятельность практически на всю страну. Крупные организации действовали в Берлине, Гамбурге, Ганновере, Эйзенахе, Готе, Лейпциге, Брауншвейге, Бреслау и особенно в rау Мекленбург-Любек и Бранденбург (в них на

сторону Отто Штрассера перешло большинство местных членов НСДАП). К новой организации примкнули такие «старые бойцы», как бывший адъютант Гиммлера по руководству СС - Ганс Густерт и руководители восточных региональных организаций СА - Герман Титьенс, Ханс Люстиг и Курт Кремзер.

Новую партию назвали «Национал-социалистическое боевое содружество Германии» (НСКД). Она насчитывала до 10 тысяч участников. Штрассер стал ее политическим лидером, а капитан Стеннес - военным. В руководство НСКД вошли как штрассеровцы - Бухруккер, Бланк, Кюблер, так и бывшие сторонники Стеннеса - Вальтер Ян и другие. Центральным органом стала газета «Дойче революцион» (Немецкая революция) - редакторы Штрассер и Ульрих Ольденбург. Однако продолжали выходить и стеннесовские «Рабочий, крестьянин, солдат» и «Национал-социалистише монтагсблатт». Была создана новая молодежная организация - «Революционная рабоче-крестьянская молодежь». Свой профсоюз - аналог НСБО, во главе с берлинским рабочим Геккером. А также отдел помощи политзаключенным во главе с капитаном полиции Гансом Мигге. Однако стабилизировать положение новой организации не удалось. Происходит новый раскол, и на сей раз, помимо оттока части членов в КПГ и НСДАП, создаются две конкурирующие левонацистские организации.

Первой, в августе 1931 года, из движения вышла левая фракция во главе с Ульрихом Ольденбургом, которого поначалу поддержал и бывший обер-лейтенант Ганс Вендт (впрочем, Вендт вскоре ненадолго вернулся к Штрассеру, но лишь для того, чтобы спустя несколько месяцев окончательно перейти к Ольденбургу), популярный вожак нацистской, а затем штрассеровской ячейки в пролетарском пригороде Берлина «Красном Веддинге» Готтхард Шильд и бывший капитан-лейтенант, герой Первой мировой войны Хельмут фон Мюкке (в свое время Мюкке, будучи лидером фракции НСДАП в саксонском ландтаге, сделал вопреки Гитлеру попытку создать коалиционное правительство из НСДАП, СДПГ и КПГ). Ольденбург, будучи главным редактором «Дойче революцион», сделал ее органом своей группы, которая имела двойное членство - помимо нелегальной организации - «Союз борьбы немецких революционеров» (КГДР), во главе с самим Ольденбургом существовало и официальное «Немецкое социалистическое боевое движение» (Мюкке, Шильд). Как и Отто Штрассер, они выступали за Великогерманскую рабоче-крестьянскую социалистическую республику, за революционный союз с СССР, однако критиковали его за «буржуазное» понимание социализма как общественной собственности с долевым

разделением: рейху - 30%, рабочим - 10%, землям - 6%, общинам 5%, остальное - частным владельцам. Пурист Ольденбург считал, что эта теория ничего общего с социализмом не имеет. Его соратник лейтенант Ганс Вендт, окончательно порвав со Штрассером, отвечал за боевую работу организации. Для этого он создал в Берлине анархотер-рористическую группу (40-50 человек) и установил контакт с аналогичной организацией некоего Климашевского «Восточнопрусская боевая молодежь» (200 человек). Однако широкого резонанса эта деятельность не имела, слишком сильны были конкуренты.

В сентябре 1931 года откололась от организации Отто Штрассера и группа Вальтера Стеннеса, конституировавшись а «Независимое национал-социалистическое боевое движение Германии» (УНСКД), со своим органом «Национал-социалистише монтагсблатт».

Все это привело к тому, что ко 2-му имперскому конгрессу «революционных национал-социалистов» (2-4 октября 1931 года) в их рядах осталось всего 2,5 тысячи членов. На конгрессе было решено вернуть себе старое название - «Боевое содружество революционных национал-социалистов» (КГРНС), а в исполком помимо старых его членов - Штрассера, Бухруккера и Бланка - были выбраны два левых радикала - Ганс Вендт и Вальтер Пагель. Однако Отто Штрассер не унывает, он выдвигает предложение объединить все праворадикальные, национал-революционные, левонационал-социалистические и национал-большевистские организации в так называемый «Черный фронт», что и происходит 20 ноября 1931 года в Берлине. В этот пестрый союз входят группа Вальтера Стеннеса - УН СКД, а также «Бунд Оберланд», «Вервольф», «Ландфолькбунд» и другие группы, они называют себя «школой офицеров и унтер-офицеров немецкой революции». Поддержку им оказывают национал-революционные и «национал-большевистские» издания типа «Ди Тат», «Видерштанд», «Коммендeн», «Ди юнге маншафт». Главным агитационным призывом нового объединения стал старый штрассеровский лозунг «За немецкую народную революцию!» (впрочем, позаимствованный к тому времени т. Эрнстом Тельманом). Еще с сентября 1931 года Отто Штрассер начал издание своей новой газеты «Шварце фронт» («Черный фронт»). Конкретизируя понимание лозунга «народной революции» применительно к текущему моменту, он провозглашает в своей газете: «С нами за революционное правительство Грегора Штрассера, Ревентлова, Зеверинга, Хёльтермана и Шерингера!» Если расшифровать, получается коалиционное правительство левых нацистов (Грегор Штрассер, Ревентлов), «боевых» социал-демократов (Зеверинг,

Хёльтерман) и «национально ориентированных» коммунистов (Шерингер). Интересно, что, как широко известно, в декабре 1932 года эту же идею «рабочего правительства» с опорой на социал-демократические профсоюзы попытался осуществить тогдашний канцлер генерал Шлейхер, представитель рейхсвера, причем, как и Отто, он делал ставку на новый раскол НСДАП, рассматривая Грегора Штрассера как «рабочего политика», но отказывая в этом Гитлеру.

В это время теснее всего «революционные национал-социалисты» сотрудничают с компартией. Они совместно участвуют в забастовках, бойкотах, демонстрациях, драках со штурмовиками (в рядах «Союза борьбы против фашизма», сменившего запрещенный «Союз красных фронтовиков»), а также в различных совместных комитетах, типа Комитета за освобождение лидера крестьян-террористов Клауса Хейма, «Комитета Шерингера» (один из вышеупомянутых трех офицеров-нацистов, которому после вступления в КПГ набавили срок) и других. Постоянно проводились совместные собрания и открытые дискуссии с участием таких видных деятелей КПГ, как, Вилли Мюнценберг, Хейнц Нойман, Вернер Хирш, а от «революционных национал-социалистов» - Отто Штрассер, Ойген Моссаковский.

7-10 сентября 1932 года в Лойтенберге происходил 3-й имперский конгресс «революционных национал-социалистов». Присутствовало около двухсот делегатов, которым была презентована новая боевая организация партии, т. н. «Черная гвардия» (очевидно, на этот раз Штрассер решил скопировать не СА, а СС). Тем не менее утечка членов из организации продолжалась, они по-прежнему переходили в КПГ, а со второй половины 1932 года и в НСДАП (это было вызвано тем, что после улучшения франко-советских отношений Москва потребовала от КПГ свернуть свой так называемый «Шерингер-курс», который был направлен на привлечение националистически настроенных средних слоев и отличался крайне антифранцузской и антиверсальской направленностью).

К Гитлеру, в частности, вернулись последний из секретарей партии первого состава Гюнтер Кюблер, член второго секретариата Герберт Бланк. В компартию, к Эрнсту Тельману, ушли пять бывших фюреров Гитлерюгенда и активистов штрассеровского движения - Томас Крюгер, Фридрих Копп, Рихард Шмид, Ойген Хартман, Эдит Ноак, член второго секретариата Вальтер Пагель, руководитель мюнхенской группы Фридрих Беер. Оставшаяся небольшая группа революционных национал-социалистов во главе с Отто Штрассером тем не менее и после прихода Гитлера к власти продолжала активную

деятельность (в своем списке «врагов народа» Гитлер ставил ее на почетное первое место). Центр ее переместился в Прагу, где выходит сначала (с марта 1933 года) «Дер Шварце Зендер», а с февраля 1934 года - «Дойче революцион».

30 января 1934 года Отто Штрассер объявляет в Праге о создании «Комитета действий германской революции» в качестве контрправительства в эмиграции и центра всех оппозиционных сил. В начале 1936 года Отто Штрассер явился лидером охватившего довольно широкие круги эмиграции так называемого «Германского народно-социалистического движения», в котором приняли активное участие бывшие коммунисты (Ганс Яегер, Макс Зиверс, Эрих Волленберг, Рудольф Мёллер-Достали), социал-демократы (Карл Хёльтерман, Венцель Якш, Вильгельм Зольман, Отто Бухвиц), небольшие левые группы (Ойген Брем, Курт Хиллер) и оппозиционные нацисты (Генрих Грунов, Герман Мейнен, Герман Раушнинг). Под редакцией Рихарда Шапке и Отто Бухвица выходит орган движения «Фёлькише Социалистише блеттер». В 1937 году он создает «Германский фронт против гитлеровского фашизма», а в 1941 году «Движение за свободу Германии» и «Немецкий Национальный Совет». Вплоть до своей смерти в ФРГ, куда он вернулся в середине 50-х годов, Отто Штрассер создавал небольшие сектантские группы типа «Союза немецких социалистов» или «Независимой рабочей партии».

Однако вернемся к НСДАП. Как мы уже отмечали, борьба за левый, социалистический курс продолжалась в ней и после ухода Отто Штрассера. Изгнав его, Гитлер тем не менее длительное время проявлял «сдержанность» в отношении представителей левых и стремился использовать их в своих целях и дальше. Очередное обострение фракционной борьбы произошло в декабре 1932 года, после того как Грегор Штрассер принял участие в попытке генерала фон Шлейхера сформировать «рабочее правительство» из представителей рейхсвера, СДПГ и контролируемых ею профсоюзов, а также социалистического крыла НСДАП. Под последним подразумевались 63 депутата рейхстага, близких к Грегору, - Эрнст Граф цу Ревентлов, Франц Штёр, Карл Кауфман, Константин Хирль, Отто Вагенер и другие. Однако Гитлер пресек эту акцию Штрассера, причем большинство сторонников последнего в очередной раз предало своего лидера. 9 декабря Грегор Штрассер был отстранен от всех постов в партии. Вместе со Штрассером попал в опалу и поддержавший его Готфрид Федер. Однако «антипартийная группа Штрассера - Федера» отнюдь не сложила оружия. После неудачных в общем для НСДАП выборов в округе Липпе (январь 1933 года) здесь произошло очередное выступление социалистического крыла

против центрального руководства. В результате группенфюрер СА Средней Франконии Вильгельм Штегман был отстранен Гитлером и Ремом от своих обязанностей, несмотря на то, что в его поддержку выступила вся земельная организация СА. 13 января в «Фёлькишер беобахтер» сообщили о выходе из НСДАП руководителя округа Липпе, который при этом заявил, что «партия продолжает парламентскую болтовню вместо того, чтобы уничтожить Веймарскую систему», выступил с обвинениями против «партийных бонз», против «немыслимого византизма», против «постоянной грызни, клеветы, интриг, обострений и т. д.», которые привели к отстранению Грегора Штрассера. На состоявшемся в том же месяце партийном съезде имела место бурная дискуссия со сторонниками штрассеровского направления по всем центральным вопросам.

Следующим поражением левых был разгром руководства нацистского профсоюза - НСБО. Еще летом 1933 года наиболее радикальные активисты НСБО были изгнаны из организации. Некоторые из них даже попали в концлагеря как «марксистские агенты». 5 августа 1933 года по требованию Гитлера лидер НСБО Рейнгольд Мухов вынужден был прекратить прием в организацию (которая достигла к этому времени 1 млн. 300 тысяч членов плюс 300 тысяч кандидатов, а в молодежную организацию влились Гитлерюгенд). НСБО была объявлена «школой руководящих кадров Немецкого трудового фронта» (ДАФ), созданного 10 мая 1933 года под руководством Роберта Лея. В рамках Немецкого трудового фронта все рабочие организации были объединены во Всеобщий союз немецких рабочих во главе с Вальтером Шуманом. Вскоре погиб Мухов, по официальной версии, «в результате неосторожного обращения с оружием», а 23 августа 1934 года, уже после разгрома штурмовиков, были сняты со своих постов как «саботажники» его ближайшие сотрудники - Брукнер, Крюгер и Хауенштайн. 18 сентября был изгнан руководитель отдела прессы и пропаганды ДАФ, в прошлом главный пропагандист НСБО Карл Буш.

Как поразительно судьба Рейнгольда Мухова и судьба его любимого детища - НСБО напоминает судьбу советского коммунистического профсоюза ВЦСПС и его лидеров Юрия Лутовинова и Михаила Томского. Они, как известно, покончили жизнь самоубийством, первый в 1924-м, второй в 1936 году, а ВЦСПС превратилась из «школы коммунизма» в фактически государственную структуру ленинско-сталинского режима.

Другой массовой организацией, в которой левые имели сильные позиции, были «штурмовые отряды» (СА). Еще летом 1933 года в рядах штурмовиков стало проявляться недовольство

«остановкой революции». Происходили «бунты» активистов СА в Берлине, Гамбурге, Франкфурте-на-Майне, Дортмунде, Эссене, Дрездене, Касселе, Кенигсберге, Фрайбурге. Они привели к массовым чисткам в организации. В августе 1933 года были распущены все отряды СА во Франкфурте-на-Майне, только в Берлине исключено 3870 человек, а всего к концу 1933 года из организации было изгнано 200 тысяч штурмовиков.

О позиции руководства СА в этот период можно судить по выступлениям и статьям Эрнста Рема. В своей статье, опубликованной в теоретическом органе НСДАП «Национал-социалистише монатсхефте» в июне 1933 года, он писал об особом положении СА и СС в новом государстве и требовал продолжения революции: «СА и СС не потерпят, чтобы германская революция заснула на пороге». В августе 1933 года, выступая перед 80 тысячами штурмовиков на Темпельгофском поле в Берлине, Рём заявил: «Тот, кто думает, что задача СА уже выполнена, должен будет привыкнуть к мысли, что мы еще существуем и намерены остаться на своих постах, чего бы это нам ни стоило». В феврале 1934 года он направил кабинету министров письмо с предложением «заменить рейхсвер Народной армией» (старое требование всех левых нацистов, коммунистов и национал-большевиков), влив в нее отряды СА и образовав специальное министерство, которое возглавляло бы как Народную армию, так и военизированные организации, союзы фронтовиков и т. д. О том, кто мог бы возглавить это министерство, Рём из скромности умолчал. Выступая 18 апреля 1934 года перед представителями дипломатического корпуса и журналистами, неделю спустя после знаменитых переговоров Гитлера с руководством рейхсвера генералами Бломбергом и Фричем и адмиралом флота Редером на борту броненосца «Дойчланд», Рём фактически дезавуировал фюрера, сделав особый упор в своей речи на социалистических требованиях СА: «Мы совершили не просто национальную революцию, а национал-социалистическую революцию, причем особый упор мы делаем на слове «социалистическую». Затем Рём обрушился на «реакционеров», примазавшихся к нацистскому движению, пообещав, что бойцы СА выведут их всех на чистую воду: «Боец в коричневой рубашке с первых дней маршировал по дороге революции, и он ни на шаг не сойдет со своего пути, пока не будет достигнута конечная цель».

Это были не просто слова. Одновременно руководство СА, якобы для охраны своих штабов, создало специальное подразделение, открыто вооруженное винтовками и пулеметами. После гибели Рема в подвалах штаб-квартиры СА в Берлине

обнаружили больше пулеметов, чем было у всей прусской полиции.

В начале июня 1934 года руководство СА решило активизировать свою работу среди рабочих. Глава политического отдела СА проник на территорию завода Крупна и обратился к рабочим с подстрекательской, речью, призывая прекратить работу, что они и сделали. Все это вызвало массированную атаку на Гитлера со стороны правоконсервативных кругов. Застрельщиком ее выступил вице-канцлер фон Папен. Выступая с речью в Марбургском университете 17 июня 1934 года, Папен заявил: «Руководство партии должно следить за тем, чтобы в стране не развернулась вновь под новыми знаменами классовая борьба. Мы осуществили антимарксистскую революцию не для того, чтобы проводить в жизнь программу марксизма… Тот, кто угрожает гильотиной, сам попадет под нож». 20 июня Папен пришел к Гитлеру и угрожал ему своей отставкой и отставкой двух министров-консерваторов - фон Нейрата. министра иностранных дел, и фон Крозигка, министра финансов. На следующий день на приеме у президента Гинденбурга военный министр Бломберг угрожал Гитлеру введением чрезвычайного положения. 25 июня главнокомандующий сухопутными войсками Фрич объявляет боевую тревогу в рейхсвере, отменяет отпуска, солдатам приказывает оставаться в казармах. Вслед за этим Рема исключают из Германского союза офицеров. 30 июня в Бад-Висзее близ Мюнхена должно было состояться совещание высшего руководства СА. В ночь на 30-е руководимые Гитлером части СС начали операцию, вошедшую в историю как «ночь длинных ножей». Все руководство СА, все руководители отделов были уничтожены. Погибли: сам Эрнст Рём, Эдмунд Хейнес, Фриц Риттер фон Крауссер, Петер фон Хайдебрек, Август Шнейдхубер, Карл Эрнст и многие другие. Новым руководителем СА был назначен переметнувшийся на сторону Гитлера Виктор Лютне, не имевший никакого политического веса.

Одновременно был арестован и убит Грегор Штрассер. Но Гитлер нанес удар не только по левым. Он припугнул и правых. Были убиты: генерал Курт фон Шлейхср и его жена, ближайший помощник Шлейхера генерал Фердинанд фон Бредов, руководители католического движения Эрих Клаужнер, Адальберт Пробст, Герберт фон Бозс, идеологи папеновского «клуба господ» Вальтер Шотте и Эдгар Юлиус Юнг, автор марбургской речи фон Папена. Пытались убить (а может быть, просто запугать) крупнейших деятелей Веймарской республики - Франца фон Папена, Генриха Брюниша, Готтфрида Тревирануса, Вильгельма Тренера. Всего было уничтожено 1184 человека (по

другим данным, раз в десять меньше). Среди убитых были также несколько коммунистов и эсэсовцев.

Интересно, что и после гибели Эрнста Рема в рядах СА действовала левая группа, так называемая «Колонна Шерингера», издававшая свои бюллетень «Красный штандарт». Эта группа имела тесные контакты с военно-политическим аппаратом КПГ (а может быть, и была инспирирована им), во главе которого стоял бывший офицер кайзеровской армии Ганс Киппенбергер.

Одновременно с разгромом левого руководства НСБО и СА Гитлер принял контрмеры и против излишне поспешных и радикальных действий левых в области управления экономикой. Придя к власти, многие национал-социалистические функционеры из штрассеровского крыла начали активно вмешиваться в дела крупного капитала. Это делали Отто Вагенер, Андриан фон Рентельн, Готфрид Федер, Вальтер Дарре и другие. Например, Вагенер пытался диктовать Объединению германских работодателей свои законы. Рентельн, став президентом Объединения торговых палат, начал кампанию против крупных универсальных магазинов. Гитлер решительно пресек эти попытки, что не помешало ему в будущем расширить свой контроль над экономикой, делая это более гибко. Была проведена чистка среди функционеров НСДАП. Почти 20% из вступивших в партию до 1933 года (в Берлине - свыше 50%) были сняты со своих постов. До конца года почти 80% партийных функционеров было рекрутировано из тех, кто вступил в партию после 1933 года. Была проведена чистка национал-социалистического союза студентов, особенно его организаций в Берлине и Галле.

Таким образом, мы видим, что и в первой половине 30-х годов в рядах НСДАП шла ожесточенная борьба между двумя линиями в ее руководстве, каждая из которых делала упор на первой или второй части словосочетания «национал-социализм», условно говоря, между «фашистом» Гитлером и «социалистом» Грегором Штрассером. В лице последнего мы видим сторонника национально ориентированного государственного социализма, абсолютизирующего идею пролетарского государства, идею власти. Нам могут возразить, что подобная концепция социализма не имеет ничего общего с «интернациональным марксизмом» коммунистов, которому присущи якобы как раз антитоталитарные, антиэтатистские позиции. Однако пусть нам покажут пример осуществления коммунистами такого социализма. Да и вообще, после исключения «троцкистов» и «правых» (тоже весьма относительных плюралистов и демократов) из ряда коммунистического движения и их полного провала на политической арене говорить об «интернациональном марксизме»

в коммунистическом движении следует достаточно осторожно.

Почему же Штрассеры проиграли в своей борьбе? Почему обаятельнейший гигант, оратор, высокоодаренный и многознающий Грегор спасовал перед нелепым «богемским ефрейтором»? Думается, ответ надо искать в присущих Гитлеру свойствах харизматического лидера, которые вовремя почуял своим художническим чутьем Геббельс, сделав выбор в феврале 1926 года. Этот «харизматический источник власти» обеспечил Гитлеру победу во всех фракционных конфликтах.

Что мы имеем в виду? После национальной катастрофы Первой мировой войны в Германии проходил тяжелейший структурный кризис, затянувшийся в результате событий 1923 года и после небольшого периода экономического подъема перешедший в великий экономический кризис конца 20-х - начала 30-х годов. В результате всех этих событий произошла утрата нормальных социальных связей, классовой определенности, осознания общности интересов и, как следствие, утрата интереса к конкретным, то есть прагматическим целям. Люди находились в состоянии фрустрации, они лишились своего «я», потеряли самоуважение. Таких людей легко мобилизовать и объединить харизматическим лидерам, выдвигающим свой гигантский, утопический миф. Этот миф становится новым «я» для человека, который находит в нем положительную самооценку. Главная трудность заключается в том, чтобы найти наиболее адекватную ситуации и национальным особенностям страны форму мифа. Учитывая исторически сложившийся в Германии этатизм и связанный с ним высокий уровень патернализации общества, сделать это было несложно. Но вставал вопрос о том, какую - классово-пролетарскую или национально-шовинистическую - окраску должен носить миф. Здесь речь, главным образом, шла о привлекательности этих двух форм для тех или иных социальных групп (пусть и находящихся в аморфном состоянии вследствие кризиса, но не утративших полностью политические пристрастия). Так как Грегор Штрассер действовал на Севере и Западе Германии, где традиционно высок уровень индустриализации, и главную его опору составляли рабочие, естественно, ему был ближе первый вариант мифа. Однако Гитлер сделал ставку на средние слои. И не только потому, что они преобладали в Баварии. Он понял, что лишь средние слои могут выполнить роль гегемона, повести за собой и буржуазию, и рабочих, и крестьян, и рейхсвер, и домохозяек, и безработных и т. д., наиболее адекватно совместить интересы всех этих групп. Он верно нащупал главную точку, по которой следовало бить, - Версальский мир и, таким образом, придал мифу черты «святого

дела». Кроме того, будучи художественно одаренным человеком, он идеально подходил на роль лидера - ведь тоталитарные движения всегда квазиартистичны, а его неполноценность в искусстве (провалился на экзаменах в Академию художеств) укрепила в нем фанатизм и самоуверенность.

Другим тоталитарным движением, чрезвычайно близким, родственным революционному национал-социализму Отто Штрассера и пытавшимся также играть самостоятельную роль в радикальном движении (наряду с КПГ и НСДАП), был национал-большевизм. Как известно, Первая мировая война привела к краху авторитарную кайзеровскую империю. Страны Антанты - страны западных демократий (Англия, Франция и США) - победили. Однако, но меткому замечанию Леонида Люкса, «следствием этой победы было восстание против Запада, протест против присущих Западу ценностных ориентации, заявленных с небывалым для подобных движений радикализмом».

Национал-большевизм как идеология, политическое движение и сообщество зародился в Веймарской Германии. Он являлся своеобразным синтезом германского правого национализма, уязвленного унизительной Версальской системой, французской оккупацией и еврейским «доминированием» в политике и экономике страны, с революционным пролетарским социализмом. Национал-большевизм стремился под красным флагом социальной революции и ориентации и в военном союзе с Советской Россией решить национальные проблемы Германии.

Датой рождения национал-большевизма является 1919 год. В атмосфере шока, вызванного подписанием позорного Версальского договора, кризиса всех государственных институтов, роспуска огромной армии, в стране появляются десятки милитаризованных союзов, так называемых добровольческих корпусов («фрайкоров»). Строго секретные, до зубов вооруженные «фрайкоры» считали себя «черным рейхсвером», то есть тайной армией Германии, действующей вопреки Версальскому договору. Однако связь их с рейхсвером была весьма условной, так как в значительной мере зависела от личности лидера («фюрера») - вчерашнего героя, превратившегося в озлобленного, выбитого из привычной социальной роли авантюриста, как, впрочем, и его подчиненные. Среди этих людей находились многие будущие функционеры НСДАП, С А и СС (Эрнст Рём, Герман Геринг, Генрих Гиммлер, Грегор Штрассер и т. д.), но также и будущие коммунистические лидеры (Беппо Рёмер, Людвиг Ренн, Хартмут Плаас, Бодо Узе). Помимо необходимости сохранения тайной армии, были и другие причины существования «фрайкоров» - тут и борьба против

«большевистской заразы», и проведение военной подготовки молодежи, и в первую очередь наличие огромной массы бывших офицеров («200 тысяч безработных капитанов и лейтенантов»), не желавших, да и неспособных сразу же включиться в нормальную гражданскую жизнь и перебивавшихся случайными заработками, а то и криминалом до «лучших времен».

Помимо «фрайкоров» в большом количестве размножались традиционные для Германии «юношеские союзы», чаще всего с весьма реакционной, консервативной идеологией, и так называемые «фёлькишеские» партии и организации (движение «фёлькише»-народников) с националистической, антисемитской окраской. Все они послужили питательной средой для возникновения как национал-социалистического, так и национал-большевистского движения.

По своему социальному составу теоретики и лидеры национал-большевизма принадлежали к интеллектуальной элите - это прежде всего журналисты и публицисты (Эрнст Никит, Карл Отто Петель, Вернар Ласе), университетские профессора (Пауль Эльцбахер, Ганс фон Хентинг, Фридрих Ленц,) военная интеллигенция (Бодо Узе, Беппо Рёмер, Хартмут Плаас), юристы и чиновники (Карл Трёгер, Франц Крюпфганц и др.).

Национал-большевизм возник не на ровном месте. Исходным материалом для его появления на свет послужило мощное и весьма сильное течение так называемых в Германии «консервативных революционеров» (строго говоря, выделяют «младоконсерваторов» - Артур Мёллер ван ден Брук, Освальд Шпенглер и др., а также «неоконсерваторов» - Эрнст Юнгер, Эрнст фон Саломон, Фридрих Гиль-шер и др.) и связанное с ним «национально-революционное движение» (иногда называется и социал-революционным). Это течение появилось вследствие кризиса традиционного консервативного типа сознания, вызванного крахом кайзеровской империи и структурными реформами всей общественно-экономической жизни Германии, отразившимися на судьбе элиты. Большая часть этой элиты эволюционировала в сторону навязанного Антантой немцам либерализма, отказываясь от второстепенного в своем статус-кво во имя сохранения главного. Другая же группа (в основном, естественно, из интеллектуальной элиты), наоборот, резко ушла вправо, как принято говорить, к правому радикализму, а вернее, к тоталитарной идеологии с ярко выраженной националистической окраской. В этой своей эволюции, вступающей в противоречие с объективным ходом развития общества, эта группа превратилась из консерваторов (т. е. защитников порядка) в его возмутителей, социальных критиков. Не имея уже поддержки экономической

элиты, они меняли социальную базу, стремясь опереться на как можно более широкий спектр сил. Для этого они перехватывают у левых их популярные и броские лозунги.

В 1918-1919 годах в Германии происходит именно такой процесс, возникают первые группировки и организации, постепенно вырабатывавшие платформу «консервативной революции». Главным в идеологическом комплексе «консервативных революционеров» и порожденного ими более массового, политизированного и поэтому более радикального «национально-революционного движения» была задача перечеркнуть позор Версальского договора и навязанной Германии Веймарской республики, восстановить могущество и военный потенциал страны. Вместо неспособного к выполнению этой задачи «слабосильного» государственного аппарата буржуазно-демократической республики во главе страны должна была стать сильная военно-политическая элита. Чрезвычайно важной была также идея цезаризма и фюрерства. Свою ненависть к Веймарской республике «консервативные, национальные и социал-революционные» публицисты распространяли на всю цивилизацию Запада, которая ассоциировалась у них с гуманизмом, демократией, интеллектуализмом и либерализмом.

Так как для еще кайзеровской империи, особенно времен Первой мировой войны, и для служившей для них эталоном Пруссии времен Фридриха II были весьма характерны этатизм (форма общественного устройства, при которой государству принадлежат важнейшие функции) и вытекающий из него высокий уровень государственного патернализма, «национал-революционеры» выступали за социализацию средств производства и за принцип «народной сообщности» в экономике. Еще Йозеф Геббельс писал в свое время: «Наш социализм, как мы его понимаем, - это самое лучшее прусское наследие. Это наследие прусской армии, прусского чиновничества». Исходя из этих идей так называемого «прусского социализма», Освальд Шпенглер писал, что «старопрусский дух и социалистическое мировоззрение, ныне находящиеся в смертельной вражде, на деле одно и то же», хотя к марксизму, как еврейской западне для отвлечения пролетариата от его долга по отношению к нации, «национал-революционеры», как часть национал-большевиков, относились враждебно. Это не относилось к Ленину и Сталину, но относилось к «еврею-космополиту» Льву Троцкому. Известен даже случай, когда в середине 20-х годов трое студентов - «национал-революционеров» прибыли в СССР с целью искушения на него. Очень ценился среди «национал-революционеров» советский опыт первых пятилеток и централизации управления экономикой.

Эрнст Юнгер, к примеру, писал в эссе «Тотальная мобилизация» (1931), что советские пятилетки «впервые показали миру возможность объединить все усилия великой державы, направив их в единое русло». Популярной была и идея экономической автаркии, особенно ярко изложенная в книге члена кружка, сложившеюся вокруг национал-революционного журнала «Ди Тат», Фердинанда Фрида «Конец капитализма» (1931).

Главным средством, с помощью которого «национал-революционеры» стремились достичь своих целей, было насилие. Как писал в одной из своих статей главный редактор «Ди Тат» Адам Кукхоф, «единственное средство изменения данного социального и политического состояния - это насилие, возможное лишь как насилие масс, насилие, следовательно, путь Ленина, а не путь Социалистического Интернационала».

Всех «национал-революционеров» объединяли ненависть к Версальской системе, которая представлялась им чем-то вроде антантовского оккупационного режима, и стремление сокрушить ее при опоре на Советскую Россию. Была выдвинута идея «пролетарского национализма», согласно которой все народы делятся на угнетенные и господствующие - «молодые» и «старые», причем к «молодым» относятся Германия, Россия и другие народы «Востока». Они, по мысли «национал-революционеров», являлись «жизнеспособными» и обладающими «волей к борьбе» (не случайно «национал-революционеры» с энтузиазмом отнеслись к проведению в Берлине в 1927 году учредительной конференции Лиги против империализма, инспирированной Коминтерном). Эта идея борьбы «пролетарских наций» против «буржуазных» была отнюдь не нова, еще в начале века ее развивали итальянские националисты. В 1923 году Артур Мёллер ван ден Брук писал: «Мы - народ в узах. Тесное пространство, в котором мы зажаты, чревато опасностью, масштабы которой непредсказуемы. Такова угроза, которую представляем мы, - и не следует ли нам претворить эту угрозу в нашу политику?»

Смещаясь все далее влево, «национал-революционеры» выдвинули тезис о том, что добиться национального освобождения можно, лишь предварительно достигнув социального и что сделать это может только немецкий рабочий класс (центральная, главная книга Эрнста Юнгера так и называлась - «Рабочий» (1932).

Если суммировать основные идеи «национал-революционеров», то можно зычленить, во-первых, негативное отношение к гуманизму, либерализму (по ван ден Бруку, либерализм - «моральный недуг народов» - являет собой свободу от убеждений и выдает ее за убеждение), демократии и

«зараженному» ими марксизму и, наоборот, позитивное отношение к этатистскому социализму («прусский социализм»), автаркии, иерархическому принципу; во внешней политике - «восточная ориентация» (т. е. Советский Союз против Антанты). Их героями являлись Фридрих II и Гегель, Клаузевиц и Бисмарк.

Национал-большевики, после отделения от «национал-революционного» движения, добавили к этому списку Ленина и Сталина, некоторые Маркса, к числу неприемлемых для себя течений добавили фашизм и нацизм («переродившийся» после 1930 года), а в позитив занесли классовую борьбу, диктатуру пролетариата, социальную и экономическую революцию, систему Советов, всеобщую народную армию («Красная армия вместо рейхсвера»), впрочем, к Советам и Красной армии положительно относилось и большинство «национал-революционеров». Нетрудно заметить, что «национал-революционное» движение по многим пунктам совпадало с двумя русскими эмигрантскими течениями - «сменовеховством» и особенно «евразийством». Для всех них были характерны антидемократизм, национализм, критика недавнего прошлого ради более древнего, имперские геополитические амбиции, идеократия. Совпадения были не случайны, между журналами «Евразия» и «Ди Тат» существовали самые тесные связи.

Многие участники «национал-революционного» движения впоследствии примкнули к нацистам (Август Винниг, Ганс Герд Техов, Франц Шаувеккер), левым нацистам (группе Отто Штрассера), пройдя через нацизм, встали в «аристократическую» оппозицию к нему (Герман Эрхардт, Эрнст Юнгер, Эрнст фон Саломон), стали коммунистами (Арнольд Броннен, Адам Кукхоф). Примерно четверть от общего числа публицистов и вожаков «неоконсерваторов» стали национал-большевиками (Эрнст Никиш, Карл Отто Петель, Вернер Ласе, Хартмут Плаас, Ганс Эбелинг). В самом национал-большевистском движении это (условно и приблизительно) составило три четверти его участников, остальные национал-большевики пришли из левого, коммунистического лагеря.

Основной теоретический постулат национал-большевизма - концепция об особой всемирно-исторической роли угнетенной (она же революционная) нации в процессе борьбы за построение тоталитарного национального социализма. При этом национал-большевики абсолютизировали национальный фактор, выступали за проведение социальной революции и построение общества «национального социализма» ради грядущего национального величия Германии. Они призывали соединить основные революционные и консервативные идеи (в том числе большевизм

и «пруссачество»), установить «диктатуру труда» в виде власти наиболее достойных социальных групп - рабочих и военных, провести национализацию основных средств производства, ввести плановую систему хозяйства, автаркию, создать сильное милитаристское государство, которым управляют фюрер и партийная элита.

Для понимания феномена национал-большевистского движения необходимо отметить и еще один момент - это наличие в руководстве рейхсвера сильной группы, выступающей за советско-германское сотрудничество. Ее вдохновителем и наиболее активным сторонником был генерал Ганс фон Сект, главнокомандующий рейхсвером. Единомышленниками Секта в этом вопросе были военный министр Отто Гесслер, начальник оперативного (фактически Генерального) штаба Отто Хассе. Во время польско-советской войны (до поражения под Варшавой) Сект даже считал возможным в союзе с Красной армией ликвидировать Версальскую систему. Он установил контакт с Председателем РВС Республики Львом Троцким. Этой позиции Сект придерживался и в дальнейшем, изложив ее в своих брошюрах «Будущее германского рейха» (1929), «Мысли солдата» (1929), «Рейхсвер» (1933). Вплоть до начала войны с СССР в 1941 году идеи Секта развивали в своих работах и другие рейхсверовские генералы и теоретики - Фалькенгейн (1937), Георг Ветцель (1937), фон Метч (1938), Кабиш (1939), барон Вессель фон Фрейтаг-Лорингхофен (1939- 1940). Да и в программных выступлениях НСДАП «восточная ориентация» сохранялась вплоть до 1930 года.

Пионером немецкого национал-большевизма можно считать Пауля Эльцбахера (1868-1928), профессора, доктора права, ректора Берлинской Высшей школы коммерции, депутата от Немецкой Народной партии, члена национально-германской фракции. 2 апреля 1919 года Эльцбахер поместил в газете «Дер Таг» («День») статью «Последнее средство», которую можно считать первым изложением идей национал-большевизма. В ней и ряде других публикаций он призывал соединить большевизм и пруссачество, ввести в Германии Советскую систему, осуществить социализацию, установить тесный союз с Советской Россией и Советской Венгрией, чтобы совместно с ними дать отпор Антанте. Россия и Германия будут вместе, по его мнению, защищать от агрессии Запада Китай, Индию и весь Восток, Это будет новый мировой порядок. «Большевизм означает не смерть нашей культуры. А ее спасение», - заключил Эльцбахер. В опыте русских большевиков берлинского профессора заинтересовали идея диктатуры пролетариата, система Советов и социализация

средств производства. Статья получила широкий отклик. Один из руководителей Немецкой национальной народной партии (ННПП), знаменитый историк и специалист по Востоку Отто Гётч также выступил за тесное сотрудничество с Советской Россией. Член партии Центра министр почт И. Гисбертс заявил 8 мая 1919 года, что Версаль дает немцам «только один выход: немедленное заключение мира с Россией и сознательное приглашение большевистских войск в Германию». В ответ на это заявление в органе Союза сельских хозяев «Дойче Тагесцайтунг» была опубликована статья «Национальный большевизм». С этого времени в Германии вошел в оборот термин «национал-большевизм». Сам Пауль Эльцбахер в том же году издал брошюру «Большевизм и немецкое будущее». Правление его партии осудило эти публикации, и в ноябре 1919 года он вышел из ННПП. Позднее он был близок к Компартии Германии (КПГ), в 1923 году вступил в инспирированную Коминтерном Международную рабочую помощь.

В том же 1919 году вышла брошюра другого профессора и национал-большевика - Ганса фон Хентига. Она называлась «Введение к германской революции». Позднее, в 1921 году, фон Хентиг издал «Немецкий манифест», который явился наиболее ярким и четким изложением национал-большевистских идей в начале 20-х годов.

Ганс фон Хентиг (1887-1970), профессор криминалистики, бывший во время войны офицером, активно участвовал в антиверсальской кампании и, живя в Баварии с мая 1919 года, сильно влиял на руководство Баварского окружкома КПГ. В 1922 году фон Хентиг установил контакты с лидером коммунистов Генрихом Брандлером и вскоре стал военным советником в аппарате КПГ. Через брата-дипломата он имел связи с рейхсвером и вместе с лейтенантом Швертером готовил в Тюрингии «красные сотни» в период «Германского Октября».

Вообще же в этот период близкие к национал-большевизму идеи буквально носились в воздухе. Так, Октябрьский переворот и политический гений Ленина приветствовал Максимилиан Гарден, издатель популярнейшего еженедельника «Ди Цукунфт», в своем двухтомном труде о современной истории «Война и мир» (1918). Крупнейший политик и промышленник Германии начала XX века Вальтер Ратенау в эссе «Кайзер. Размышления» (1919) с воодушевлением писал о «перспективах социализма». Современность он сравнивал с великим переселением народов, констатируя выход на политическую арену народных масс. Будущее Европы, по мнению Вальтера Ратенау, определяется «практической идеей», идущей с Востока, идеей

социалистического переустройства общества.

В организационном плане национал-большевистские идеи первой попыталась воплотить в жизнь группа бывших левых радикалов, а позднее коммунистов, во главе с Генрихом Лауфенбергом и Фрицом Вольфгеймом (интересно, что происходило это в Гамбурге, этой «левой столице» Германии). В годы Первой мировой войны старый историк рабочего движения Генрих Лауфенберг и его молодой помощник, успевший побывать в США и пройти школу борьбы в анархо-синдикалистской организации «Индустриальные Рабочие Мира», Фриц Вольфгейм возглавляли левое крыло гамбургской организации СДПГ, так называемую группу «левых радикалов».

После ноябрьской революции 1918 года Генрих Лауфенберг некоторое время возглавлял местный гамбургский Совет рабочих, солдат и матросов. Вместе с Вольфгеймом он принимал активное участие в образовании КПГ, а после ее раскола перешел в Коммунистическую рабочую партию Германии (КАПД), в которую перешло до 40% состава КПГ. Лауфенберг и Вольфгейм призывали немецких рабочих к национальной защите Германии революционными средствами против империализма Запада. Призывали к немедленной народной войне в союзе со всеми патриотическими силами. Целью войны провозглашалось создание Германской Коммунистической Советской Республики. При этом в понятие «патриотические силы» включались все националистические элементы буржуазии, вплоть до самых реакционных.

Хотя в том же 1919 году и некоторые лидеры КПГ (в первую очередь Иоганн Книф, Карл Радек, Генрих Брандлер) также были не прочь поиграть на антиантантовских настроениях, так далеко никто из них не заходил. В апреле 1920 года по требованию Коминтерна Лауфенберг и Вольфгейм были исключены на этот раз уже из Коммунистической рабочей партии (КАПД). После чего в июле 1920 года, вместе с примкнувшим к ним бывшим редактором «Ди Роте Фане» Фридрихом Венделем (из Берлина), создали «Союз коммунистов». В сентябре этого же года новая организация приняла экономическую программу в духе «обобществленного хозяйства» Сильвио Гайзеля, проводившуюся в Баварской Советской Республике. Просуществовал «Союз коммунистов» до 1931 года, постепенно растворившись в созданном им же «Рабочем содружестве по истории и политике» (действовало с июня 1929 года при участии левых нацистов, вроде Рихарда Шапке, и национал-большевиков из правого лагеря, вроде Карла Отто Петеля). В том же 1920 году под влиянием и при непосредственном участии Лауфенберга и

Вольфгейма среди офицеров прибывших в июле 1919 года в Гамбург колониальных частей генерала Пауля фон Леттов-Форбека создается «Свободная ассоциация по исследованию германского коммунизма», во главе которой стоят известные публицисты националистического толка, братья Альбрехт Эрих и Герхард Гюнтеры. «Большое число бывших немецких офицеров, большей частью молодого поколения, придерживалось этого направления, к нему примкнул и целый ряд людей с академической подготовкой, которые по законам логики и по аналогиям с точностью знали и утверждали, что этот путь безусловно ведет к исцелению», - писал о национал-большевизме Эрнст Граф цу Ревентлов, один из главных протагонистов «социал-революционного» и левонацистского движения в Веймарской республике, в своей брошюре «Фёлькише коммунистическое единство?» (1924).

Другой свидетель событий, Герман Грефе, писал в книге «Исследования Советов» (1934), что национал-большевики принадлежали к тем людям, «которые в первую очередь ценили военный порядок и централизованное хозяйство».

Среди сторонников «Свободной ассоциации по исследованию германского коммунизма» были такие крупные фигуры, как Артур Мёллер ван ден Брук, правительственный советник Севин, Вильгельм Стапель и тот же Ревентлов. Член «ассоциации», советник юстиции Ф. Крюпфганс в августе 1920 года под влиянием впечатления от наступления Красной армии на Варшаву выпустил имевшую широкий резонанс брошюру «Коммунизм как немецкая национальная необходимость. Открытое письмо генерал-майору фон Леттов-Форбеку» (1920). Позднее, в 1924 году, братья Гюнтеры вместе с Вильгельмом Стапелем (издатель «Дойче Фолькштурм») и Вильгельмом Гревсом создали в Гамбурге «Националистический клуб» (журнал «Немецкий фронт»), а с конца 20-х годов издавали журнал с характерным названием «Молодая команда», близкий по направлению к национал-большевизму.

Пиком деятельности самого «Союза коммунистов» был март 1921 года - неудачная попытка путча со стороны КПГ, поддержанная КАПД, когда «Союз коммунистов» предложил создать единое военное и политическое руководство, включив в него группу своих «военспецов» (майора Анкера, майора Клингера, Зеегера, Линдемана и других). В гамбургском восстании октября 1923 года «Союз коммунистов» не участвовал, так как большинство его членов, во главе с Вольфгейном, еще в августе было подвергнуто превентивному аресту.

В 1920-1921 годах национал-большевизм распространился и

среди баварских коммунистов, где под влиянием Ганса фон Хентинга секретарь парторганизации Отто Томас и депутат ландтага Отто Граф пропагандируют его идеи в местной партийной «Новой газете». Они вступают в сотрудничество с одним из самых реакционных и националистических «фрайкоров» - «Оберланд» и его лидером, капитаном «Беппо» (Йозеф Николаус) Ремером. Однако в 1921 году Отто Томас и Отто Граф были исключены «Централе» КПГ из партии как «оппортунисты». Несмотря на это, контакты коммунистов и «фрайкоровцев» продолжаются, например во время боев в Верхней Силезии в том же 1921 году.

Первый пик влияния национал-большевистских идей приходится на 1923 год. Это время острого кризиса, вызванного оккупацией Рура франко-бельгийскими войсками. Марка упала настолько, что практически вышла из обращения, все торговые операции совершались в золоте или в валюте, заработная плата рабочих была на четверть ниже довоенной, в городах безработица, голод, анархия. Обнищавшие армия и полиция также находились в полном упадке. Коммунисты занимают важнейшие посты в фабзавкомах и комитетах контроля, формируют «пролетарские сотни» (их насчитывалось около 900, примерно 10-20 тысяч участников только в Саксонии). В это время они принимают на вооружение так называемый «курс Шлагетера» (названный так по имени Альберта Лео Шлагетера, бывшего офицера, героя войны, расстрелянного французами за организацию диверсий, в прошлом «балтикумовця» и «капповца»), курс на сотрудничество с германскими националистами. Он был провозглашен Карлом Радеком на заседании расширенного пленума Исполкома Коминтерна (ИККИ) в речи, посвященной памяти Шлагетера. «Мы не должны замалчивать судьбу этого мученика германского национализма, - заявил Радек, - имя его много говорит немецкому народу... Шлагетер, мужественный солдат контрреволюции, заслуживает того, чтобы мы, солдаты революции, мужественно и честно оценили его... Если круги германских фашистов, которые захотят честно служить немецкому народу, не поймут смысла судьбы Шлагетера, то Шлагетер погиб даром... Против кого хотят бороться германские националисты? Против капитала Антанты или против русского народа? С кем они хотят объединиться? С русскими рабочими и крестьянами для совместного свержения ига антантовского капитала или с капиталом Антанты для порабощения немецкого и русского народов?.. Если патриотические группы Германии не решатся сделать дело большинства народа своим делом и создать таким образом фронт против антантовского и германского

капитала, тогда путь Шлагетера был дорогой в никуда'».

Речь Карла Радека вызвала сенсацию среди немецких правых. Эрнст Граф цу Ревентлов и другие вожаки «национал-революционного» движения стали обсуждать возможность сотрудничества с КПГ, а «Ди Роте Фане» предоставляла им место для выступлений. Коммунисты выступали на собраниях НСДАП, а нацисты на собраниях КПГ. Так, на одном из них бывший второй председатель НСДАП Оскар Кернер заявил, что национал-социалисты хотят объединить всех немцев, настроенных против капитализма, что даже в принципиальных областях у них много общего с КПГ, например, в том, что надо положить конец «хищничеству матерых волков биржи». Одновременно по приглашению Штутгартской организации НСДАП на ее собрании выступил депутат от КПГ Герман Реммеле. Речь Карла Радека с восторгом приветствовала Клара Цеткин. Рут Фишер, лидер левой фракции компартии, призывала к борьбе против еврейского капитала, а нацисты и «фёлькише» к борьбе против евреев в КПГ, обещая взамен свою поддержку (интересно, что Карл Радек и Фриц Вольфгейм были евреями). Появились такие брошюры, как «Свастика и советская звезда. Боевой путь коммунистов и фашистов» (1923), на обложке которой красовались два вынесенных в заглавие предмета, или «Шлагетер. Дискуссия между Карлом Радеком, Паулем Фрейлихом, Эрнстом Графом цу Ревентловом и Мёллером ван ден Бруком» (1923) - двое первых лидеры КПГ, а вторых - «национал-революционного» движения.

Коммунисты и националисты всех мастей рука об руку боролись против французов в Руре (лидер военно-политической организации КПГ здесь Анри Робинсон («Гарри»), в 1942 году арестованный в Париже и казненный гестапо как резидент ГРУ), активно сотрудничали в Восточной Пруссии, где бывший офицер, один из руководителей военно-политического отдела КПГ Эрих Волленберг, наладил сотрудничество с «фрайкором» «Оргеш».

Однако в конце того же 1923 года в руководстве КПГ начала преобладать линия на свертывание сотрудничества с националистами. Они были объявлены «слугами крупного капитала», а не «бунтующими против капитала мелкими буржуа», как считали Пауль Фрёлих, Герман Реммеле и другие сторонники сотрудничества. Тут не в последнюю очередь сыграл свою роль непреодолимый для нацистов и «национал-революционеров» патологический антисемитизм; надо учитывать, что, несмотря на пятикратную (!) смену руководства КПГ в Веймарской Германии, в каждом из них евреи составляли огромный процент, фактически доминируя, но оставаясь на втором плане (еврейка Роза Люксембург при немце Карле Либкнехте, затем единолично еврей

Пауль Леви, еврей Альберт Тальгеймер при немце Генрихе Брандлере, еврей Аркадий Маслов при Рут Фишер, еврей Хейнц Нойман, а затем Вернер Хриш при Эрнсте Тельмане), это же относилось и к инструкторам, представителям и советникам Коминтерна в Германии (Карл Радек, Яков Рейх - «товарищ Томас», Август Гуральский - «Кляйне», Бела Кун, Михаил Грольман, Борис Идельсон и др.).

Однако идеи национал-большевизма продолжали распространяться среди националистических организаций. В начале -20-х годов число последних резко увеличилось, так как многие «фрайкоры» преобразовались в гражданские «союзы». Некоторые из них при этом быстро левели, радикализировались, приобретая ярко выраженный национал-большевистский характер.

Наиболее известный своим радикализмом из подобных союзов - «Бунд Оберланд». Он берет свое начало из так называемого «Боевого союза», образованного в Мюнхене в 1918 году членами пресловутого оккультно-реакционного «общества Туле» для борьбы против левых сил в Баварии. В апреле 1919 года, накануне свержения Баварской Советской республики, нелегально-террористический «Боевой союз» был преобразован во «фрайкор» и принял самое активное участие в кровавом подавлении революции. В следующем году отряды «Оберланда» (в это время несколько десятков тысяч) сражаются против «Красной армии Рура» после «капповского путча» 20 марта, в мае 1921 года они дерутся с поляками в Верхней Силезии, а в ноябре 1923 года активно участвуют в гитлеровском «пивном путче», входя вместе с герингговскими СА и рёмовским «Союзом имперского военного флага» в «Рабочее содружество отечественных боевых союзов». В этот период на счету «оберландовцев» обвинения в многочисленных финансовых аферах, грабежах, убийствах политических противников.

Основателями «союза» были трое братьев, бывших офицеров. Ремеров, один их которых - («Беппо») Йозеф Ремер (1892-944) является военным лидером «фрайкора». Формальным лидером (председателем) был крупный правительственный чиновник Кнауф, однако в августе 1922 года Ремер выгнал его из «фрайкора» «за сотрудничество с буржуазией», а новым председателем организации стал доктор Фридрих Вебер, широко известный тем, что по время «мюнхенского путча» шел рядом с Гитлером, а потом сидел в соседней камере с ним. Однако Ремер разругался и с ним, в результате чего в начале 1923 года фактически существовало два союза «Оберланд». После путча деятельность «Оберланда» была запрещена, а после снятия

запрета в начале 1925 года уже официально были образованы две организации - «Бунд Оберланд» Фридриха Вебера и «Старый союз Оберланд» во главе с капитаном Беппо Ремером и «Лулу» (Людвиг) Острайхером. Однако деятельность второго союза продолжалась недолго, так как летом 1926 года Ремер был арестован полицией во время встречи с коммунистом Отто Брауном, руководящим сотрудником нелегального военно-политического аппарата КПГ и советским разведчиком. Это вызвало кризис в организации, и часть ее членов во главе с «Лулу» Острайхером примкнула к НС ЛАП, а другая группа, верная Беппо Ремеру (лейтенант Карл Дибич и другие), спустя некоторое время перешла в КПГ.

«Бунд Оберланд» во главе с Фридрихом Вебером в 1926 году принял революционно-националистическую программу Мёллера ван ден Брука и создал параллельный союз, так называемое «Товарищество III рейх», председателем которого стал видный национал-большевик Эрнст Никит. В 1929 году, как и рёмеровская организация, примерно три четверти союза во главе с Вебером вступило в НСДАП, а оставшиеся приблизительно 500 человек в сентябре 1930 года, накануне выборов в рейхстаг, призвали голосовать за КПГ, опубликовавшую незадолго до этого «Программу национального и социального освобождения германского народа» (то же сделали и многие другие националистические объединения). В 1931 году «Бунд Оберланд» организованно слился с кружком национал-большевика Эрнста Никита и принял название «Товарищество Сопротивления». Организация имела отделения в Берлине, Мюнхене, Дрездене, Бреслау, Лейпциге, Гамбурге, Нюрнберге.

Беппо Рёмер и его люди в 1931 году уже открыто объявили о своей приверженности коммунизму и поддержке КПГ. После разгрома СА во время «ночи длинных ножей» в 1934 году Рёмер был арестован, а после выхода на свободу создал из бывших «оберландцев» нелегальную организацию «Революционных рабочих и солдат» (РАС). Используя свои личные контакты с такими людьми, как генералы Эдуард Дитель, Роберт Риттер фон Грейм, Курт фон Хаммерштейн-Экворд, генерал-фельдмаршал Вильгельм Лист, он продолжал заниматься шпионажем в пользу СССР. В конце концов Рёмера вновь арестовали и вместе с такими весьма экзотическими персонажами, как судебный советник из МИДа Норберт Мумм фон Шварценштейн и промышленник Николаус фон Халем, казнили по обвинению в покушении на Гитлера.

История «Бунда Оберланд» не очень типична для других парамилитаристских националистических союзов 20-х годов,

порой гораздо более многочисленных. Так, «Младо-германский орден» в 1928 году насчитывал по разным оценкам 30-70 тысяч членов, «Вервольф» - 14-15 тысяч, «Бунд Танненберг» - 7-8 тысяч, «Викинг» - 6-8 тысяч, не говоря уже о таком гиганте, как «Стальной шлем» - несколько сот тысяч членов (для сравнения, реальная численность военизированной организации КПГ - Союза Красных фронтовиков (Рот Фронт Кампфбунд - РФК) - 76 тысяч). Некоторые из этих союзов были также, как «Оберланд», подвержены национал-большевистской ориентации. Прежде всего это относится к «Викингам» и «Вервольфам».

Большое распространение идеи национал-большевизма получили в весьма активном в Веймарской республике крестьянском движении, сопровождаемом актами насилия и террора. Многие его лидеры, такие, как Бодо Узе, Бруно фон Саломон, Хартмут Плаас, в начале 30-х годов примкнули к КПГ, все они были в прошлом офицерами, «фрайкоровцами», прошли через национальные союзы или членство в НСДАП.

Начало 30-х годов было пиком немецкого национал-большевизма. Это было связано с началом нового мирового социально-экономического кризиса, который имел для Германии гораздо более тяжелые последствия, чем для других стран.

Центрами национал-большевизма становятся небольшие кружки и организации вокруг издающихся ими же газет и журналов. Если в 20-е годы национал-большевистские авторы сотрудничали в близких им по духу «национал-революционных изданиях, таких, как «Ди Тат», «Коменден» («Грядущее»), «Формарш» («Наступление»), теперь они издают свои периодические издания - наиболее известные среди них: «Видерштанд» («Сопротивление»), руководитель - Эрнст Никиш (1889-1967), «Умштюрц» («Ниспровержение») - Вернер Ласе (р. 1902), «Гегнер» («Противник») - Харро Шульце-Бойзен (1909-1942), «Социалистише Натион» - Карл Отто Петель (1906-1975) и «Форкемпфер» («Передовой боец») - Ганс Эбелинг (1897-1968), Фридрих Ленц (1885-1968), общий тираж которых в начале 30-х годов достигал 25-40 тысяч экземпляров. Совокупное число активистов этих организаций - около пяти (максимум десять) тысяч человек. Кроме того, к национал-большевистским организациям примыкали «Немецкое социалистическое боевое движение» Готтхарда Шильда, «Немецкий социалистический рабоче-крестьянский союз» Карла Бааде и «Младопрусский союз» Юппа Ховена, отколовшиеся от нацистского и «фёлькишеского» движения.

Все эти национал-большевистские организации имели свои особенности. Так, «Видерштанд» Эрнста Никита выступал в

основном по внешнеполитическим вопросам, ратуя за «германо-славянский блок от Владивостока до Флессингена», «Форкемпфер» делал упор на преимуществах плановой экономики, «Умштюрц» ратовал за «аристократический социализм» (большой популярностью здесь пользовалась работа В.И. Ленина «Что делать?»). «Социалистише Натион» пытался соединить идеи классовой борьбы, диктатуры пролетариата, системы Советов с национализмом. «Гегнер» пропагандировал ненависть к Западу и призывал германскую молодежь объединяться с пролетариатом для революции.

Огромную роль в идеологии и деятельности этих групп играли личности их вожаков. Кроме самого известного из них - Эрнста Никита, который начинал политическую деятельность в рядах правой социал-демократии, все они были выходцами из ультранационалистического, крайне правого лагеря.

Помимо этих пяти, чисто национал-большевистских групп, была и одна, так сказать, псевдонационал-большевистская. Она называлась «Рабочий кружок «Ауфбрух», по названию журнала, выходившего с июля 1931 года. Во главе журнала и кружка стояли бывшие лидеры «Оберланда» капитан Беппо Рёмер и лейтенант Карл Дибич, а также капитаны Герхард Гизеке и Эгон Мюллер, бывший «балтикумовец» Александр граф Стейнбок-Фермор, писатели Людвиг Ренн и Бодо Узе, бывшие функционеры НСДАП, а затем руководители штрассеровских «революционных национал-социалистов» - Рудольф Рем и Вильгельм Корн. В эту группу входило до 300 активистов, которые действовали в Берлине и 15 германских землях. Эта организация бывших офицеров-фрайкоровцев и нацистов была полностью контролируема КПГ и служила ей средством переманивания командных кадров для своих боевиков с целью создания ударного кулака в борьбе за власть. Появление этой группы было связано с так называемым «курсом Шерингера», проводимым КПГ с августа 1930-го по октябрь 1932 года, курсом на привлечение в КПГ средних слоев, сопровождавшимся выдвижением резких антиверсальских лозунгов.

В своей новой «Программе национального и социального освобождения немецкого народа» КПГ провозглашала: «Мы, коммунисты, заявляем, что после свержения власти капиталистов и помещиков, после установления диктатуры пролетариата в Германии... будем проводить следующую программу, которую мы противопоставляем национал-социалистической демагогии: мы расторгаем грабительский Версальский «мирный договор» и план Юнга и аннулируем международные долги и репарационные платежи. Придя к власти, мы безжалостно покончим с

банковскими магнатами, проведем пролетарскую национализацию банков и аннулируем задолженности немецким, и зарубежным, капиталистам... Лишь молотом пролетарской диктатуры можно разбить цепи плана Юнга и национального угнетения... Поэтому мы призываем всех трудящихся, которые все еще находятся во власти фашистских обманщиков, вступить в ряды армии пролетарской классовой борьбы...». В соответствии с этой программой коммунисты попытались переманить на свою сторону «революционно-пролетарские» элементы из лагеря нацистов.

19 марта 1931 года депутат рейхстага от коммунистов и одновременно руководитель военного аппарата Ганс Киппенберг зачитал рейхстагу минное послание лейтенанта в отставке Рихарда Шерингера. В нем осужденный за нацистскую пропаганду в армии офицер заявил о резком изменении своих взглядов. «Когда мы, ульмские офицеры, содействовали распространению в армии идей национального и социального освобождения, - говорилось в написанном в тюрьме Гольнов заявлении, - по доносу был издан приказ о нашем аресте. После семимесячного предварительного заключения в Лейпциге мы были приговорены к полутора годам заключения в тюрьме... Мы… считали НСДАП олицетворением наших идей. Кто сравнивает сегодня практическую политику национал-социалистических руководителей с их радикальными идеями, тот видит, что их действия сильно противоречат тому, что они говорят и пишут, и что мы от них ожидаем». Затем следовали 9 пунктов, в которых Шерингер доказывал, что руководители НСДАП в последние месяцы отказались от социализма. Эти доказательства были явно написаны под диктовку его коммунистических товарищей по заключению и заканчивались утверждением, что нацистское руководство явно доказало свой реакционный характер. И совсем в коммунистическом духе Шерингер продолжал: «Капиталистические западные державы вновь сплотились для подавления и эксплуатации трудящейся Германии и для агрессии против русской Советской республики... Лишь в союзе с Советским Союзом, после разрушения капиталистической системы в Германии, мы можем быть свободными. Поэтому я отказываюсь окончательно от Гитлера и фашизма и как солдат вступаю в ряды истинного пролетариата!» Исходя из вышеизложенного, Шерингер делал логический вывод: «Ближайшая задача - подготовка народной революции в Германии, отмена договоров о контрибуциях и революционная война против возможной интервенции капиталистических западных держав».

Под влиянием этого нового курса в КПГ перешло большое количество национал-большевиков, бывших фрайкоровцев и нацистов, руководителей националистического молодежного (Эберхард («Туск») Кёбель, Герберт Бохов, Ганс Кенц и др.) и крестьянского движения (т.н. «Ландфолькбевегунг»). КПГ резко увеличила как свою численность, так и количество получаемых на выборах голосов.

Однако надо отметить, что все же несравнимо большее количество бывших «фрайкоровцев» и членов националистических «союзов» перешло в НСДАП и СА, особенно во второй половине 1932 года. Это было связано не в последнюю очередь с тем, что к тому времени «курс Шерингера» КПГ фактически был снят с вооружения. В Москве после прихода к власти правительства «западника» Франца фон Папена приняли решение переориентироваться на союз с Францией, в связи с франко-советским сближением руководство КПГ получило приказ из Москвы сворачивать свою кампанию против Версаля.

После прихода Гитлера к власти национал-большевистское движение было ликвидировано. В том виде, как оно существовало в Веймарской республике - в виде пропагандистских групп, оно существовать дальше не могло. Участники его эмигрировали (Карл Отто Петель, Ганс Эбелинг) или подверглись репрессиям (Эрнст Никиш). Журнал «Видерштанд» («Сопротивление»), издававшийся Никишем, был закрыт в декабре 1934 года. В 1937 году гестапо арестовало около сотни сторонников Никита. Сам он в 1939 году был приговорен народным судом к длительному сроку тюремного заключения. Однако неожиданный успех национал-большевистское движение имело на другом поприще - а именно в шпионаже в пользу СССР. Знаменитую берлинскую «Красную капеллу» возглавляли три человека - все бывшие национал-большевики: Харро Шульце-Бойзен (бывший редактор «Гегнер»), Арвид Харнак (1901-1942) (секретарь «Арбплана» - «Сообщества по изучению советского планового хозяйства» - одной из национал-большевистских организаций, которую вдохновляли идеи профессора Фридриха Ленца) и Адам Кукхов (1887-1943) - бывший редактор «Ди Тат». Шпионажем в пользу СССР занимались также Беппо Рёмер со своими бывшими «оберландовцами», Герберт Бохов и другие, на разведаппарат КПГ работали Ганс Эбелинг и доктор Карл Хеймзот, имевший, кстати говоря, в советской разведке забавный псевдоним «доктор Хитлер».

Кроме того, идеи национал-большевизма оказали определенное влияние на группу полковника Клауса Штауфенберга, что неудивительно, ибо сами братья

Штауфенберги в юности находились под большим влиянием идеологии «консервативной революции».

Почему же идеи национал-большевизма не получили большего размаха в Веймарской республике и движение это не перешагнуло рамок относительно немногочисленных кружков и групп (хотя в начале 1933 года в Берлине Эрнст Никиш, Карл Отто Петель и др. сделали попытку выставить единый национал-большевистский избирательный список во главе с лидером крестьян-террористов Клаусом Хеймом, Карл Отто Петель одновременно опубликовал «Национал-большевистский манифест», но было уже слишком поздно).

По нашему мнению, причин здесь несколько. Во-первых, большую часть потенциальных сторонников национал-большевизма все время привлекала к себе НСДАП, особенно в своем штрассеровском варианте, кроме того, после раскола 1930 года многие из них прямо вступили в организацию «революционных национал-социалистов» Отто Штрассера. Во-вторых, принятие КПГ в августе 1930 года «Программы национального и социального освобождения германского народа» (т.н. «Шерингер-курс») и тезиса о «народной революции» увело от национал-большевизма в ряды компартии значительную часть вожаков и активистов (Беппо Рёмер, Бруно фон Саломон, Бодо Узе, Карл Дибич и многие другие), а также возможных избирателей. В-третьих, отсутствие в рядах национал-большевистского движения такого «харизматического» лидера, как Адольф Гитлер, или даже таких ярких, значительных политиков, как нацисты Грегор Штрассер, Герман Геринг, Иозеф Геббельс, или коммунисты Хейнц Нойман, Вилли Мюнценберг, Герман Реммеле, привело к раздроблению движения, отсутствию четкой организации на деле (на словах подобных призывов хватало). Думается, даже в случае объединения всех национал-большевистских групп с «революционными национал-социалистами» Отто Штрассера, а также другими левонацистскими группами типа Хельмута фон Мюкке, Ульриха Ольденбурга, Вальтера Стеннеса и т.д. у них в силу вышеизложенных причин не было никаких шансов стать массовым движением в конкретной ситуации того времени. Для достижения стадии объединенного движения, как было показано ранее, нужна более высокая зрелость объективных и субъективных причин, его определяющих.

Этого никак не скажешь о КПГ. Эта партия в качестве конкурирующего с НСДАП тоталитарного движения реально могла претендовать на власть в Германии. Для читателя отнесение партии Розы Люксембург к конкурирующему с

нацистами тоталитарному движению может показаться несколько страдным, поэтому вот лишь несколько общеизвестных фактов из истории Веймарской республики, показывающих, насколько идиотскими выглядят убеждения некоторых «историков» в том, что предотвратить приход Гитлера к власти мог союз КПГ и СДПГ - «единый фронт» против нацизма. В 1925 году на президентских выборах КПГ выставляет своего кандидата (Эрнста Тельмана) и во многом способствует этим победе Гинденбурга (его поддерживала НСДАП и крайне правые партии) над кандидатом Народного блока (куда входили СДПГ и либералы). В конце 20-х - начале 30-х годов в Германии не было ни одного серьезного случая сотрудничества на руководящем уровне КПГ с СДПГ, при том, что совместные акции коммунистов с НСДАП, не говоря уже о «левых» нацистах и национал-большевиках, имели место, и довольно часто. Например, совместный митинг в Берлине 20 октября 1930 года, где выступали коммунист Хейнц Нойман. и нацист Йозеф Геббельс (присутствовало 300 членов КПГ и 1200 членов НСДАП), отнюдь не был единичным явлением, подобные митинги, дискуссии в Берлине проводились неоднократно. Имели они место и в других городах - например, в Бремене и Биефеле в начале 1931 года. Особенно известна борьба обеих партий против Прусского правительства, возглавлявшегося СДПГ. В августе 1931 г. КПГ и НСДАП вместе голосовали за референдум по вопросу о его роспуске; в апреле 1932 года в «Роте Фане» был выдвинут провокационно звучащий лозунг «Красный натиск на «Красную Пруссию», после чего в июне 1932 года при помощи КПГ нацист был избран председателем прусского ландтага, а в июле того же года канцлер фон Папен, опираясь на парламентское большинство из НСДАП, КПГ и правых, ликвидировал социал-демократическое правительство Пруссии. Широко известна и забастовка транспортников Берлина 3-7 ноября 1932 года, совместно проведенная КПГ и НСДАП.

Параллели между КПГ и НСДАП достаточно очевидны. Необходимо, однако, от выявления лежащих на поверхности параллелей перейти к анализу исторических и особенно социальных корней тоталитарных движений во всех его вариантах.

КПГ отнюдь не была в начале 30-х годов «партией рабочего класса», как это долгое время пытались представить. Другое дело, что она стремилась стать ею, но ведь это же можно сказать и о национал-большевиках, штрассеровцах и даже НСДАП.

Даже в относительно благополучном 1927 году только 53,2% членов КПГ имели работу (в 1928 - 63,3%, в 1929 - 51,9%). Затем и без того огромный процент безработных членов партии

катастрофически возрос, таким образом можно согласиться с мнением немецкого историка Г, А. Винклера о том, что КПГ «была партией безработных».

В феврале 1932 года в КПГ из 360 тысяч членов (в 1929 году их было 116 тыс.) лишь 11% являлись рабочими. Весной 1932 года из 6,8 млн. немецких рабочих лишь 55 тысяч были членами КПГ. Причем в 1929-1932 годах новых ячеек на предприятиях не появлялось, и «на крупных предприятиях организованной работы КПГ не велось». Левая профсоюзная организация, фактически руководимая КПГ, - так называемая «Ревпрофоппозиция» (РПО) - насчитывала в 1932 году только 35 тысяч членов, меньше, чем НСБО (профсоюз НСДАП).

Таким образом, мы видим, что на рубеже 1929-1930 годов в Германии в результате кризиса сложились два мощных тоталитарных движения. Они включали в себя НСДАП и некоторых ее союзников из правого лагеря, а также КПГ, национал-большевистские группы. Два основных мифа питали эти движения: расово-националистический - преимущественно гитлеровское крыло НСДАП и отчасти ее союзники из правых партий, - и социалистический, пролетарский - КПГ, национал-большевики, штрассеровское крыло НСДАП.

Почему же победил первый? Во-первых, левый миф был ориентирован только на «народные массы», а расово-националистический - помимо «массы» и на группы экономической и военной элиты, которые он стремился если не поставить себе на службу, то хотя бы заставить занять нейтральные позиции; не последнюю роль здесь играл и внешнеполитический аспект - ориентация левого мифа на союз с СССР вела к подрыву национальной независимости и была неприемлема.

Кроме того, только НСДАП имела тоталитарного харизматического лидера - Гитлера. Дальнейшее, как говорится, история. Недаром книга главного национал-большевистского идеолога Германии Эрнста Никита, вышедшая в 1932 году и выдержавшая пять изданий, называлась «Гитлер. Злой немецкий рок».

Национал-большевизм в Германии представлял собой уникальное явление. Однако и в других странах существовали группы подобной ориентации. Вот лишь несколько примеров.

1. Швеция.

Шведская секция Коминтерна (т.е. Компартия Швеции) в

1929 году на X пленуме Исполкома Коминтерна была исключена из III Интернационала за «правый уклон». Ее руководство, во главе которого стояли два члена самого ИККИ - Нильс Флюг и Карл Чильбум, выступило против нового курса «класс против класса» и против неограниченного диктата Сталина. В начале 30-х годов эта исключенная организация объединилась с маленькой левой социал-демократической группой и приняла название Социалистическая партия Швеции. На всех выборах в 30-е годы она получала больше голосов, чем воссозданная сталинистами компартия.

Однако во 2-й половине 30-х годов эта группа, которая и после выхода из Коминтерна называла себя марксистско-ленинской организацией, проделала стремительную эволюцию к нацизму. Причем не только идеологически, но и чисто практически. Ее руководители поддерживали связи с германским посольством и получали от него деньги на издание своей газеты.

Недовольные этим Чильбум и другие лидеры партии вернулись в Социал-демократическую партию Швеции, в то время как Флюг (кстати, один из основателей Коммунистического интернационала молодежи) стал ярым нацистом, и в 40-е годы Социалистическая партия выступала как крупнейшая нацистская организация Швеции, пытаясь объединить все другие мелкие нацистские группы под своим руководством. В годы Второй мировой войны она подвергалась преследованиям со стороны шведского правительства за активную прогерманскую деятельность.

2. Италия.

Широко известен тот факт, что Бенитто Муссолини и подавляющее большинство главарей итальянского фашизма были выходцами из Социалистической партии Италии, причем из ее революционно-левого крыла Того самого крыла, на базе которого в Италии, как и в других странах, образовалась коммунистическая партия. Но гораздо менее известен тот факт, что многие коммунисты перешли в фашистское движение. Наиболее яркий пример - Николо Бомбаччи, один из основателей и фактических лидеров Компартии Италии начала 20-х годов. Он входил в Исполком Коминтерна, приезжал на все его конгрессы в Москву (кроме 1-го), встречался с Лениным. Вплоть до недавнего времени его тщательно вырезали со всех фотографий, где он был запечатлен рядом с Лениным. Как и Флюг, только ранее, он вступил в конфликт с руководством Коминтерна и, в конце 20-х

годов, вернулся в Италию из эмиграции. В Италии он редактировал небольшой левофашистский журнал «Прометео» (левая фракция фашистской партии во главе с Джузеппе Боттаи, мало отличавшаяся по своей идеологии от компартии, активно действовала в Италии на протяжении 20-40-х годов). В 40-е годы Бомбаччи стал секретарем фашистской партии и, вместе с Муссолини, автором второго и последнего фашистского манифеста. Вместе с дуче он был и казнен.

Интересен и такой факт. Тайная террористическая группа в рядах фашистской партии, инспирированная Муссолини для расправ со своими политическими оппонентами и известная советским кинозрителям по фильму «Убийство Маттеоти», называлась, ни много ни мало, «ЧК из Виминале». Что такое ЧК - советскому читателю объяснять не надо. А Виминале - это ставшее нарицательным название министерства внутренних дел Италии.

В середине 30-х годов среди молодых левых фашистов сложилась группа так называемых «диссидентов», или «универсальных фашистов», которая группировалась вокруг сына Муссолини Витторио и очень восхищалась социалистическим строительством в СССР, особенно Сталиным. Папа Муссолини был очень недоволен, он разогнал эту группу, однако часть ее членов сразу перешла в компартию, а другие создали так называемую «Революционную Социалистическую партию» и перешли в ИКП после войны. Многие из этих фашистов-диссидентов входили затем в ее высшее руководство.

3. Франция.

Французский случай национал-большевизма особенно известен. Его основателем был Жак Дорио, рабочий-металлург, основатель и руководитель французского комсомола, а затем член Политбюро и секретарь ЦК французской компартии (ФКП), мэр «красного пригорода» Парижа Сен-Дени, часто попадавший в тюрьму за участие в разного рода беспорядках и поэтому весьма популярный в СССР. В начале 30-х годов он был конкурентом туповатого Мориса Тореза в борьбе за лидерство в партии, однако совершил непростительную ошибку. За полгода до того, как пришел приказ из Москвы, выступил инициатором политики Народного фронта, чем Торез и воспользовался, с позором выставив Дорио из партии. После чего тот создал так называемую «Народную партию Франции», которая своей структурой полностью копировала ФКП, только слово «коммунистическая»

везде было заменено на «народная». Эта партия была одной из крупнейших фашистских партий в мире, сам Дорио активно сотрудничал с гитлеровскими оккупантами. Он приезжал на Восточный фронт подбодрить французских добровольцев, да и погиб во время бомбежки, одетый в форму офицера германской армии. А ведь р. свое время дружил с Лениным, Сталиным, Мао Цзэдуном.

В его организацию входили очень многие бывшие коммунисты, в том числе члены ЦК и Политбюро. Были во Франции и другие фашистские группы, созданные коммунистами. Тоже рабочий, как и Дорио, тоже член Политбюро и секретарь ЦК ФКП, третий человек в партийной иерархии, Марсель Життон, после подписания советско-германского пакта порвал с ФКП и создал Нацистскую рабоче-крестьянскую партию. Ему, однако, тоже не повезло. Он попал в список бывших депутатов-коммунистов, подлежащих уничтожению за протест против «пакта Молотова - Риббентропа». В сентябре 1941 года члены военной организации ФКП застрелили его в Париже. Сама французская компартия после начала Второй мировой войны выступила как предательская организация, выдвинув лозунг братания с германскими солдатами, свержения французского правительства и создания новой «Парижской Коммуны» из «патриотических элементов». Очевидно, подразумевались французские фашисты и сама ФКП. Торез и другие вожаки дезертировали из армии и сбежали в Москву, причем рядовым членам партии было разъяснено, что они руководят нелегальной борьбой во Франции. Неудивительно, что компартия подверглась заслуженным репрессиям. Многие ее активисты были интернированы, однако после прихода немцев выпущены на свободу.

ФПК пыталась сотрудничать с новыми властями и даже наладить легальный выпуск своей газеты «Юманите», постоянно пропагандируя идею «национального правительства». Только после 22 июня 1941 года, получив приказ из Москвы, она начала активную борьбу с оккупантами.

Можно сделать некоторые выводы.

Так как в идеологии национал-большевистского течения переплелись идеи левого (коммунизм) и националистического фашистского тоталитаризма, национал-большевизм позволяет найти несколько типологических особенностей обоих движений. Безусловно, это не политические партии, а именно тоталитарные движения, и для понимания причин их возникновения необходимо обращаться не только к социально-экономическим, но и вытекающим из них психологическим причинам.

Главное условие их возникновения - это тотальный кризис всех форм общественного уклада, осложненный переходом от одного типа государственного управления к другому (от авторитаризма к демократии, например). Второе условие - это резкое обострение национального чувства, вызванного унижением от катастрофического, тоталитарного поражения в войне. Третье - это наличие в данном обществе традиций этатизма и патернализма (т.е. победить тоталитарные движения могут отнюдь не в любой стране). Кроме того, необходимо наличие большой аморфной составляющей социальной структуры (граничащей с бесклассовостью). Человек в этом обществе находится в состоянии фрустрации, утрачивает положительную самооценку, лишается своего «я». Ему необходимо вновь обрести систему ценностей, так называемый «смысл жизни», и достаточно легко его обрести в каком-нибудь мифе. Миф может быть пролетарско-коммунистический, национальный и т.д., в том числе в качестве разновидности, например, национал-большевистский, что показывает, как легко переходить из одного мифа в другой.

Основная задача тоталитарного мифа - направить негативистскую энергию, собравшуюся в обществе, на создание некоего идеального мира в будущем («новый порядок» - любимый термин как фашистов, так и коммунистов). Черни этот миф дает иллюзию участия в истории, а интеллектуалам видимость слияния с народом, нацией.

Этот миф должен быть:

• *утопическим;*

• *его должен провозглашать некий вождь;*

• *необходимы некие мученики, погибшие за миф, некие образцы и примеры из истории (Парижская Коммуна, Фридрих II и т. п.), а также всевозможная атрибутика.*

Для руководства этим движением, охваченным мифом, необходимы люди, обладающие художественными способностями, так как это безусловно квазиартистические движения. Причем основатели их должны быть людьми очень одаренными (типа Рериха или Толкиена), чтобы силой своего гениального воображения очаровать, привлечь к себе массы или, по крайней мере, большие группы людей (Карл Маркс, к примеру), а «фюреры» должны быть из не реализовавших себя в искусстве людей (Муссолини, Гитлер, Сталин, Троцкий, все без исключения лидеры национал-большевизма) - чувствуя свою творческую неполноценность, они лишь укрепляются в своей

«вере». Кроме того, большую роль играет социальная и национальная неполноценность (Гитлер, Сталин, Жириновский и т. п.). Таким образом, это своеобразная «антиэлита» общества, которая существует везде и всегда, но лишь в период структурного кризиса, в обществе, отягощенном этатистским наследием, может быть социально опасна.

Что дает человеку участие в тоталитарном движении? Вопрос, как говорится, интересный. Купленные с потрохами правящими классами так называемые академические «ученые»-историки-культурологи-социологи и прочие, по меткому определению Руслана Имрановича, «дурачки, называющие себя политологами», обычно внушают населению, что участие в тоталитарном движении дегуманизирует человека, так как его фанатичная «вера» дает ему право на любое преступление, уводит его от реальной жизни, обманывает его, и поэтому, в результате, обрекает на гибель.

Независимые (от грантов и других форм подкупа) исследователи считают, что участие человека в тоталитарном движении придает его жизни подлинный смысл, возможность реализовать свои скрытые способности, обрести истинных друзей и реальные авторитеты, превратиться из жертвы закулисных манипуляций в творца истории.

Реализация тоталитарного мифа приводит к установлению тоталитарных режимов с общими чертами как для левого, так и для национального мифа:

1. Официальная, всеобъемлющая идеология, нацеленная на создание идеального порядка и нового типа личности.

2. Контроль за личной жизнью индивидов, подмена индивидуальных (зачастую интимных) интересов общественными.

3. Постоянное подавление любой оппозиции, особенно инспирируемой извне.

4. Иерархическая однопартийная система, требующая безусловного послушания, которое является проекцией послушания и иерархии в движении до прихода к власти.

5. Контроль за средствами массовой информации и образованием с целью постоянной мобилизации граждан.

6. Ликвидация традиционного буржуазного парламентаризма, при котором успех на выборах зависит от количества денег, а не способностей у кандидатов.

7. Автаркия и отказ в свободе выезда за границу.

8. Централизованная и плановая экономика с контролируемым потреблением.

9. Личная диктатура вождя.

И, по нашему мнению, допустимо предположить, что все эти качества, присущие гитлеровскому режиму, были бы с той же жестокостью осуществлены в Германии и руководством КПГ или революционными национал-социалистами и национал-большевиками, в случае их прихода к власти, для чего первые должны были быть менее зависимы от Москвы, а вторые более оригинальны, бесстрашны и активны.

А.Север

Глава 1. Мое знакомство с Гитлером

«Заходи к нам завтра на обед - будут генерал Людендорф и Адольф Гитлер... Я настаиваю на твоем присутствии, это очень важно».

Эти слова были произнесены моим братом в телефонном разговоре. Дело было в октябре 1920 года, когда я проводил отпуск с родителями в баварском городе Деггендорфе. Зная, что я не верю Гитлеру и его пропаганде, Грегор чувствовал мои колебания, но настаивал на своем. Согласие принять это приглашение стало поворотной точкой в моей жизни, определившей все мое будущее.

Какой молодой немецкий офицер упустил бы шанс встретиться с генералом Эрихом Людендорфом? В то смутное время, когда Германию захлестнул хаос, только абсолютно нелюбопытный человек мог отказаться лично познакомиться с Гитлером и попытаться понять, что он из себя представляет. Ведь уже тогда германская молодежь, которая стремилась творить новое будущее, начинала собираться под его знаменами.

Приглашение моего брата застало меня в критический момент моей жизни. Незадолго до этого я вышел из Социал-демократической партии Германии и как раз теперь мучительно пытался отыскать свой путь.

Шестью месяцами ранее в Берлине произошел знаменитый «капповский путч», во время которого я доблестно сражался на стороне Веймарской республики. Я командовал тремя «сотнями» берлинских рабочих, которым противостояли морская бригада капитана Эрхардта и части генерала Вальтера фон Люттвица. Эрхардт и Люттвиц хотели взять власть и установить реакционное

правительство. Наши отряды (которые называли «красными», в отличие от «белых», реакционных, подразделений) потерпели поражение. Капитан Эрхардт, с триумфом вошедший в Берлин через Бранденбургские ворота и глядевший на поверженный город, обратился к Каппу, бывшему губернатору Восточной Пруссии, а теперь политическому лидеру мятежа, со словами: «Я поставил вашу ногу в стремя, а править теперь предстоит вам».

Законное правительство бежало в Штутгарт, и в течение трех дней путчисты праздновали свою недолговечную победу. Профсоюзами немедленно была объявлена всеобщая забастовка, и начались уличные беспорядки.

В районе Везеля в Руре произошли кровопролитные столкновения. Генерал Люттвиц, капитан Эрхардт и Капп бежали в Швецию. Социалисты (среди которых был и я) объявили, что они согласны сложить оружие при условии увольнения из армии реакционных элементов и проведения национализации тяжелой промышленности. Они подписали Биленфельдское соглашение с министром Северином и вышли из борьбы. Однако коммунисты не сложили оружия и продолжали вести свою кровавую борьбу. Для войны с ними правительство Веймарской республики без всякого стеснения использовало разгромленные им прежде войска Люттвица и Эрхардта. Когда же коммунисты были разбиты, лживое правительство отказалось от своих обещаний, данных социалистам, и заявило, что Северин не имел полномочий подписывать с нами соглашение.

Происшедшее поразило меня до глубины души, и в знак протеста я покинул ряды СДПГ. Разочарованный происходящими в Германии событиями, я чувствовал себя как корабль без руля и ветрил. Однако я оставался лидером левых студентов, изучал юриспруденцию и экономику и возглавлял движение студентов - ветеранов войны.

При этом жизнь в нашем доме текла так, как будто ничего не происходит. День следовал за днем в монотонной последовательности, и ничего не менялось со времен моего детства. Отец по-прежнему служил в городском суде; он все так же посещал воскресную мессу, а по дороге из церкви домой вел привычные еженедельные беседы о политике. Однажды он даже написал памфлет «Новый путь - очерк социального христианства», правда, без подписи; этим и исчерпывался круг его интересов. Моя мать старела, дом понемногу приходил в упадок.

Самый старший из моих братьев - Пауль - стал монахом-бенедиктинцем, младший брат Антон учился в закрытой школе. Грегор, который был старше меня на пять лет, был уже женат, а сестра замужем.

Предстоящая встреча сулила хоть что-то новое, и я с нетерпением ожидал ее.

От Деггендорфа до Ландсхута в Нижней Баварии, где жили Грегор и его молодая жена, было около 60 миль. Я прибыл на утреннем поезде, а от станции пошел пешком, любуясь чистым осенним небом. У Грегора была аптека на главной улице города, где собиралась вся местная аристократия. Я думал, что приду слишком рано, но с большим удивлением обнаружил, что железные ставни открыты, а перед домом стоит шикарный автомобиль. Должно быть, генерал Людендорф и Гитлер прибыли из Мюнхена на машине и опередили меня.

Грегор без промедления представил нас друг другу. Людендорф сразу же произвел на меня яркое впечатление. У него были крупные черты лица и волевой подбородок. Его твердый взгляд из-под густых бровей заставлял вас идти на попятную. Было видно, что, несмотря на гражданскую одежду, во всем его облике был виден генерал. Его железная воля ощущалась с первой же секунды общения. Его товарищ, одетый в синий костюм, сидел в кресле, и, казалось, стремился занимать как можно меньше места, как будто стараясь укрыться за широкой спиной генерала. Что я мог тогда сказать о Гитлере? Это был абсолютно незнакомый мне человек с правильными чертами лица и жесткими усиками. Ему шел тридцать второй год. В то время мешки под глазами, которые позднее стали столь заметны, еще только намечались. На его лице еще не лежала печать одухотворенности, и оно еще не приобрело знакомого всему миру выражения особой значительности. Гитлер казался обыкновенным молодым человеком. Его бледность свидетельствовала лишь о недостатке свежего воздуха и физических упражнений.

Мы перешли к завтраку. Людендорф вперил в меня свои инквизиторские глаза.

- Ваш брат рассказывал мне о вас, - сказал он. - Сколько лет вы служили?

- Четыре с половиной года, господин генерал, - ответил я. - Я был самым молодым баварским добровольцем. Три года я был рядовым, а полтора года - младшим лейтенантом и лейтенантом. Я служил в армии со 2 августа 1914 года по 30 июня 1919-го и был дважды ранен.

- Браво! - воскликнул Людендорф и, подняв зеленую рюмку на массивной ножке, предложил нам выпить. Мы, естественно, откликнулись на его призыв, но, к моему удивлению, в стакане Гитлера оказалась простая вода.

- Господин Гитлер - трезвенник, - объяснил, улыбнувшись, Грегор. - К тому же он еще и вегетарианец, - добавил брат, с

опаской поглядывая на свою жену.

- Я надеюсь, господин Гитлер не захочет меня обидеть, отказавшись отведать мою стряпню, - спокойно, но в то же время с вызовом сказала моя невестка.

В ее взгляде, да и во всем поведении сквозила сильная инстинктивная неприязнь к гостю.

Эльза никогда не одобряла близкой дружбы мужа с Адольфом Гитлером. Но все последующие годы она относилась к этому терпимо, никогда не выражая словами своего отвращения. Тем не менее ее враждебность к Гитлеру оставалась неизменной.

В тот день Гитлер все-таки ел мясо. Я боюсь, что это был последний раз, когда он изменял вегетарианству.

Людендорф продолжал расспрашивать меня о военной карьере:

- Как произошло, что вы были представлены к ордену Макса-Иосифа?

Награда, о которой говорил генерал, была чрезвычайно редкой, но я так и не успел получить ее до конца войны. Я был представлен к ордену за мужество и доблесть в боях. Мои воинские подвиги были записаны в Золотой книге Первого баварского полка легкой артиллерии, и я гордился, что служил в этом прославленном подразделении. Раздуваясь от гордости и юношеского энтузиазма, я рассказывал свою историю генералу, в то время как Гитлер, смущенный тем, что он был всего лишь ефрейтором и не может похвастаться своими военными достижениями, замкнулся и неприязненно молчал.

В тех случаях, когда Людендорф говорил с ним, он отвечал: «Да, Ваше превосходительство» и «Так точно, Ваше превосходительство». Он демонстрировал одновременно подобострастность и недовольство.

Грегор, который также был офицером, но уже находился с Гитлером в очень близких отношениях, вскоре почувствовал себя не в своей тарелке. Спокойная атмосфера за столом оказалась под угрозой, и планы, которые он строил, могли рухнуть. Этой весной Грегор, являясь лидером баварских националистов - ветеранов войны, добился вхождения своей организации в Национал-социалистическую партию. Он основал первое подразделение партии в провинции, в результате чего стал первым гитлеровским гауляйтером. Такой поворот беседы был ему неприятен и как хозяину дома, и как политику. Его прирожденный организаторский талант и та власть, которую в провинции аптекарь делит с врачом и священником, привели к тому, что он преуспел в обращении в нацистскую веру недоверчивых и грубых баварцев. Неужели он должен потерпеть поражение, пытаясь

убедить собственного брата?

Мы перешли в темную гостиную, мрачность которой подчеркивал тяжелый дубовый гарнитур.

Генерал, развалившись в кожаном кресле, размышлял с сигарой в зубах. Гитлер был неспокоен, он расхаживал взад и вперед со склоненной головой, несомненно, думая о мести.

Внезапно он повернулся ко мне и перешел в открытую атаку:

- Господин Штрассер, я не понимаю, как могло случиться, что такой человек, как вы, бывший офицер, вполне лояльный, стал лидером красных во время мартовского выступления Каппа.

Должно быть, он слышал эту историю от моего брата. Наконец-то он был в своей родной стихии.

- Мои «красные», господин Гитлер, - ответил я, - действовали в поддержку законного правительства страны. Они были не мятежниками, как, вы, по-видимому, считаете, а патриотами, которые старались помешать реакционным генералам и их последователям.

Гитлер постепенно приходил в состояние лихорадочного возбуждения.

- Нет, - ответил он, - нужно понимать события не буквально, нужно стараться понять дух происходящего. Путч Каппа был необходим, хотя он был и неэффективен. «Версальское правительство» должно быть свергнуто.

Никогда я не слышал, чтобы Гитлер произносил «Веймарская республика». Он говорил о «Версальском правительстве» и всегда вкладывал в эти слова глубочайшее презрение.

Я оказался в сложном положении. Если бы я беседовал с Гитлером наедине, то, несомненно, отвечал бы ему со всей своей обычной яростностью. Но здесь был Людендорф, роль которого во время путча была не совсем ясной. Он находился на Унтер-ден-Линден в тот самый час, когда Эрхардт победно входил в Берлин. Был ли он случайным зрителем на параде или тайным соучастником путча, я так никогда и не узнал.

- Реакционеры используют политическое невежество большинства патриотических офицеров. Во время войны Капп тесно сотрудничал с Тирпицем, прусскими реакционерами, юнкерами [Юнкер - прусский дворянин. (Прим. перев.)] и хозяевами тяжелой промышленности Тиссеном и Круппом. А сам «капповский путч» был ни много ни мало попыткой государственного переворота.

Людендорф, который, казалось, думал о чем-то своем, вмешался в разговор для того, чтобы поддержать меня.

- Штрассер прав, - заметил он. - Путч Каппа был бессмысленным. Нужно сначала завоевать доверие людей, чтобы

потом иметь возможность применить силу.

Гитлер тут же стал в позу покорности и подобострастия.

- Так точно, Ваше превосходительство! - высокопарно воскликнул он.

Затем он продолжил монотонным голосом: «В этом суть моего движения. Я хочу зажечь народ идеей мести. Только народ, охваченный всеобщим фанатизмом, способен привести нас к победе в следующей войне».

Я был потрясен и решительно выступил против этой идеи.

- Это вообще не вопрос мести и не вопрос войны, - отвечал я. - Наш социализм должен быть «национальным» и предназначаться для того, чтобы установить в Германии новый порядок, а не для того, чтобы привести к появлению новой завоевательной политики.

- Да, - сказал Грегор, который очень серьезно слушал наш разговор, - у правых мы возьмем национализм, который, к несчастью, так тесно сомкнулся с капитализмом, а у левых мы возьмем социализм, который создал столь несчастливый союз с Интернационалом. Таким образом мы сформируем национал-социализм, который станет главной движущей силой новой Германии и новой Европы.

Я продолжил:

- И основой этого объединения должен быть социализм. Вы ведь называете свое движение национал-социализм, не так ли, господин Гитлер? А ведь согласно правилам немецкой грамматики в сложных словах такого рода первая часть служит определением для второй, главной части слова.

Я привел несколько совершенно очевидных примеров, иллюстрирующих эту особенность немецкого языка, в котором так много подобных сложных слов. Я увидел, как Гитлер внезапно покраснел, а на лбу у него выступили две глубокие пересекающиеся морщины - вертикальная и горизонтальная.

- Но, возможно, ваш балтийский советник, господин Розенберг, слишком несведущ в немецком языке, чтобы хорошо разбираться в подобных нюансах, - несколько язвительно добавил я.

И тут Гитлер первый раз потерял терпение, и он внезапно яростно ударил кулаком по столу. Затем Гитлер попытался взять себя в руки и с улыбкой, полусерьезно, полушутливо обратился к Грегору: «Я опасаюсь, что мы никогда не поладим с вашим слишком интеллектуальным братом».

В тот день я стал свидетелем той риторической эквилибристики, благодаря которой Гитлер стал знаменит. Уклонившись от обсуждения моих аргументов, понять и оценить

которые он оказался не в состоянии, и уйдя от предмета обсуждения прямо посреди дискуссии, он разразился яростной антисемитской тирадой.

- Подобная игра идеями совершенно бессмысленна, - заявил он, вновь обращаясь ко мне. - Я говорю о реальности, а реальность - это евреи. Посмотрите на коммунистического еврея Маркса и капиталистического еврея Ратенау. Все зло - от евреев, которые оскверняют и загрязняют мир. И, как только я узнал, кто они такие, лишь только понял их сущность, я стал вглядываться в каждого прохожего на улице, чтобы определить - еврей он или нет. Евреи контролируют социал-демократическую прессу. Они скрывают свои дьявольские замыслы под маской реформистских идеалов. Подлинная цель евреев - разрушение нации и уничтожение различий между расами. Евреи стоят во главе рабочего движения и говорят об улучшении участи трудящихся; на самом же деле они стараются поработить их, убить их патриотизм и честь, чтобы установить интернациональную диктатуру еврейства. То, чего они не могут добиться убеждением, они пытаются достичь силой. Их организация совершенна и вездесуща. У них есть свои агенты во всех министерствах, они дергают ниточки в высших сферах страны; они получают поддержку от своих единоверцев по всему миру; они - язва, которая приводит к падению целых наций и гибели людей.

Но чем более убедительно старался говорить Гитлер, тем критичнее относился я к его словам. Он перевел дыхание и с улыбкой посмотрел на меня.

- Вы не знаете евреев, господин Гитлер, и позвольте вам сказать, что вы их переоцениваете, - ответил я. - Евреи прежде всего приспособленцы. Они используют существующие возможности, но не создают ничего. Они используют социализм, они извлекают выгоду из капитализма, они даже получат выгоду от национал-социализма, если вы дадите им такой шанс. Они приспосабливаются к обстоятельствам с гибкостью, на которую, кроме них, способны разве что китайцы. Маркс ничего не создал. Социализм состоит из трех частей. Маркс - вместе с истинным немцем Энгельсом - исследовали его экономическую сторону, итальянец Мадзини - религиозную и политическую, а русский Бакунин создал нигилизм, который породил большевизм. Таким образом, как вы можете убедиться, социализм вовсе не имеет еврейского происхождения.

- Конечно, - согласился Людендорф. - Прежние экономические принципы устарели. Никакое возрождение невозможно без правильного понимания национал-социализма. Только таким образом процветание может вернуться в нашу

страну.

- Я хочу дать германскому народу толчок, чтобы сплотить его и сделать его способным разгромить Францию.

- Вы опять хотите опереться на националистические чувства и вновь не понимаете сути проблемы. Я, естественно, не одобряю Версальский договор, но сама мысль о войне с Францией кажется мне идиотской. Придет день, и эти две страны вынуждены будут объединиться в борьбе с большевистской Россией.

Гитлер ответил нетерпеливым жестом.

Я внезапно вспомнил о днях красного террора в Мюнхене в 1919-м, когда я, бывший офицер, только что вышедший из госпиталя, вступил в армию генерала фон Эппа, чтобы сражаться с большевиками в Баварии. Где был Гитлер в эти страшные дни? В каких закоулках Мюнхена таился этот солдат, который должен был сражаться в наших рядах?

Как бы угадав мои мысли, он повернулся ко мне, фамильярно хлопнул меня по плечу и пустил в ход все свое обаяние.

- В конце концов, - сказал он, - я предпочел бы быть повешенным на коммунистической виселице, чем стать министром германского правительства с соизволения Франции.

Людендорф встал и попрощался. Гитлер последовал за ним.

- Ну как? - спросил мой брат, когда мы проводили гостей и вернулись.

- Мне понравился Людендорф, - сказал я. - Он не так великолепен, как Конрад фон Гетцендорф, командующий Австро-Венгерской армии и непризнанный гений, но он - настоящий мужчина. Что касается Гитлера, то он слишком старался угодить генералу, спешил с аргументацией и всячески пытался изолировать своего оппонента. У него есть красноречие оратора, но нет политических убеждений.

- Может быть, на него давило то, что он был всего лишь ефрейтором, - сказал Грегор. - Но все равно в нем что-то есть. Его воздействию трудно противостоять. Каких замечательных результатов мы могли бы добиться, если бы нам удалось использовать энергию Людендорфа, мои организаторские способности и Гитлера как рупор наших идей!

Глава 2. Германия - бурлящий котел

Я не собираюсь писать книгу о политике. Однако, не зная о той чудовищной атмосфере, которая преобладала в побежденной и разрушенной стране, и о темных и кровожадных силах, погубивших страну, невозможно понять появление Гитлера и представить тот бурный водоворот событий, взметнувший его на вершину власти, подобно тому, как грязная пена поднимается на поверхность бурно кипящего котла.

Прошлое было уничтожено, настоящее шатко, а будущее безнадежно. К такому выводу мы пришли, когда наконец осознали трагическое бессилие людей, которые оказались у власти в результате так называемой Революции 1918 года.

Кайзер бежал, и страны-победительницы поверили, что они заменили ненавистный режим Вильгельма II на образцовую демократию, может быть даже лучшую, чем их собственная. Но на самом деле изменению подвергся лишь фасад, а остальное осталось неизменным; а усилившийся голод и нужда превращали людей в диких зверей.

Я вспоминаю о моем друге Артуре Меллере ван ден Бруке, которого называли «Руссо германской революции» (он покончил жизнь самоубийством в тот день, когда окончательно осознал, что Гитлер предал его идеалы). Вместе с ним мы основали Июньский клуб. Его целью было восстановление Германии. «Мы проиграли войну, - говорил он мне, - но мы победил! в Революции».

Что за глупая иллюзия - надеяться на возрождение нации, которой долгие годы управляют бюрократы и жалкие, трусливые буржуа!

Только какой-нибудь злобный карикатурист, желая до предела унизить и растоптать Германию, мог вызвать к жизни таких прожженных бюрократов, как Шейдеман, Зеверинг и Эберт, и таких плоских и тупых буржуа, как Эрцбергер, Ференбах и Вирт.

Германия являла собой груду руин, и в таких условиях, как бы в насмешку над страной, было создано правительство безвольных посредственностей, не имевших ни идей, ни веры, ни политических знаний. Оно было больше похоже на комиссию конкурсных управляющих, чем на гражданское правительство.

Президентом Германской Республики, причем абсолютно незаконным образом - без выборов, стал Фридрих Эберт, человек «золотой середины». Это случилось потому, что создатели новой конституции не доверяли немецкому народу, да и созданной им конституции тоже.

Так что в Германской Республике не было ничего

республиканского, кроме ее названия.

Чего стоит ожидать в будущем от Эберта, наиболее ясно показывали его слова: «Я ненавижу революцию так же сильно, как я ненавижу грех». Я был молод и не шел ни на какие компромиссы. «Прежде всего, - сказал я Меллеру ван ден Бруку, который был так же разочарован, как и я, - он ненавидит революцию, потому что ненавидит грех. Разве Дантон ненавидел грех?» Сегодня мне смешно вспоминать, как мы сравнивали трусливого Эберта с героем французской революции.

Итак, вернемся в разоренную Германию, где на фоне всеобщего беспорядка все так же рутинно и стереотипно работали различные министерства, с фасадов которых стирали (а порой и просто прикрывали чем-нибудь) надпись «Императорский». Напрасно страны-победительницы указывали на необходимость уничтожения германского милитаризма и уменьшения влияния генералитета - все чиновники и генералы оставались на своих местах, Веймарская республика взяла их на службу, и сместить их с занимаемых постов было невозможно.

За спиной эфемерных министров стояли тайные руководители страны из числа этих чиновников, и законы исполнялись ровно настолько, насколько это было выгодно бюрократии.

После окончания юридического факультета я был принят на работу в министерство сельского хозяйства и продовольствия.

Незадолго до этого на пост министра был назначен некий господин Гермес. Желая сохранить при себе в новом офисе своего постоянного секретаря, чтобы получить определенную свободу действий, он поставил об этом в известность человека, бывшего реальным главой его министерства. Тот, однако, заявил, что для оплаты секретаря господина Гермеса нет средств. Поскольку министр настаивал, то чиновник предложил ему добиться утверждения нового назначения через парламент, проведя там специальное голосование для утверждения новых расходов.

Естественно, господин Гермес так и остался без своего секретаря, и все его самые конфиденциальные письма, отпечатанные в трех экземплярах, подвергались цензуре этого закулисного советника.

Что же в это время творилось в стране? Германия бурлила. Иностранцы, не слишком углубляясь в суть происходящего, сообщали, что «из германского котла идет грязный пар», но они не выражали при этом особой тревоги. Они не понимали, что мучительные потрясения и чрезмерные страдания вызывали ужасную реакцию и подготовили почву для возрождения пруссачества и новой войны.

Именно этот кипящий котел и произвел на свет Гитлера, а порожденные им тайные силы помогли Гитлеру прийти к власти.

Германия проиграла войну, но это было еще не все. Народ голодал, а по всей Европе падало сельскохозяйственное производство. Страны Центральной Европы были буквально задушены блокадой Антанты. 120 миллионов немецких марок были вложены в военные займы и, естественно, пропали после окончания войны. Германский средний класс был уничтожен, мелкие рантье разорены. Я думаю, что в 1922 году количество людей, обладавших состоянием в 20 000 золотых марок, не превышало трех процентов населения Германии. Страховые компании прекратили выплачивать страховки. Люди, всю жизнь копившие деньги, чтобы обеспечить себе нормальную жизнь в старости, потеряли свои накопления и умирали в полной нищете. Инвалиды войны не получали никаких пенсий. Такое положение дел было прямым последствием войны, которая полностью разрушила экономическую жизнь страны, а не результатом тягостного Версальского мира, как можно было бы думать.

Важной проблемой, требующей незамедлительного решения, стала проблема демобилизации армии. Бывшие солдаты, оставшиеся без работы, все чаще оказывались зачинщиками беспорядков. Таким образом они старались сохранить от полного уничтожения свой привычный мир и более всего пытались избежать голода, безработицы и безнадежного будущего.

Солдаты вернулись с фронта, полтора миллиона немцев были изгнаны из Польши, триста тысяч офицеров и семьсот или восемьсот тысяч сержантов влачили жалкое, безнадежное и бесцельное существование в Берлине и других больших городах Германии. Вернулись и герои балтийской войны, защищавшие Финляндию от русских. Ими руководили генерал Рюдигер фон дер Гольц, капитан Вальтер Стеннес и обер-лейтенант Герхард Россбах. Если до сих пор еще существуют наивные люди, верящие в добрую волю Адольфа Гитлера и в его заботу об идеалах немецкого народа, то пусть они вспомнят о жертвах, понесенных немецкой армией в этой войне, и сравнят отношение фюрера к нынешнему русско-финскому конфликту. Более того, Гитлер не только не воевал в Финляндии, он даже не принял участия в тех стихийных столкновениях, которые возникали после войны, и в которых немцам пришлось оборонять свои жизни и свою честь. Он не участвовал в боевых действиях армии генерала фон Эппа, свергнувшей красную диктатуру Курта Эйснера в 1919 году, не было его и в отрядах фон дер Гольца. Когда в Верхней Силезии вспыхнула кровопролитная война, в которой немецкие «фреакоры» защищали границы Германии от поляков, Гитлер,

обращаясь к отряду добровольцев из Австрии, решивших помочь немцам, изо всех сил старался отговорить их от участия в этой борьбе. Однако, несмотря на все свое красноречие, Гитлер так не смог переубедить или отговорить их. В результате он остался дома, вынашивая дьявольские планы захвата власти путем чудовищного лицемерия и предательства, которые тем не менее оказались успешными.

Те же, кто еще сохранил остатки здравого смысла в этом водовороте, по мере сил сопротивлялись окостеневшему бюрократически-демократическому режиму и, преодолевая официальное лицемерие, пытались найти свой путь.

На первом съезде Советов рабочих и солдатских депутатов, в котором принимали участие социал-демократы, Независимая социал-демократическая партия Германии (НСДПГ, из левого крыла которой впоследствии родилась Коммунистическая партия Германии) и солдатская фракция, с поистине фантастической речью выступил Рудольф Гильфердинг (так называемый левый социал-демократ, дослужившийся до министра). Прямым последствием этой речи стало то, что решение всех важнейших вопросов было отложено навсегда.

На этом съезде рядовые делегаты потребовали - так же как и позже, во время «капповского путча» - национализации шахт и тяжелой промышленности.

«Это требование, - заявил им в ответ Гильфердинг, - делает вам честь как революционерам, но политические вопросы не могут решаться с помощью чувств».

В течение четырех часов кряду сей высокообразованный оратор объяснял изумленной аудитории абсолютную очевидность того факта, что при нынешнем уровне развития науки построение социализма в Германии не представляется возможным. Свою речь он заключил предложением создать специальную комиссию для изучения данной проблемы. Рабочие, солдаты и бывшие офицеры доверчиво согласились. Комиссия заседала месяцы и годы, но я никогда не видел даже самого мизерного признака проведения какой-либо конкретной работы. Эта комиссия так и погибла в безвестности, а проблема осталась нерешенной.

Затем на историческую сцену вышли евреи-спекулянты, усиливая антисемитские настроения, которые и так всегда были сильны в немецком народе.

Торговцы, наживаясь на голоде и постоянной девальвации марки, покупали товары за границей и продавали их в Германии по заоблачным ценам. Для своих целей они использовали Рейхсбанк. Они ловко и незаметно проникали в высшие эшелоны власти, заводили полезные знакомства в министерствах, оказывая

с помощью этих знакомств влияние на тех представителей власти, которые по долгу службы должны были защищать неимущих от произвола эксплуататоров. Скандалы, связанные с галицийскими евреями-банкирами Кутицкером, Барматтом и Склярeком, пошатнули до основания финансовую систему страны и вызвали волну возмущения общественности. Братья Барматт, высланные из Германии, продолжили свои бессовестные аферы в Голландии, где за год до того уже прогремел скандал, связанный с их криминальной деятельностью, а три брата Склярек продолжали свои мерзкие делишки в Чехословакии.

Разрушительную работу, начатую спекулянтами, довершали короли немецкой индустрии. Воротили, тяжелой промышленности Гуго Стиннес, который начинал с поставок угля, скупил всех своих конкурентов и разорил все предприятия средней величины. Инфляция росла, как снежный ком. Каждый месяц, каждую неделю, каждый день и каждый час стоимость марки падала.

Жалование нам выплачивали ежедневно, и все-таки было довольно трудно приспособиться к инфляции. Если вы хотели приобрести какую-либо вещь утром, то должны были купить ее немедленно, потому что к полудню ее цена могла увеличиться в два, а то и в три-четыре раза. Вскоре за один доллар стали давать 4,2 триллиона марок. Обычная почтовая марка стоила 12 миллионов марок. Всюду внезапно появились бесчисленные толпы иностранцев с пачками долларов, франков и фунтов, скупающие предметы первой необходимости и произведения искусства, приобрести которые сами немцы уже не могли себе позволить. В такой аморальной обстановке в Германии быстро развивалась ксенофобия.

Население было возмущено, по улицам прокатилась волна громогласных демонстраций. На всех лицах было написано отчаяние, такое отчаяние, которое ведет к взрыву жестокого и беспощадного насилия. Слабое правительство заявляло о необходимости предотвратить угрозу революции. Однако, поскольку его взгляды на причины революции не изменились со времен Вильгельма II, угрозу оно видело только в левых силах, не подозревая о возможности ультраправого мятежа.

Первое предупреждение о такой возможности прозвучало в 1921 году, когда два морских офицера, лейтенант Генрих Шульц и младший лейтенант Генрих Тилессен, убили Маттиаса Эрцбергера. Убийцы были членами организации «Консул» капитана Германа Эрхардта. Развал в германском флоте достиг еще большего масштаба, чем развал в армии. Демобилизация армии проводилась постепенно, поэтому многим бывшим

офицерам удалось устроиться на работу в банки, страховые компании или на заводы. А вот все офицеры бывшего императорского военно-морского флота были уволены одновременно и поэтому в большинстве своем остались без работы. Их будущее было абсолютно безнадежно. Военно-морской флот Германии был уничтожен, а торговый флот стал в десять раз меньше, чем до войны.

Капитан Эрхардт, бежавший в Швецию после провала путча Каппа, возглавил там тайную террористическую организацию «Консул». Эрцбергер был убит по его приказу. Но, несмотря даже на то, что правые уже нанесли первый серьезный удар, Веймарское правительство продолжало закрывать глаза на их деятельность.

С этого момента правые и левые попеременно совершали убийства и акты насилия.

4 июня 1922 года людьми Эрхардта было совершено покушение на лидера социал-демократов и бывшего канцлера Филиппа Шейдемана. Бывший офицер Ганс Густерт облил его синильной кислотой.

Была организована отвратительная травля Эберта, «человека золотой середины», который, несмотря на все свои усилия, так и не смог понравиться всем.

24 июня 1922 года от рук ультраправых погиб Вальтер Ратенау, крупный промышленник-еврей и министр иностранных дел Германии, который нес ответственность за подписание в Рапалло договора с Россией.

Первое народное восстание произошло в 1919 году и было организовано коммунистами. В тот же год фон Эпп изгнал коммунистов из Мюнхена. В 1920 году правой милитаристской партией был организован путч Каппа, который закончился кровавой бойней в Руре.

В 1921 году беспорядки охватили такие города, как Галле, Мерзебург и Магдебург, находившиеся в центре Германии.

В том же году коммунисты взяли верх в Гамбурге, и большой друг Страны Советов Макс Гельц попытался совершить государственный переворот. Он был вынужден бежать в Россию, где, как и многие другие слуги Красного Молоха, был впоследствии казнен Сталиным.

Столкновение интересов различных сил и предсмертные конвульсии Германии не волновали ни лидеров германского государства, ни руководителей Европы. Такая обстановка привела к усилению политической роли крайне левых и крайне правых. Первоначально в обеих партиях преобладали более умеренные элементы. Однако, пока Западная Европа мирно и беспечно

почивала на лаврах, Россия пребывала в постоянной боевой готовности и внимательно следила за всеми взлетами и падениями германской политики. Руководителю Коминтерна Григорию Зиновьеву (который впоследствии также был казнен Сталиным), специально прибывшему из России в Германию, удалось сыграть решающую роль на съезде Социал-демократической партии Германии, который проходил в городе Галле. В то время я был еще студентом и, зарабатывая себе на жизнь, посетил съезд в качестве корреспондента голландской газеты и швейцарского журнала Я очень редко встречал столь же талантливого и красноречивого оратора, как Зиновьев. Он произнес семичасовую речь, после которой Социал-демократическая партия Германии раскололась, и половина ее сторонников обратилась в коммунистическую веру. Большинство членов Независимой социал-демократической партии Германии (НСДПГ) впоследствии образовало коммунистическую партию Германии (КПГ), которая вскоре стала ядром движения левых экстремистов.

Правое движение состояло из «Стального шлема» («Stalhelm»), которым руководили Франц Зельдте и Теодор Дюйстерберг, и Национал-социалистической рабочей партии Германии (НСДАП) во главе с Гитлером, Правый радикализм сделал большой шаг вперед несколько позже, когда выросло мое влияние и влияние моего брата Грегора.

Никогда справедливость пословицы о том, что противоположности сходятся, не была так очевидна, как в послевоенной Германии. Из лучших представителей левых и правых мог бы получиться прекрасный союз. В попытках прийти к взаимному согласию не было недостатка, но все они оказались иллюзорными и безрезультатными. Последняя подобная попытка, предпринятая по инициативе Гитлера, провалилась, как и все остальные. Я хорошо помню неудачное сближение между Гитлером и Третьим Интернационалом. Оно произошло вскоре после казни Шлагетера в Руре. Депутат-националист Эрнст Граф цу Ревентлов, который вскоре стал ярым поклонником Гитлера, выпускал тогда правую газету «Рейхсвахт», а Карл Радек, представитель Третьего Интернационала, издавал газету «Роте Фане». При активном посредничестве НСДАП эти двое быстро нашли общий язык и договорились о сотрудничестве. В результате изумленные читатели «Рейхсвахт» обнаружили на страницах газеты написанную Радеком хвалебную статью о Шлагетере, где он назывался «пилигримом на пути в никуда».

О Шлагетере писали много. Германские нацисты сделали из него национального героя. Для объективных людей, которые

знали этого молодого человека, охваченного непреодолимой страстью к свободе и лихорадочным желанием действовать, его история представляется более неоднозначной. Что стало бы с юным мечтателем и мятежником, яростным индивидуалистом при гитлеровском режиме?

Неужели он не восстал бы вновь против тирании? Неужели этот «пилигрим, на пути в никуда» не встал бы на защиту любимой страны против самого отвратительного насилия над ней? И разве уцелел бы он после жуткой чистки 30 июня?

В описании жизни немцев, в культуре, литературе, театре и кино ярко отражалось это опасное и тревожное время, когда нужда разрушала мораль, и люди старались забыться в алкоголизме, жажде громких сенсаций и эксцентрических удовольствий.

Как грибы, росли ночные клубы. Полностью обнаженные танцоры демонстрировали себя аплодирующей аудитории, опьяненной шнапсом и похотью. Это была эпоха садизма и мазохизма, всевозможных извращений и чудачеств, бурного расцвета гомосексуализма и астрологии.

Незабываемое впечатление оставили судебные процессы над отвратительным маньяком Кюртеном и дюссельдорфским вампиром Хаарманном.

Одним из самых любопытных феноменов послевоенного периода, несомненно, был знаменитый ясновидец Хануссен, который оказывал услуги другому ясновидцу - Адольфу Гитлеру. Принято считать, что Гитлер расправился с Хануссеном, как расправлялся с остальными своими друзьями, едва только они переставали его устраивать. В действительности это совсем не так. Хануссен был евреем и хорошо понимал, что рано или поздно расистские взгляды Гитлера сыграют свою роль в отношениях между ними. Чтобы избежать этого, он постарался заручиться поддержкой графа Гельдорфа, примкнувшего к нацистам ренегата, который постоянно нуждался в деньгах, и ссудил ему значительную сумму. Расписки о получении денег Хануссен постоянно носил в своем бумажнике. Но у Гельдорфа вовсе не было намерения расплачиваться со своим назойливым кредитором. Вскоре после прихода Гитлера к власти он стал начальником полиции Берлина и приказал убить Хануссена. Астролог предвидел все, кроме такого поворота событий. Долговые же расписки Гельдорфа так никогда и не были найдены.

Хаотическое время породило болезненно-реалистическую школу в драматургии. Романтизм этого периода был сродни проституции. На киноэкранах появился первый фильм Греты Гарбо «Безрадостная улица», снятый по роману австрийца

Беттауэра, который однажды ночью был убит разъяренными читателями на улицах Вены. В театре мы аплодировали «Отцеубийце» Арнольда Броннена, пьесам Эрнста Толлера «Такова жизнь» и «Кастрат» (название которой намекало на общее состояние дел в рейхе). Мы слушали «Трехгрошовую оперу», «Возвышение и падение города Махагони» и музыку Курта Вайля. Пока на сцене торжествовала левая драматургия, в литературе были опубликованы политические и философские работы тех авторов правого толка, кто невольно стал вдохновителем Гитлера. Ни один будущий историк не сможет понять и объяснить сегодняшний Третий рейх, не прочитав «Закат Европы» и «Пруссачество и социализм» Освальда Шпенглера, «Народ без пространства» и «Неунаследованное наследство» Роберта Гримма и другие подобные труды. В числе наиболее интересных книг того времени я бы назвал «Правую революцию» и «Третий рейх» моего друга Артура Меллера ван ден Брука, который был лучшим из лучших.

Освальд Шпенглер, который обожествлял прусский дух, вступил в интереснейшую дискуссию с Меллером ван ден Бруком в Июньском клубе, где мы организовали встречу между этими двумя властителями дум той эпохи. Величайшей целью Шпенглера было поставить социализм на службу пруссачеству. Именно это и сделал Гитлер. Меллер ван ден Брук вкратце выражал свои взгляды так: «Мы были тевтонами, мы стали немцами, мы будем европейцами». Но Гитлер так никогда его и не понял.

В 1920 году Адольф Гитлер, ссылаясь на книгу моего друга «Третий рейх», говорил: «Первый рейх - это Бисмарк, второй - Версальская республика, а третий - я».

«Нет, - возражал я, где бы ни слышал повторение этих слов, уродливо искажающих истину, - Меллер ван ден Брук говорил, что первый рейх - это Священная Римская империя Карла Великого, второй - это империя Вильгельма и Бисмарка, а Третий рейх должен быть федеративным, христианским и европейским государством».

Глава 3. ПИВНЫЕ КОНСПИРАТОРЫ

Из Мюнхена пришел приказ - начало сегодня вечером!

Генрих Гиммлер, адъютант моего брата, замер, затаив дыхание от волнения, весь - воплощенное внимание.

- Приказ от Гитлера?

- Да.

В течение последних недель, а особенно в последние дни апреля 1923 года, Адольф Гитлер не раз заявлял на многочисленных митингах, что только через его труп красные проведут свои первомайские демонстрации. Казалось, пришло время действовать. Различные правые формирования готовились дать решительный отпор растущей угрозе слева.

Из штабов приказы поступали в деревни Нижней Баварии, и весь день 30 апреля в маленьком городке Ландсхут происходили стремительные и таинственные приготовления. Патриоты-ветераны Грегора - последние три года они составляли костяк нацистских штурмовых отрядов в Баварии - радостно готовились к битве за новую Германию. Почти в каждом доме тайно хранилось оружие, за которым любовно ухаживали те, кто с нетерпением ожидал великого дня Революции.

В распоряжении повстанцев оказалось также несколько подержанных грузовиков.

Лишь только потемнело, из Ландсхута отправился отряд, одетый в серую полевую форму, такую же, какую носили миллионы солдат во время мировой войны. Грузовики с зажженными фарами помчались по ровной дороге, пересекая равнину, пролегающую между Дахау и Мюнхеном. Этой небольшой армией из трех тысяч человек командовал мой брат Грегор. Было что-то мрачно-мистическое в этой странной колонне автомашин, прокладывающей свой путь сквозь безлунную ночь.

Ночная тишина внезапно была нарушена резкими звуками автомобильных клаксонов, и местность вокруг вдруг оказалась залита ослепительным светом фар скоростных полицейских машин, которые без труда перехватили медленные грузовики отряда Грегора.

- Шупо (полиция)! - зашептали люди Грегора. Лейтенант полиции приказал грузовику Грегора остановиться. Полицейский и Грегор оказались лицом к лицу.

- Боже мой! - внезапно воскликнул Грегор. - Как ты очутился здесь?

- Еду из Ландсхута, как и ты, - ответил лейтенант Георг Хефлер, зять Грегора.

После увольнения из армии Георг Хефлер пошел работать в полицию и сейчас занимал пост начальника полиции Ландсхута.

- Но куда вы движетесь? - спросил Грегор.

- Как и вы, в Мюнхен.

- Вы с нами или против нас?

- Я не знаю. Мы получим приказ только в Мюнхене.

Мгновение Грегор и Георг Хефлер в нерешительности смотрели друг на друга. Один из них был высоким, широкоплечим блондином со стальными мускулами, другой - более хрупким и утонченным, но на его загорелом лице отражались смелость и решительность.

- Ничего, завтра увидим, - философски заметил Грегор.

- Желаю удачи, - ответил Хефлер, и они пожали друг другу руки.

Полицейские машины умчались вперед, оставляя за собой столб пыли, а грузовики, полные штурмовиков, последовали за ними.

Эта ночная встреча была лишь первым актом того несмешного фарса, о котором мне впоследствии рассказывали Грегор и его зять.

«Это была генеральная репетиция», - убеждал меня Грегор, описывая первомайские события, и, когда я говорил ему, что, по моему мнению, Гитлер, главное действующее лицо комедии, должен быть с позором изгнан со сцены, Грегор лишь пожимал плечами, как бы говоря: «Ты никогда его не поймешь».

Грегор продолжал свой ночной путь, терзаемый противоречивыми мыслями: либо Гитлер действует заодно с правительством и «шупо» послана в Мюнхен для поддержки путча, либо тайна заговора раскрыта. В первом случае революция выглядела более чем глупо. В случае же если тайна заговора уже раскрыта, мятежники, лишенные своего главного козыря - внезапности, уже этой же ночью окажутся за решеткой.

Однако колонна прибыла в Мюнхен без каких-либо затруднений. На большом мюнхенском параде, проводимом на Обервайзенфельд, должно было состояться объединение трех военизированных формирований. Большим авторитетом пользовались штурмовые отряды под командованием Геринга; к ним должны были присоединиться отряды доктора Фридриха Вебера (фрайкор «Бунд Оберланд») и капитана Адольфа Хайса (Рейхсбаннер). Тайным покровителем заговорщиков был генерал Людендорф, политическим лидером - Адольф Гитлер, а военное руководство осуществлял подполковник Герман Крибель.

Объединение состоялось в 8 часов утра. Двадцать тысяч шлемов блестели под лучами жаркого, почти июльского солнца, и

двадцать тысяч бойцов обливались потом в потертых униформах времен последней войны. Однако одно подразделение все еще носило коричневые рубашки. Это были мюнхенские штурмовики обер-лейтенанта Герхарда Россбаха. Адольф Гитлер питал стойкое отвращение к коричневым рубашкам, но, несмотря на это, лейтенант Россбах, лидер молодежного движения рейха, приказал своим подчиненным надеть их.

Там присутствовали все люди Гитлера, в том числе Герман Геринг, который уже тогда перестал вмещаться в свою униформу, Фрик, Гесс, Штрайхер и Грегор Штрассер со своим неизменным Генрихом Гиммлером - все действующие лица большой немецкой драмы, большие и малые, и те, кому выпало играть ведущие роли, и те, кому было суждено кануть в безвестность, и те, кто был впоследствии безжалостно уничтожен.

Вот уже пробило восемь часов, затем девять, десять... Адольф Гитлер стоял, нахмурив брови. Время от времени он снимал тяжелый стальной шлем и вытирал пот со лба. Время шло, а условный сигнал все не поступал.

В одиннадцать часов на горизонте появились подразделения рейхсвера, поддерживаемые с флангов одетыми в зеленую форму полицейскими. Демонстрация на Обервальцфельд была немедленно окружена. Полицейскими руководил лейтенант Георг Хефлер, а военных возглавлял капитан Эрнст Рём.

Гитлер, как сумасшедший, набросился на Рема. Его глаза горели, а изо рта, казалось, вот-вот пойдет пена.

- Вы предали нас? - сердито воскликнул он. Но Эрнст Рём не испугался человека, которого помнил еще ефрейтором Седьмой дивизии, которой командовал его друг генерал Риттер фон Эпп. Капитан Рём знал Гитлера с момента вербовки в 1919 году. В то время Рём работал на Эппа и отвечал в рейхсвере за политическую обстановку в Баварии. Он использовал в качестве агентов уволенных в запас солдат и офицеров и получал от них информацию обо всех видах тайной политической деятельности. Тогда он и завербовал Гитлера, чтобы получить сведения о юной нацистской партии, слухи о которой стали ходить в Мюнхене. Сообщения ефрейтора были полны энтузиазма:

«Они простые маленькие люди, рабочие, но они - антимарксисты!»

Рём был умным человеком и первоклассным организатором, он хорошо знал людей. По достоинству оценив силу личного обаяния Гитлета, он вскоре приказал тому вступить в новую партию и попытаться завоевать в ней авторитет.

Гитлер настолько хорошо вошел в эту новую роль, что всего за несколько месяцев отодвинул на второй план реального

основателя нацистской партии Дрекслера, а через некоторое время расправился еще с одним лидером партии - инженером Харрером.

На деньги, полученные от Рема, Гитлер смог организовать партию и основать штурмовые отряды (СА), его важнейшую военизированную опору, которую снабжал оружием насильственно разоруженный по условиям Версальского мира рейхсвер, пытаясь таким образом скрыть часть вооружений от инспекторов стран Антанты. Также на деньги Эрнста Рема Гитлер купил местную газету «Фёлькише беобахтер», выходившую два раза в неделю и ставшую органом Национал-социалистической партии.

Капитан Рём по-прежнему считал Гитлера только орудием в своих руках. Головокружительная карьера Гитлера в нацистской партии не открыла ему глаза на происходящее. На раздражение и налитые кровью глаза Адольфа он ответил покровительственным дружеским жестом. С высоты своего положения Рём, крепко державший в своих цепких руках самого генерала фон Эппа и привыкший обращаться с людьми как с марионетками, разговаривал со всеми как хозяин.

- Что происходит? - вновь поинтересовался Гитлер.

- Время еще не пришло. Правительство и рейхсвер терпимо относятся к первомайским демонстрациям красных. Северная Германия еще не готова, - холодно ответил капитан Рём.

Гитлер посмотрел ему в глаза и опустил голову.

- Время еще не пришло, - повторил он за Рёмом. Грегор и подполковник Крибель все-таки оставались сторонниками решительных действий и были готовы стрелять в солдат, однако Гитлер, молчаливый и хмурый, в течение всего дня отказывался следовать самым решительным советам.

Окруженные частями, защищающими правопорядок, мятежники вынуждены были с раннего утра оставаться на месте и не смогли отправиться домой до самой темноты. Красные демонстрации прошли без малейшего инцидента, а нацисты стали всеобщим посмешищем.

Гитлер навсегда запомнил позорное поражение на Обервайзенфельд, и ненависть, которую он питал к Рему, родилась именно в этот день.

Гитлер без устали готовил нацистскую партию к реваншу.

Установление в Саксонии красного правительства подлило масла в огонь. Казалось, что в этот раз Рём изменил свою точку зрения и генерал Франц Ксавер барон Риттер фон Эпп готов поддержать заговорщиков.

Правительство Германии, внезапно осознав опасность победы

коммунистов на Севере, старалось навести порядок на Юге. Оно пыталось предотвратить гражданскую войну, которая казалась неизбежной в случае, если бы нацисты попытались устроить государственный переворот. 26 мая государственным комиссаром и премьером Баварии назначили волевого и решительного генерала фон Кара. Фон Эпп был отстранен от активной деятельности и заменен генералом Отто фон Лоссовом. В результате войска присягнули не рейху, а Баварии. Генералу Людендорфу запретили въезд в Мюнхен.

Людендорф и Эпп были взбешены. Рём, видя, что его влияние сходит на нет, был серым от злости. Гитлер едва сдерживал ярость, а Грегор, который всегда являлся сторонником самых решительных действий, настаивал на использовании для них малейшей возможности. По его мнению, необходимо было заставить новые власти Баварии поддержать восстание правых и выступить вместе с ними коммунистической Пруссии и красного Севера.

Каждый вечер заговорщики встречались в уединенных комнатах мюнхенской пивной «Бюргербройкеллер», в которой был большой зал для проведения публичных собраний. Одним из завсегдатаев «Бюргербройкеллера» был Герман Геринг, опытный летчик и настоящий старый солдат, который никогда не ступил бы на скользкую тропинку авантюризма, если бы у него была возможность заниматься любимым делом. Выпускник кадетской школы, Герман имел консервативные взгляды, типичные для профессионального военного. Он был человеком небольшого ума, откровенно грубым и нечистоплотным, вел разгульную жизнь, любил хорошо поесть и выпить.

Еще одним постоянным посетителем пивной был безработный агроном Генрих Гиммлер, который однажды безнадежно возмечтал стать офицером. «Ты так всю жизнь и останешься инфантильным», «У тебя душа и чувства торгаша», - говорил ему обычно мой брат Грегор. Гиммлера нельзя было назвать жестоким, но ему были абсолютно незнакомы такие чувства, как жалость и сострадание. Спустя несколько лет по приказу фюрера он арестовал своего собственного брата и мог бы без колебаний убить собственных родителей, если бы фюрер приказал сделать это. Что касается его отношений с женщинами, то, глядя на Гиммлера, я всегда вспоминал слова Гретхен из «Фауста»: «Генрих, ты внушаешь мне ужас». У него было всего одно сексуальное приключение, о котором он сам мне рассказывал. По его словам, это случилось, когда Генриху было 22 года. Он проводил ночь в гостинице и был буквально изнасилован хозяйкой этого заведения, которой перевалило за

сорок. Он остался навсегда привязан к женщине, сотворившей подобное чудо.

Я мало что могу рассказать о Рудольфе Гессе. Он был симпатичным молодым человеком, интеллектуалом и художником, офицером и поэтом. Энергичный и преданный, он никогда не скрывал своего пылкого увлечения Адольфом Гитлером. Его поклонение Гитлеру было так велико, что злые языки называли его «фрейлейн Гесс». Сам я, однако, считаю, что их отношения были абсолютно чисты.

Тем поразительнее был контраст между Гессом и сексуальным маньяком Юлиусом Штрайхером, которого постоянно мучили безудержные сексуальные фантазии. Для Штрайхера расовые теории национал-социализма служили оправданием для реализации безумных причуд своего больного воображения (как это демонстрировала его газета «Штюрмер»). «Я помещаю на первую страницу своей газеты рассказ о сексуальном преступлении, совершенном каким-нибудь евреем, как в начале обеда подают восхитительный коктейль или паюсную икру», - сказал он мне однажды. Он был из тех мужчин, омерзительность которых отталкивает женщин. Во время войны он был разжалован в рядовые за изнасилование юной французской гувернантки. Наконец, в список заговорщиков может быть включен и Вильгельм Фрик. Фрика прежде интересовало дело, которому он служит. Он был честным, открытым и беззлобным. Как сотрудник полиции он был в курсе того, что затевает шеф мюнхенской полиции и глава баварских монархистов Эрнст Пенер. Пенер сам был опытным конспиратором и не оставлял своей подпольной деятельности. Именно благодаря его усилиям Людендорфу позволили поселиться в Мюнхене после «капповского путча», а убийцы Маттиаса Эрцбергера были снабжены фальшивыми паспортами и вернулись в Германию. Мечтая о реставрации монархии Виттельсбахов в Баварии, он держал Фрика для слежки за идущей в гору нацистской партией, которую намеревался использовать в своих собственных интересах. Через несколько лет Пенер погиб при загадочных обстоятельствах в автомобильной катастрофе. Ходили упорные слухи, что он был убит по приказу Гитлера.

Портрет Фрика, таким образом, завершает описание группы, в которую входили также Геринг, Рём, Грегор Штрассер, Гесс и Штрайхер. Фрик был опытным юристом и много сделал для партии. Он также был самым старшим из заговорщиков и практически единственный среди них, у кого были дом, работа и устроенная жизнь.

Как же они собирались привлечь на свою сторону фон Кара,

фон Лоссова и начальника полиции Баварии Зайссера? Гитлер был уверен в победе, если этот триумвират, представляющий государственную власть в Баварии, поддержит его. Военная, а вместе с ней и политическая революция могла начаться в Баварии, ибо здесь с Гитлером был Людендорф, а с авторитетом Людендорфа все еще считались даже прусские генералы.

Гитлер вступил в переговоры с фон Карам, фон Лоссовом и Зайссером. Ему не хватало хорошего образования, а кроме того, он слегка пасовал перед представителями старой аристократии и их титулами. Познакомившись с планами Гитлера, Лоссов решил, что имеет дело с человеком, больным манией величия, и у него появились большие сомнения в успехе данного рискованного предприятия. Фон Кар был амбициозным монархистом и хотел власти лично для себя. Он тянул время и придумывал тысячи отговорок, стараясь погасить энтузиазм Гитлера, хотя для себя Адольф все равно уже решил действовать. Когда фон Кара спрашивали, кому бы он мог доверить политическую власть в Германии, он отвечал просто: «Самому себе».

Фон Кар был настроен против планов Гитлера. Фон Лоссов требовал гарантий, а Зайссер пребывал в нерешительности.

Гитлер решил действовать самостоятельно. Дата путча была первоначально назначена на 11 и 12 ноября. Но в последний момент, узнав, что фон Кар проводит в «Бюргербройкеллер» митинг, на котором собирается выступить с речью о программе баварских монархистов, Гитлер изменил дату. Было торжественно объявлено, что историческим днем Германской революции станет 8 ноября.

Инстинкт Гитлера должен был подсказать ему, что лучше всего было бы избавиться от этих престарелых слуг одряхлевшего режима - все трое служили еще кайзеру. Несмотря на продолжающиеся неделями дискуссии, Герман Геринг также ничего не предпринимал. Но Гитлер жаждал действий, и с горсткой своих сторонников он мог навсегда поставить крест на великом деле Германской национальной революции.

В распоряжении Гитлера было 600 штурмовиков. Грегор Штрассер, который узнал обо всем слишком поздно, сумел собрать в Ландсхуте 350 человек и прибыл вместе с ними в Мюнхен. Генерал Людендорф был вообще не в курсе происходящего. Он находился в Людвигшене, куда за ним был немедленно послан автомобиль.

В этот роковой день Адольф надел фрак, на который приколол свой Железный Крест. Он рассчитывал ворваться в зал со своими людьми, пока штурмовики будут окружать здание, после чего фон Кар, даже не начав свою речь, принужден будет

сдаться перед нажимом до зубов вооруженных путчистов.

- Он не может не присоединиться к нам, - говорил Гитлер Шойбнер-Рихтеру, который должен был доставить генерала Людендорфа в Мюнхен. - Лишь только Кар перейдет на нашу сторону, остальные последуют за ним.

Убежденный в неоспоримости своих умозаключений, Адольф торжественно сел в машину и отправился в «Бюр-гербройкеллер».

На входе в пивную молодой фанатик с Железным Крестом заявил, что ему нужно поговорить с губернатором Каром, но плотная толпа отказалась пропустить его. Бледный и дрожащий, он был похож на безумца. Тем временем митинг уже открылся и фон Кар начал свою речь.

Гитлер заколебался, но отступать было уже поздно. Он прислушался. Чуткое ухо уловило шаги преданных ему ударных отрядов.

- Очистить вестибюль, - приказал он полицейскому, дежурившему у входа. Увидев Железный Крест, тот подчинился. Через несколько минут в здание вошли вооруженные отряды. Адольф ждал их, закрыв глаза и держа руки в карманах, где у него был спрятан револьвер. Все внимание его людей было сосредоточено на нем, но Гитлер все еще не решил, что он будет делать, если переворот не удастся и триумвират власть предержащих откажется принять его сторону.

Как сумасшедший, он ворвался в зал, где три тысячи баварцев сидели с кружками пива, слушая елейную речь фон Кара. Гитлер вскочил на стул, выстрелил из револьвера в потолок и выкрикнул хриплым, наполовину севшим от волнения голосом: «Национальная революция началась!»

Одновременно в зал входили штурмовики. В результате онемевшие от изумления любители пива оказались лицом к лицу с гитлеровской революцией.

Что же все это время делала полиция?

Начальник полиции Пенер был на дружеской ноге с Гитлером и обещал тому полную поддержку. Он был занят формированием нового правительства, а доктор Фрик, его правая рука, следил за тем, чтобы силы, занимающиеся охраной правопорядка, не чинили никаких препятствий Гитлеру.

История «мюнхенского путча» хорошо известна, и мы лишь кратко коснемся последовавших событий.

Адольф приказал Кару, Лоссову и Зайссеру проследовать с ним в соседнюю комнату. Там произошел широко известный диалог, когда «пламенный революционер», чье бездыханное тело должно было быть растоптано красными еще 1 мая, на этот раз клялся, что если путч провалится, то он прострелит себе голову.

Это был волнующий момент. Гитлер приставил револьвер к виску.

- Господа, - объявил он, - никто из нас не выйдет отсюда живым! Вас здесь трое, а у меня в револьвере четыре пули. В случае моей неудачи этого хватит на всех.

Конечно, на самом деле Адольф не собирался убивать ни трех представителей власти, ни себя. В ходе суда он признался, что «Кар выглядел настолько испуганным, что на него жалко было смотреть», а сам он страдал из-за того, что приходилось «применять силу к официальным лицам».

Они были в его власти. Но были ли они ему нужны? Адольф мог действовать и без них. Однако одобрение власть имущих было важно для него, ему были необходимы аплодисменты публики. И Гитлер малодушно ухватился за первую же соломинку, которую умело подсунул ему Кар.

- Все это очень мило, - сказал Кар, - но я монархист. Я могу принять регентство, которое вы мне предлагаете, лишь как представитель монархии.

Интересные слова, обращенные к вождю революции! Настоящий революционер, конечно, обязан был арестовать своих естественных врагов - прислужников старого режима, но Гитлер был слишком счастлив и радостно поверил словам Кара, решив, что он наконец-то добился своего.

- Ваше превосходительство! - вскричал он. - Поймите меня. Мы задолжали императорской семье репарации, которых она была бессовестным образом лишена. Если Ваше превосходительство позволит мне, то, выйдя отсюда, я немедленно отправлюсь к Его Величеству и скажу ему, что великое Германское национальное движение исправит несправедливость, допущенную по отношению к покойному отцу Его Величества.

Таким образом, республиканец Гитлер пожелал лично увидеться с баварским кронпринцем генерал-фельдмаршалом Руппрехтом и сообщить тому, что его покойный отец будет отомщен!

Так Гитлер поверил, что победа у него в руках. Фон Лос-сов и Зайссер поддержали Кара. Между ними установилось определенное взаимопонимание. Гитлер был вооружен, и необходимо было поднять ему настроение и не препятствовать его планам.

Стоит заметить, что Гитлер в тот день произвел единственный выстрел - в потолок. Фон Кара не нужно было слишком сильно пугать.

Казалось, что все удалось уладить мирным путем. Затем

роялист-республиканец и революционные монархисты вернулись на митинг, держа друг друга за руки.

Но Гитлер не мог устоять перед искушением еще раз выступить перед публикой. Он был не способен действовать без аплодисментов завсегдатаев мюнхенских пивных. Он начал изощряться в красноречии, излагая свое кредо.

- Я предлагаю себя на пост политического лидера национального правительства, пока мы не покончим с преступниками, ведущими нашу страну к гибели, - заявил он. - Густав фон Кар станет регентом Баварии, Эрист Пенер - премьер-министром. Его превосходительство генерал Людендорф будет командовать национальной армией. Генерал Отто фон Лоссов станет министром рейхсвера, а полковник фон Зайссер - рейхсминистром полиции. Задача этого временного правительства - выступить на Берлин, этот новый Вавилон... Я спрашиваю вас, согласны ли вы?..

В это время приехал Людендорф. Он был смертельно бледен, события застали его врасплох, но генерал не потерял самообладания.

- От своего имени я заявляю, что передаю себя в распоряжение национального правительства, - сказал он.

Генерал действовал «от своего имени», а будущий «политический лидер» разглагольствовал, объяснял и заигрывал с толпой.

Ничто не могло бы сильнее развлечь завсегдатаев пивной. Они были в восторге. Гитлер и Кар страстно пожали друг другу руки.

Гитлер хотел немедленно приступить к формированию национального правительства, но фон Кар сослался на усталость и предложил обсудить все вопросы завтра утром, на свежую голову.

В тот момент единственным желанием этих революционеров и правителей Новой Германии было поскорее лечь в постель, что совсем не удивительно. Возможно, в случае с Гитлером свою роль тут сыграла и кружка пива, которую тот выпил для поднятия духа через две минуты после того, как закончил угрожать револьвером генералу фон Кару.

- Я умоляю Ваше превосходительство (большой глоток пива), не терять из виду (еще глоток), наше общее дело (еще глоток)... и интересы Германии! (еще глоток). Завтра национальное правительство придет к власти, или мы все умрем.

Праздная болтовня, не более! Дважды в тот вечер Гитлер клялся, что поражение означает для него смерть. Однако он ухитрился выжить.

В ту же самую ночь фон Кар стал готовить контрудар. Когда военизированные отряды правых («Кампфбунд») попытались захватить некоторые общественные здания, они получили решительный отпор. Однако вплоть до самого утра Гитлер даже не подозревал, что часть союзников его предала.

«На рассвете мы вернулись в «Бюргербройкеллер», - позднее рассказывал он, - и Людендорф присоединился к нам. Но ничего не происходило, и к полудню мы еще не имели никаких новостей».

Время шло, а Гитлер пока не находил в себе смелости посмотреть правде в глаза. Сейчас он страстно желал только одного - выступать с бесконечными речами перед толпой, чтобы удостовериться в одобрении мелких буржуа.

В 12.00 было решено провести в городе «пропагандистский марш». К этому времени Мюнхен был заполонен войсками и полицией. Во главе процессии шли Гитлер и Людендорф, а следом за ними - штурмовики. Гитлер был настроен оптимистически и верил, что массы с ним, поэтому не ожидал никаких столкновений.

В действительности было неважно, поддерживали его массы или нет. Как бы громко толпа ни приветствовала пропагандистов на Мариенплац, как бы сильно ни жаждала она крови «участников преступления 1918 года», единственное, что в тот день имело значение, - это присутствие полиции.

Лишь только люди Гитлера вышли на открытое пространство на Фельдхернхалле, полиция открыла огонь.

То, что случилось дальше, было одним из самых позорных эпизодов послевоенной истории Германии.

Когда Людендорф шел прямо на полицейский кордон, стреляющий по людям, Гитлер, которого Ульрих Граф закрывал своим, телом, бросился на землю.

Любые другие версии происшедшего, несомненно, лживы - Гитлер позорно шлепнулся на землю.

В последовавшей за этим рукопашной схватке тринадцать нацистов были убиты и многие ранены (среди них и Герман Геринг). Немедленно начались аресты сторонников Гитлера, однако сам он успел бежать на чьей-то частной машине.

Моему брату Грегору после схватки удалось вместе со своими людьми добраться до дороги на Ландсхут. На пути домой они были остановлены подразделениями рейхсвера. Капитан Эрхардт взял на себя миссию парламентера и предложил Грегору сдаться.

- Пропустите, или мы начнем стрелять, - ответил Грегор.

Военные без особых колебаний решили, что пора прекратить кровопролитие. Грегору и его людям позволили беспрепятственно

вернуться домой.

На следующий день, когда Грегор и Гиммлер, шокированные провалом путча, были готовы сесть за стол переговоров, перед ними появился одетый по полной форме Георг Хефлер.

- Присаживайся, позавтракай с нами, - сказал Грегор.

- Я пришел арестовать вас, - холодно ответил Хефлер.

Дом заполнился одетыми в зеленую форму полицейскими. Грегор под эскортом своего зятя отправился в тюрьму города Ландсхута.

Спустя несколько дней арестовали Адольфа Гитлера. Он бежал в Уффинг, где спрятался у своего друга Путци-Ганфштенгля, будущего директора пресс-бюро рейхсканцлера. Полиция обнаружила Гитлера, когда он прятался в платяном шкафу фрейлейн Ганфштенгль.

Глава 4. Как Гитлер написал «МАЙН КАМПФ»

Даже самое популярное правительство, если оно злонамеренно не исполняет свои обещания, рискует потерять доверие толпы. Правительство фон Кара никогда не было популярным, а то, как фон Кар предал доверившихся ему революционеров из «Бюргербройкеллера», вызвало ненависть и презрение. Народ был возмущен. Пролитая 9 ноября кровь и предчувствие надвигающейся гражданской войны возбуждали людей. Несмотря на снисходительность судей, мюнхенский процесс, который был похож не на справедливое судебное разбирательство, а скорее на фарс, вызвал шквал сочувствия к национал-социалистам.

С другой стороны, недостойное поведение Гитлера привело к тому, что он потерял часть своих прежних преданных друзей (некоторых на время, а некоторых - навсегда).

Судебный процесс начался в начале 1924 года в Мюнхене. К тому времени Гитлер и еще несколько путчистов содержались в крепости Ландсберг. Его первоначальная депрессия прошла, им вновь овладели оптимистические настроения.

Тринадцать убитых на Фельдхернхалле и трое погибших во время столкновений между полицией и отрядами Рема уже не отягощали его совести. Внезапная смерть друга и коллеги Дитриха Эккарта, чье сердце не выдержало напряжения событий последних недель, вызвала у него чисто эгоистическую тираду.

«Он был прекрасным редактором; никто не сможет заменить его в «Фёлькише беобахтер», - заявил Гитлер реальному основателю нацистской партии Дрекслёру, который сидел в той же тюрьме, что и остальные мятежники, несмотря на то, что был совершенно непричастен к заговору.

Казалось, новый день станет переломным в жизни поверженного революционера. Судебный процесс мог принести ему грандиозную славу.

Однако невольные соучастники Гитлера - Кар, Зайссер и Лоссов - до сих пор были при своих должностях, и не в их интересах было привлекать слишком большое внимание к этому несчастному вечеру в «Бюргербройкеллер».

Процесс, в котором среди обвиняемых были широко известные люди, привлек внимание не только в Германии, но и во всем мире. Действительно, можно было бы посчитать за честь делить скамью подсудимых с генералом Людендорфом, Эрнстом

Пенером, Эрнстом Рёмом, Фридрихом Вебером и Германом Крибелем.

Кроме того, в руках у Гитлера был очень сильный козырь - его друг, доктор Франц Гюртнер, был министром юстиции Баварии. Однако несколько месяцев тюремного заключения полностью изменили мировоззрение бывшего художника из Браунау. Перед судом предстал не неистовый разрушитель, а борец за благо общества Он абсолютно лоялен по отношению к государству и никогда более не прибегнет к силе для захвата власти, заявлял Гитлер. Теперь он пойдет другим, путем, путем компромиссов, и придет к власти как истинный вождь народа.

Так начался мюнхенский процесс. Судьи старательно избегали трудных и двусмысленных вопросов, а обвиняемые отвечали в соответствии со своим характером, интересами и чувством чести.

Главной задачей Адольфа было продемонстрировать свою полную невиновность и чистоту своих намерений перед властью. Он почтительно кланялся всесильному председателю суда и поддакивал ему.

«Я не планировал никаких революций, - заявил Гитлер, - напротив, я хотел помочь государственной власти сохранить единство нашей страны. - Опьяненный собственным красноречием, он закончил свое обращение к суду следующей высокопарной фразой: - В свете несчастного состояния нашей страны у меня не было желания отделить нас от тех людей, которые в будущем могут составить часть великого общего фронта, который мы должны создать перед лицом врагов нашего народа. Я знаю, что когда-нибудь наши сегодняшние враги с уважением будут думать о тех, кто выбрал горький путь смерти ради любви немецкого народа».

Показания генерала Людендорфа могли привести к некоторым серьезным разоблачениям, но обвинение, возглавляемое услужливым министром Гюртнером, успешно справилось со своей задачей - скрыть правду. Стоит сравнить откровенные признания генерала с пустословием руководителя нацистской партии.

«Надежды на спасение отечества погибли 8 ноября, - заявил Людендорф, - и случилось это только потому, что Кар, Лоссов и Зайссер отказались от достижения общих целей и, когда пришел великий час, спрятались в кусты, как зайцы. Опасность, однако, все еще существует. Самым мучительным для меня является то, что эти события убедительно доказали - наши правители не способны внушить германскому народу желание свободы».

Людендорф произнес слова, которые должен был сказать

социалист Адольф Гитлер. «Марксизм нельзя убить из винтовки, - сказал он, - его можно победить, только дав народу новую идеологию».

Все военные - политзаключенные на процессе держались более достойно, чем гражданские.

Начальник полиции Пенер был бесподобен. Он смеялся над усилиями суда и заговорщиков преуменьшить его вину.

«Конечно, я предатель, - бросал он в лицо судьям. - Абсурдно было бы стараться доказать обратное во время судебного разбирательства».

Эрнст Рём, который не являлся организатором путча, но, как и Грегор, был командиром военизированного отряда партии, был возмущен позорным поведением Адольфа. Он знал, что Герман Геринг, начальник СА, бежал и скрывается за границей. Капитан Рём был единственным человеком, который попытался провести военную акцию 8 ноября. Он захватил здание рейхсвера и был выбит оттуда силой. Гитлер, бывший ефрейтор его полка, и в этот раз предал его. Рём решительно стал на сторону генерала Людендорфа. В своих воспоминаниях, которые вышли под заголовком «Воспоминания о человеке, виновном в большом предательстве», он резко критиковал участников ноябрьского путча и их методы.

Его недовольство было настолько велико, что, как только он был выпущен из крепости Ландсберг, то сразу же порвал с Гитлером и написал открытое письмо в «Фёлькише беобахтер», в котором объявил о своем выходе из партии: «Я знаю, что некоторые люди отказываются слушать тех, кто предупреждает их об опасности; я не одобряю таких. С Гитлером меня связывала искренняя дружба. Но сейчас его окружают льстецы, никто не смеет критиковать его, но мой долг - говорить с ним откровенно».

Напряженность в отношениях между узниками Ландсберга достигла такого накала, что они разделились на два лагеря и даже отказывались садиться рядом. Вебер и Фрик остались с Гитлером, в то время как Людендорф, Пенер, Крибель и Рём образовали самостоятельную группу.

Суд затянулся на долгие недели и месяцы без всякой надежды на выяснение истины. Роли в этом спектакле, можно сказать, были расписаны наперед. Благодаря своему другу Гюртнеру Адольф получил заверения, что он не будет подвергнут наказанию, которого он боялся больше всего, - высылке из Германии. Не отслужив в австрийской армии, он потерял австрийское подданство, а германское получить еще не успел. Если бы он был изгнан из Германии, то стал бы человеком без родины и без гражданства, нежеланным беженцем. Прошлое

Гитлера было полно загадок. Знали, что во время войны он служил в германской армии, но где и за какие заслуги он получил Железный Крест - навсегда останется тайной.

1 апреля 1924 года суд огласил приговор. Людендорф был единственным, кого оправдали. Главные обвиняемые - Гитлер, Пенер, Вебер и Крибель - были приговорены к пяти годам тюремного заключения. Второстепенные фигуры - Грегор Штрассер, Фрик и некоторые другие - отделались сроками от 6 до 18 месяцев. Все осужденные могли рассчитывать на досрочное освобождение, хотя для Гитлера дело осложнялось тем, что у него это была не первая судимость.

Пять лет тюрьмы для Гитлера! Эта новость мгновенно разнеслась по Южной Германии. В результате в глазах легковерного и простосердечного народа Гитлер предстал мучеником в борьбе за возрождение нации. Были даже специально выпущены цветные почтовые открытки, изображавшие Адольфа сидящим в мрачной камере, сквозь толстую тюремную решетку на его печальное лицо падали бледные лучи солнца. Однако общественность относилась к нему сочувственно, и, пока Гитлер отбывал срок в комфортабельной крепости, его авторитет значительно вырос.

Ландсберг больше напоминал военный клуб, чем тюрьму. Каждый заключенный имел в своем распоряжении одну или две комнаты. Они принимали гостей, собирались вместе, беседовали, курили, играли в карты и получали от тюремщиков любые заказанные деликатесы.

Обитатели первого этажа тюрьмы были бы совершенно счастливы, если бы не надоедливая привычка «человека со второго этажа» беспрерывно выступать с речами. «Человек со второго этажа» - это, конечно, Адольф Гитлер.

Однажды заговорщики, проживающие внизу, провели «военный совет», обсуждая способы и методы защиты от красноречия Адольфа. Грегору Штрассеру пришла в голову замечательная идея - убедить Гитлера написать книгу.

Гитлеру стали мягко и тактично намекать, что он просто обязан написать мемуары. И довольно скоро Адольф клюнул на эту приманку. С этого момента Штрассер и другие «джентльмены с первого этажа» могли спокойно пить и играть в карты. Гитлер предпочитал заниматься своими мемуарами и непрестанно ходил взад-вперед по комнате, обдумывая их. Компанию ему составлял верный помощник и личный шофер Эмиль Морис.

На этом мрачном человеке, сыгравшем зловещую и кровавую роль в событиях 30 июня, Гитлер и практиковался в красноречии, действенность которого он уже осознал.

Тем временем лишенная своего лидера Национал-социалистическая партия переживала глубокий кризис. Воспользовавшись тем, что люди, на которых большое впечатление произвел мюнхенский путч, стали поддерживать националистическое движение, власть в партии пытались захватить антисемиты.

В 1924 году на выборах в Баварии партия Гитлера получила 27 мест, хотя в тот момент она вообще была против участия в любых парламентских выборах.

Среди победивших на выборах кандидатов были Эрнст Пенер и Грегор Штрассер. Избрание в депутаты позволило им выйти из крепости Ландсберг до окончания срока заключения.

В то время проявилась тенденция к объединению националистических сил в единый блок. Запрещенная после путча нацистская партия вошла в Народное рабочее движение, основанное Альбертом фон Грефе. Лидерами нового «Национал-социалистического рабочего движения» стали Людендорф, фон Грефе и мой брат Грегор, действовавший как представитель Адольфа Гитлера

Однако между Людендорфом, Пенером (который стал президентом Баварской парламентской группы) и Гитлером пролегла глубокая пропасть. Гитлер отказался признать Людендорфа, и Грегор, таким образом, оказался в роли посредника между генералом и Гитлером. Именно в это время на первые роли вышел Альфред Розенберг, сменивший Дитриха Эккарта на посту редактора «Фёлькише беобахтер». Розенберг, прибалтийский эмигрант, бежавший от большевиков, работал рука об руку с Грегором. Его политическое влияние на Гитлера, которого он ежедневно посещал в Ландсберге, становилось все сильнее и сильнее. В то время Мюнхен был центром русской белой эмиграции, и Розенберг старался использовать национал-социалистическое движение в интересах своих соотечественников.

Такие люди, как Людендорф, Грегор и Розенберг (который был человеком высоких моральных принципов), не могли ужиться с личностями типа Юлиуса Штрайхера и Германа Эссера. Эта парочка, участники которой стоили друг друга, была даже не с улицы, а скорее с помойки.

Когда я заметил, что Грегора охватили сомнения по поводу общения с этими типами, то посоветовал ему избегать раскола партии и не отделяться от Гитлера. Но сексуальные маньяки типа Штрайхера и Эссера буквально позорили тех, кто продолжал искренне надеяться на возрождение новой Германии. Эти демагоги самого низкого пошиба вместе с Кристианом Вебером и

«придворным фотографом» Гитлера Генрихом Гофманом должны быть названы среди тех темных личностей в окружении Адольфа, которые позорят Германию. К примеру, Герман Эссер избежал отправки на фронт, симулируя сумасшествие. Это, однако, не помешало ему стать членом Солдатского совета. Сейчас же он занимает посты министра правительства Баварии и заместителя рейхсминистра пропаганды. У Юлиуса Штрайхера и Германа Эссера все было общим - от политических взглядов до женщин.

Людендорф, фон Грефе и Штрассер решили изгнать их из партии. Но изгнанники недолго оставались непристроенными. Они без промедления организовали «Антисемитское движение», где быстро дали выход своей болезненной сексуальности, произнося непристойные речи, обличающие евреев во всех смертных грехах.

Однако Гитлер, находясь в крепости, не поддержал ни одну из сторон. Он встречался с Грегором и Розенбергом, выслушивал Штрайхера и Эссера, пытаясь понять, на кого из них он может положиться, но вопрос так и остался открытым.

Если он и принял решение уйти в отставку с поста главы партии, то сделал это лишь потому, что не хотел в период отбытия срока заключения быть обвиненным в заговоре против государства. Над Гитлером все еще висела угроза высылки из Германии. Ему, как никогда, была необходима «легальность» положения. Гитлер видел, что партия разваливается, и, выйдя на свободу, готовился натянуть вожжи покрепче.

В июле 1924 года он начал диктовать свою книгу Рудольфу Гессу, также отбывавшему наказание в Ландсберге. Гесс был абсолютно и беззаветно предан ему. Адольф мог быть уверен, что с его стороны не будет никакой критики, и Рудольф пропустит без возражений исторические неточности и стерпит бесконечное словоблудие «хозяина».

Изначально «Майн кампф» представляла собой настоящую кашу из избитых банальностей, школьных воспоминаний, персональных мнений и личных злобных выпадов. В ней нашло отражение беспорядочное чтение Гитлером политических книг; отрывки из Люгера (основателя Христианско-социал-демократической партии Австрии) перемешивались с высказываниями Шренерера (лидера крупной антисемитской партии, основанной судетскими немцами во времена Австро-Венгерской империи).

Некоторые отрывки напоминали о писаниях Стюарта Хьюстона Чемберлена и Лагарда, двух авторов, с идеями которых Гитлера познакомил несчастный Дитрих Эккарт. Повсюду в книге были разбросаны фрагменты антисемитского бреда Штрайхера, в

том числе и его последнее «открытие» о сексуальной невоздержанности и нечистоплотности евреев. Вперемешку с этим шли «оригинальные» идеи Розенберга по вопросам внешней политики. В целом книга не производила впечатления высокоинтеллектуальной и была написана на уровне пятого класса школы. Если верить патеру Штемпфле, который дважды правил всю рукопись, лишь одна глава была написана без особых заимствований из других источников. Это была глава, посвященная вопросам пропаганды.

Добрый патер Бернхард Штемпфле, редактор газеты в Мисбахе и очень образованный человек, потратил месяцы на переписывание и редактирование «Майн кампф». Он исправил самые вопиющие исторические неточности и откровенные банальности. Гитлер так никогда и не простил патера Штемпфле за то, что тот слишком хорошо знал его слабости. Он был убит «специальным эскадроном смерти» 30 июня 1934 года.

Кстати о «Майн кампф». Мне вспоминается один забавный эпизод, который произошел несколько позже и о котором мне хочется рассказать.

Это случилось во время съезда нацистской партии в Нюрнберге в 1927 году. Я был членом партии уже два с половиной года и выступил с докладом, в котором несколько раз процитировал «Майн кампф». Это стало в некотором роде сенсацией.

Вечером я ужинал со своими коллегами - Готфридом Федером, Карлом Кауфманом, Эрихом Кохом и другими.

Они спросили у меня, действительно ли я читал эту книгу, с которой никто из присутствующих, как оказалось, не был знаком. Я подтвердил этот факт и бездумно процитировал несколько важных отрывков из нее. Все развеселились, и было принято единогласное решение, что если к нашему столу присоединится кто-нибудь, кто читал «Майн кампф», то ему придется платить за всех. Появившийся первым Грегор на наш вопрос коротко ответил «Нет», подошедший следом за ним Геббельс виновато потупился, Эрнст Граф цу Ревентлов сослался на то, что у него не было времени на чтение, а Геринг просто громко рассмеялся.

Никто из этих видных партийных бонз не читал «Майн кампф», так что всем пришлось самим платить по своим счетам.

Тем временем «перемена» во взглядах Гитлера стала известна власть предержащим. Было очевидно, что он больше никогда не восстанет против гражданских властей или рейхсвера. Однако никто не понял, что если Гитлер-революционер мертв, то Гитлер-оппортунист жив и здоров.

Устав от агрессивных и яростных нападок генерала

Людендорфа и Грегора Штрассера и уступив давлению своего министра юстиции Гюртнера, правительство Баварии приняло решение о досрочном освобождении Гитлера.

20 декабря 1924 года в крепость Ландсберг была послана телеграмма с приказом немедленно освободить Гитлера и Германа Крибеля. В тот же день Гитлер вышел из тюрьмы. Революционер Саул, превратившийся в доброго апостола Павла, начинал свой путь к вершинам власти.

Его первой заботой было примирение с Рёмом «Нельзя бороться с двумя врагами одновременно», - говорил он депутату Юргену фон Рамину, который посещал его в Ландсберге. Он твердо придерживался этой политики, несмотря на атаки правой газеты «Рейхсварт», которую издавал Эрнст Граф цу Ревентлов. Гитлер официально проинформировал Генриха Хельда, лидера народной католической партии Баварии и премьер-министра, что он осуждает генерала Людендорфа за его атеизм.

«Атеизм и только атеизм есть враг римской церкви», - заявил Гитлер, хотя он был насквозь пропитан немецким язычеством, куда больше, чем Людендорф или даже Розенберг.

Гитлер пошел дальше по пути позора и унижений, осудив свое поведение на судебном процессе.

«Мюнхенский путч был печальной ошибкой», - признавался он реакционеру и паписту Гельду. Гельд имел возможность примирить Гитлера с кардиналом Фаульхабером и президентом, но для этого было необходимо отречься от своего прошлого.

Тут было кое-что еще. Достаточно одного слова Гельда, чтобы знамя Национал-социалистической партии было вновь поднято на должную высоту. В этом случае партия могла бы немедленно восстановить свою старую структуру, а штурмовые отряды - возобновить свою деятельность. Но теперь Гитлер стал бы абсолютным хозяином этого движения, и ему не нужно было бы продолжать соперничество с генералом Эрихом Людендорфом и фон Грефе.

Гитлер обратился с просьбой, Гюртнер его поддержал, а глупый и самодовольный Гельд с улыбкой согласился.

«Мы приручили дикого зверя, - в тот же вечер сказал Гельд Гюртнеру. - И мы можем попробовать спустить его с цепи».

И все же Гитлер потерял двух верных друзей. Капитан Эрнст Рём уехал в добровольную ссылку военным инструктором в Боливию, а подполковник Герман Крибель уехал в Шанхай. Гитлер сохранил дружеские чувства в отношении последнего и назначил его консулом в Шанхае в тот самый день, когда стал рейхе канцлером Германии.

С тех пор Людендорф лишь единожды, уступая настойчивым

просьбам моего брата, согласился встретиться со своим бывшим другом. Это произошло во время президентских выборов, последовавших за смертью Эберта.

На генерала Людендорфа от имени нацистской партии была возложена задача противостоять представителю буржуазии фельдмаршалу Гинденбургу. Гитлер обещал Людендорфу полную поддержку, но во втором туре приказал своим людям голосовать за Гинденбурга. Это было возмутительное, но привычное вероломство. После заключения мира с Рёмом и властями Баварии Гитлер в тот момент предпринял первые попытки установить отношения с самыми влиятельными силами Пруссии - капиталистами и рейхсвером.

Людендорф не очень сильно переживал свое политическое поражение, но так никогда и не простил Гитлеру его двуличного поведения.

В 1937 году, находясь на смертном одре, он категорически отказался принять фельдмаршальский жезл, пожалованный ему его бывшим другом, ставшим рейхсканцлером Германии. При этом генерал нехорошо выругался и плюнул на паркет.

Глава 5. Человеческая сущность Гитлера

Трудно судить о человеке бес пристрастно, даже если вы знаете, что скрыто в самых сокровенных тайниках его души. А если этот человек к тому же ваш враг, вызывающий у вас самые низменные чувства, - то эта задача становится еще труднее. Объективный анализ определяется обстоятельствами, которые стали достоянием истории. Чтобы провести границу между человеком и его исторической миссией, нужно стать над событиями.

Биограф Кромвеля или Робеспьера, который ограничивает рассказ личностью своего героя, может легко фальсифицировать историю, не отходя ни на дюйм от исторической правды.

Разыгрывающаяся в Германии драма, свидетелями которой мы являемся, - это революция, которая только что вошла во вторую стадию своего развития. Ее первая стадия, подготовительный период, - это время с 1920 по 1930 годы. Эта эпоха имела своих философов, писателей и апостолов, своих энциклопедистов не очень большого масштаба, среди которых выдающейся фигурой был Меллер ван ден Брук, которого я сравнил бы с Руссо.

Следующий период - это время разрушения, когда земля под ногами колеблется, основы старого порядка потрясены, и весь мир предан огню и мечу. Это - революция, на смену которой неизбежно должен прийти период реставрации и консолидации.

Моя книга - о Гитлере. Я постарался понять, какие чисто человеческие качества помогли ему стать настоящим воплощением принципа разрушения.

Гитлер, подобно сейсмографу, откликается на малейшие колебания человеческих сердец; он озвучивает самые сокровенные желания людей с уверенностью и точностью бессознательного знания; он затрагивает едва заметные инстинкты, страдания и чаяния целой нации. Его первый принцип - принцип разрушения. Он знает только о том, что стремится разрушить; он ломает стены, совершенно не думая о том, что будет построено вместо них. Он - антисемит, антибольшевик, антикапиталист. Он клеймит врагов, но не имеет друзей. Ему чужды какие бы то ни было созидательные принципы.

Я помню одну из первых наших бесед. Это была, по-видимому, наша самая первая ссора.

- Власть! - орал Гитлер. - Мы должны взять власть!

- Прежде чем получить ее, - решительно возразил я, - давайте решим, что мы будем с ней делать. Наша программа слишком неопределенна, а для того чтобы править, она должна быть глубокой и серьезной.

Гитлер, который уже тогда с трудом переносил любую критику, ударил кулаком по столу и гаркнул:

- Прежде всего - взять власть. А потом будем действовать по обстоятельствам.

«Ненависть, - не раз говорил я Гитлеру, - должна рождаться из любви. Нужно уметь любить, чтобы понять, что именно достойно ненависти, и в этом понимании черпать силы для разрушения того, что должно быть разрушено».

Но Адольф ненавидел, не любя. Он был буквально опьянен ничем (в том числе и моралью) не ограниченными амбициями и гордыней, которую можно сравнить лишь с гордыней Сатаны, возжелавшего низвергнуть Бога с Его бессмертного трона.

Гитлер дважды сам давал себе характеристики, которые со временем не потеряли актуальности. Сначала он назвал себя «юным барабанщиком германского народа». Хочу напомнить вам слова, с которыми он обращался к суду во время мюнхенского процесса: «Когда я впервые оказался у могилы Вагнера, мое сердце переполнила гордость от мысли, что под этой могильной плитой лежит человек, который поднялся гораздо выше своей эпитафии: «Здесь похоронен тайный советник Его превосходительство барон Рихард фон Вагнер, дирижер». Я горжусь, что этот человек, как и многие другие люди в истории Германии, смог сохранить для будущих поколений свое имя, а не свой титул. И не из скромности сегодня я хочу быть простым барабанщиком. Для меня именно это - высшее достижение; остальное - суета сует».

Нет, конечно, не из скромности этот «маленький ефрейтор» на побегушках у Эрнста Рема рассказывал о своем презрении к титулам.

Он жаждал поднять массы, стать центром их притяжения, запечатлеться в памяти будущих поколений.

Другое откровенное признание прозвучало 12 лет спустя, когда «барабанщик» революции стал канцлером и президентом Германии. Оно еще показательнее: «Я буду продолжать свой путь, - сказал он, - с точностью и аккуратностью лунатика».

Меня часто спрашивают, в чем секрет необыкновенного ораторского таланта Гитлера. Я могу объяснить его лишь сверхъестественной интуицией Адольфа, его способностью безошибочно угадывать чаяния слушателей. Если он пытается подкрепить свои аргументы теориями или цитатами, то это

делается на достаточно низком уровне, и он остается непонятым. Но стоит ему отказаться от подобных попыток и смело подчиниться внутреннему голосу, как он тут же становится одним из величайших ораторов нашего века.

Он не пытается ничего доказывать. Когда он говорит об абстрактных вещах, таких, как честь, страна, нация, семья, верность, то это производит на публику потрясающее впечатление: «Когда нация жаждет свободы, в ее руках появляется оружие...», «Если нация потеряла веру в силу своего меча, то она обречена на самое жалкое прозябание».

Образованный человек, услышав эти слова, поразится их банальности. Но эти слова Гитлера находят путь к каждому сердцу и накручивают аудиторию.

Однако было бы ошибкой считать, что Гитлер всегда был всего лишь беспринципным демагогом. Когда-то он искренне верил в правоту своего дела. У него были чувства - но не характер - революционера, а главное - чутье, которое при общении с массами заменило ему проницательность психолога.

Вот Гитлер входит в зал. Принюхивается. Минуту он размышляет, пытается почувствовать атмосферу, найти себя. Внезапно он взрывается: «Личность не принимается в расчет... Германия растоптана. Немцы должны объединиться. Интересы каждого должны быть подчинены интересам всех. Я верну вам чувство собственного достоинства и сделаю Германию непобедимой...»

Его слова ложатся точно в цель, он касается душевных ран каждого из присутствующих, освобождая их коллективное бессознательное и выражая самые потаенные желания слушателей. Он говорит людям то, что они хотят услышать.

На следующий день, обращаясь уже не к разоренным лавочникам в пивной, а к промышленным магнатам, в первые секунды он испытывает то же самое чувство неопределенности. Но вот его глаза загорелись, он почувствовал аудиторию, все в нем перевернулось: «Нация возрождается лишь усилиями личности. Массы слепы и тупы. Каждый из нас - лидер, и Германия состоит из таких лидеров».

«Правильно! Правильно!» - кричат промышленники, и они готовы поклясться, что Гитлер - их человек.

В 1937 году на съезде в Нюрнберге он обращается к женщинам. Перед ним - двадцать тысяч женщин, среди них - молодые и старые, красивые и безобразные, старые девы, замужние дамы и вдовы, озлобленные и полные надежд, обеспокоенные и одинокие, женщины с высокими моральными принципами и без них. Гитлер ничего не знает о женщине и о

женщинах, однако с его губ слетают слова, вызвавшие безумный, безудержный энтузиазм: «Что дал вам я? Что дала вам Национал-социалистическая рабочая партия Германии? Мы дали вам Мужчину!»

И женщины отвечают ему диким воплем восторга.

Гитлер - это медиум, впадающий в транс, оставаясь лицом к лицу с публикой. Это - момент его истинного величия, когда он по-настоящему становится самим собой. Он верит в то, что говорит; ведомый мистической силой, и не сомневается в своем историческом предназначении.

Но Гитлер в обычном состоянии - это совершенно другой человек. Он не может быть естественным и откровенным; он никогда не прекращает играть роль и смотреть на себя со стороны. Сначала он был Неизвестным Солдатом, выжившим в годы Великой Войны. Трогательный в своей неприметности герои, он проливал настоящие слезы над несчастьями своей родины. Когда через некоторое время он обнаружил, что может вызывать слезы по собственному желанию, то после этого он уже рыдал до изнеможения. Затем он стал Иоанном Крестителем, который готовится к приходу Мессии; потом самим Мессией, примеряющим на себя роль Цезаря. Однажды он обнаружил грандиозное воздействие вспышек своего гнева; с тех пор гнев и неистовая брань стали любимым оружием в его арсенале.

Незадолго до нашего разрыва у нас вышел спор о газете, которую я издавал в Берлине, - «Дер Национал-социалист». Кроме меня и Гитлера, там присутствовали также Грегор и сотрудник моей газеты Хинкель. В течение получаса Гитлер приводил совершенно несостоятельные аргументы.

- Но вы ошибаетесь, господин Гитлер, - сказал ему я. Гитлер остановил на мне пристальный взгляд и закричал в бешенстве:

- Я не могу ошибаться. Все, что я делаю и говорю, войдет в историю.

Затем он впал в глубокую задумчивость и молчал, опустив голову и ссутулившись. Он выглядел маленьким и старым человеком, измученным ролью, которую ему приходилось играть.

Мы ушли, не сказав ни слова.

- Грегор, у этого человека - мания величия! - заметил я.

- Ты провоцируешь его, - ответил Грегор. - Откровенно говоря, ты его раздражаешь. Со мной он никогда так не забывается.

Однако Грегор ошибался. В этот день родилась догма о непогрешимости Гитлера. Она была подтверждена во многих писаниях национал-социалистов. Особенно этим отличилась последняя книга Германа Геринга.

В самоинсценировках, которые устраивает истерическая

личность, нелегко отделить сознательное от патологического. Без сомнения, Гитлер - человек неуравновешенный. Когда он спокоен, что бывает крайне редко, то находится в каком-то оцепенении. Он как будто находится в летаргическом сне в эти моменты. В своем обычном состоянии он производит впечатление человека, который не бывает спокойным никогда.

Поезд раздражает его тем, что едет слишком медленно. Машину, которая мчится, преодолевая не менее семидесяти миль в час, он обзывает воловьей упряжкой. Для экономии времени он садится на самолет, но при этом жалуется, что в воздухе он совершенно не чувствует скорости.

Человек, который не моргнув глазом втянул Европу в новую мировую войну, мучительно страдает, принимая самое ничтожное решение. Однажды Грегор должен был встретиться с Гитлером и обсудить какой-то незначительный вопрос, связанный с деятельностью штурмовых отрядов в Ландсхуте. В течение нескольких недель Гитлер увиливал от встречи, ссылаясь на чрезмерную занятость. Наконец он согласился встретиться с моим братом в ресторане. Ужин начался вполне удачно, но, лишь только Грегор перешел к делу, Гитлер стал проявлять признаки беспокойства и под каким-то предлогом вышел. Он стремительно покинул ресторан через боковую дверь, которая вела из уборной прямо на улицу, оставив пальто и шляпу, за которыми потом прислал своего шофера.

Конечно, у Гитлера бывают порывы мужества и приступы ярости, но обычно он - слабый, нетерпеливый, раздражительный, неуверенный, колеблющийся человек. Он приходит в ужас от одной мысли о том, что он может заболеть или что он может потерять контроль над своим мышлением. Его называют аскетом, но этим описывается его образ жизни, а не менталитет. Настоящие аскеты жертвуют плотскими удовольствиями ради высшей идеи, в которой они черпают силы. Адольф же отказывается от них из чисто материалистических побуждений: он уверен, что мясо вредно для здоровья, что табак - это яд и что употребление спиртного притупляет бдительность и ослабляет самоконтроль.

Это чудовище, действующее, как правило, на уровне бессознательного, все же страшится моментов душевной близости или невольного проявления чувств. Позволив себе минуту откровенности, он посчитал бы потерю осторожности величайшим позором.

В силу своего темперамента я не склонен доверять людям, которые не желают использовать законные возможности для получения от жизни полагающегося им удовольствия. Когда я

думаю о Гитлере, то вспоминаю слова «железного канцлера» Бисмарка: «Немец только тогда переносим, когда он выпивает полбутылки шампанского в день».

- Настоящий немецкий диктатор, - сказал я однажды, - должен научить немецкий народ тонкости и изяществу в еде и любви.

Гитлер от удивления вылупил глаза и на время потерял дар речи.

Я продолжал:

- С этой целью необходимо основать университет, чтобы ни один немец не мог считаться знатоком любого из этих искусств без диплома.

На мгновение показалось, что Гитлер готов разразиться яростной речью. Но на сей раз он был краток. Адольф сухо, с глубочайшим презрением процедил сквозь зубы:

- Ты циник! Ты сибарит!

Ему нравилось считать себя воплощением героической концепции жизни, а мое мировоззрение он называл вакхическим. Ему было бесполезно объяснять, что античные боги не только совершали подвиги, но и любили женщин и вино. Такого рода рассуждения приводили Гитлера в смятение: он всегда старался избежать самых слабых намеков на непристойность.

Единственное, что он мог сказать о женщинах, - что они лишают политика здравого смысла и подтачивают его силы.

Я мог бы возразить ему: «У здравомыслящего политика есть только два учителя. История, из которой он узнает о силах, управляющих миром, и женщина, которая помогает ему понять людей».

Страх фюрера перед простыми человеческими чувствами - строго охраняемая тайна, и всей правды об этом не знают даже его близкие.

Я знал трех женщин, которые сыграли определенную роль в жизни этого аскета-извращенца. Одна из них по секрету поведала мне свою историю - историю весьма поучительную.

Первая из этих женщин была женой Бехштейна, известного фортепьянного мастера из Берлина. Фрау Хелена Бехштейн была на двадцать лет старше Адольфа. Она щедро одаривала его своей исступленной, почти материнской преданностью. Когда Гитлер приезжал в Берлин, он, как правило, останавливался у нее, и именно в ее доме он встретился с политиками, с которыми так жаждал познакомиться.

Когда они оставались наедине, а порой и в кругу друзей, он садился у ног своей хозяйки, закрыв глаза и положив голову на ее пышную грудь. Ее прекрасные белые руки нежно гладили волосы

большого ребенка и теребили историческую челку будущего диктатора. «Волчонок, - ласково шептала она, - мой маленький волчонок». Вот дура!

В конце концов, такие чисто платонические отношения перестали устраивать Адольфа Гитлера. Он познакомился с молодой и заметно более привлекательной женщиной - дочерью фотографа Гофмана, яркой блондинкой с открытым и веселым характером.

Юные девушки редко бывают осторожны. Фрейлейн Гофман была слишком откровенна, и однажды ее отец отправился требовать объяснений у мюнхенского соблазнителя.

Гитлер еще не стал рейхсканцлером, но его слава росла, и в Европе уже начали говорить о нем. Проблема была решена мгновенно. Гофману были предоставлены эксклюзивные права на фотографии Адольфа Гитлера. Сговорчивый папаша мгновенно стал одним из самых богатых и уважаемых людей в Германии. В 1933 году его дочь вышла замуж за изнеженного и слабовольного фаворита Гитлера - Бальдура фон Шираха, которого фюрер назначил руководителем молодежных организаций рейха.

Но не всегда будущему хозяину Германии удавалось закончить свои приключения подобным счастливым браком.

Году в 1928-м он привел в свой дом племянницу, милую, веселую и привлекательную австрийку. Ангеле (или Гели, как мы ее называли) было всего 19 лет, и ей было скучно заниматься хозяйством дяди Адольфа. Ей хотелось бывать в обществе, встречаться с людьми, танцевать. Она не была девушкой строгих правил. Она мне нравилась, и я ухаживал за ней.

Однажды я пригласил ее на один из знаменитых мюнхенских костюмированных балов. Пока я одевался, в мою комнату ворвался Грегор.

- Адольф не хочет, чтобы ты ехал с Гели, - сказал он. Не успел я прийти в себя от удивления, как мне позвонил Гитлер.

- Я знаю, - вопил он в трубку, - что ты собираешься провести этот вечер с юной Гели. Я не могу позволить ей появиться в обществе женатого мужчины. Я не собираюсь терпеть твои грязные берлинские трюки в Мюнхене.

Я вынужден был подчиниться этим требованиям.

На следующий день Гели зашла ко мне. Лицо ее было бледно, глаза покраснели, а сама она была похожа на затравленного зверька.

- Он закрыл меня на ключ, - сказала она, плача. - Он запирает меня каждый раз, когда я говорю «нет».

Ее переполняли страх, гнев и отвращение. Гели откровенно рассказала мне о странных предложениях, которыми дядя

изводил ее.

Я знал все о патологических пристрастиях Гитлера. Как и все посвященные в его дела, я слышал во всех подробностях рассказ о тех странных вещах, которые, по словам фрейлейн Гофман, Гитлер принуждал ее делать. Однако я искренне полагал, что дочь фотографа - немного истеричка, и откровенно смеялся над ее словами. Но Гели, ничего не знавшая об этом любовном приключении своего дяди, слово в слово повторяла историю, в которую почти невозможно было поверить.

Что я мог сказать? И какой совет я мог дать Гели?

Едва начав откровенные признания, она уже не могла остановиться. Дядя держал ее в полной изоляции. Ей не разрешалось видеться с мужчинами. Однажды вечером, буквально сходя с ума от такого обращения, она уступила настойчивым домогательствам шофера Гитлера Эмиля Мориса. Своей реакцией Гитлер удивил их обоих.

Гели подслушала разговор между этими двумя мужчинами, перед которыми она испытывала благоговейный ужас.

- Ноги твоей больше не будет в этом доме!

- Если ты уволишь меня, то вся эта история попадет на страницы газет!

Шантаж принес свои плоды. Эмиль Морис стал богаче на двадцать тысяч марок и открыл в Мюнхене часовую мастерскую.

Все это было чрезвычайно омерзительно, и я не находил слов, чтобы успокоить эту девушку, которая, не будь она совращена в столь юном возрасте, могла в будущем стать идеальной женой и матерью.

Бедная Гели! Я почти не видел ее больше. Вскоре произошел мой окончательный разрыв с Гитлером. Она погибла при загадочных обстоятельствах в 1931 году. Я долго не знал ужасных подробностей случившегося.

Получив таким образом возможность приподнять завесу тайны над одной из сторон личной жизни Гитлера и зная теперь о его неспособности нормально любить и о тех чудовищных методах получения удовольствия, которыми он компенсировал эту неспособность, я не испытывал более никакого благоговения перед псевдоаскетизмом Гитлера. Несмотря на мои «вакхические» идеи, я всегда с уважением относился к высокой морали.

Гитлер - человек крайностей в жизни, и в любви его бросало в крайности. Все его настоящие друзья были выходцами с самого «дна» - грязного и отвратительного мира. Порядочных людей, которые могли бы его поддержать, Гитлер постоянно отталкивал своими взглядами и действиями.

Людендорф порвал с ним. Пенер отрекся от него. Капитан

Гельмут фон Мюкке, командир фрайкора «Эмден» и депутат партийной фракции, отказался идти с ним до конца. Когда же находились несогласные среди стойких сторонников фюрера, подобные моему брату Грегору, то в какой-то момент они становились неудобными фигурами и устранялись физически.

Сейчас Гитлер окружен не друзьями, а сообщниками, злобными и извращенными существами, слепыми и подлыми инструментами его деяний. В их числе абсолютно беспринципный Макс Аманн, директор издательства «Эхер Ферлаг» и издатель «Фёлькишер беобахтер»; Генрих Гофман, заработавший состояние, продав свою дочь Адольфу; бывший шофер Эмиль Морис, который стал одним из вождей чернорубашечников и запятнал себя кровавыми преступлениями ночью 30 июня. Одним из самых подлых приспешников Гитлера является Кристиан Вебер, сутенер, который работал вышибалой в грязном мюнхенском ресторанчике «У Донисла». И этого человека Гитлер принимает каждый день и советуется с ним. Вебер - единственный человек, помимо Гофмана, могущий войти к нему без доклада. Существует фотография, на которой это гориллоподобное существо стоит рядом с Гитлером на аэродроме; она производит устрашающее впечатление. Для хозяина Германии он выполняет ту же работу, что и для Донисла, не гнушаясь теми же методами. У бывших младших сотрудников полиции Шауба, Юлиуса Шрека и Вильгельма Брюкнера еще сохранились какие-то представления о порядочности, но они - безличный довесок в этой банде закоренелых мошенников.

Привилегия обращаться к Гитлеру на «ты» принадлежит исключительно узкой группе закадычных друзей. Всего несколько человек называют Гитлера Ади, панибратски шлепают его по плечу и даже рассказывают в его присутствии непристойные истории. Гитлер любит эту компанию, поскольку она подтверждает его глубокое внутреннее убеждение, что человек по своей сути - существо низкое и подлое.

Уверенность в этом никогда не покидает его. И хотя он не любит читать, так как чтение утомляет его, показательно, что он хорошо знает Макиавелли и «Анти-Макиавелли» Фридриха Великого. Гитлер - горячий поклонник знаменитого флорентийца и постоянно ссылается на него, чтобы оправдать свои преступления и предательские поступки.

Однажды мы спорили с ним о Макиавелли, когда он пришел на завтрак в дом моих родителей в Динкельсбюле, маленьком городке во Франконии, где родилась моя мать. Моя семья переехала туда после того, как отец ушел в отставку.

Макиавелли, по моему глубокому убеждению (и я старался

объяснить это Гитлеру), жил в эпоху, когда религия и политика были неразделимы. Добро и зло беспощадно противопоставлялись друг другу. Сейчас же все обстоит иначе. Религия принадлежит священникам, политика же перешла в сферу общественных, мирских интересов. Сегодня человек может быть злым и добрым одновременно.

- Человек зол по своей природе, - ответил Гитлер. - Он подчиняется только силе. Допустимы любые методы для управления им. Ты должен лгать, предавать и даже убивать, если этого требуют политические интересы.

- Я допускаю, что убийство и предательство могут быть допустимы в политике; но что случится с вами, раз уж, как вы говорите, человек - изначально испорченное существо? Не поступят ли они с вами так же - предадут и убьют?

Он мгновенно прекратил дискуссию, как поступал всегда, когда предмет разговора оказывался за пределами его понимания, и сказал вполне откровенно:

- Эта мораль годится только для людей, рожденных повелевать. Она дает им право быть господами.

Какое удовольствие от жизни может получать такой человек, как Гитлер? Он никого не любит. Его не радует природа, он не видит ее красоты. Он редко улыбается, не понимает юмора, ему недоступен этот божественный дар, который дает человеку возможность смеяться даже над самим собой. Сэр Невил Гендерсон в своем докладе признается, что он был поражен отсутствием у нацистских лидеров чувства юмора. Они ведут себя с ужасающей серьезностью. Хотя на самом деле своей степенностью и важностью они напоминают животных.

Но это еще не все. Мы уже видели, что Гитлер страшится логики. Подобно женщине, он уходит от предмета обсуждения и заканчивает разговор, бросая вам в лицо аргумент, не имеющий отношения к тому, о чем вы говорили. Смутные и нечеткие выводы и обобщения - вот его стихия. Но он абсолютно не способен довести до конца какую-либо мысль.

«Благо коллектива выше личного блага». Это один из его любимых лозунгов, и не означает ли он создание нового общественного порядка?

Несомненно, это так; но этот лунатик не стремится к ясности понимания. Систематическое мышление, так же как и критика, ненавистны ему. У него нет идей и настоящих идеалов.

Он слепо идет вперед, ведомый удивительным чутьем, которое в принципе сделало его тем, кто он есть. Мучимый чувством собственной неполноценности, Гитлер ненавидит интеллигенцию. Как субалтерн [младший офицер - прим. перев.]

Химмельштосс из романа «На Западном фронте без перемен», он приходит в бешенство от любых проявлении интеллекта.

В его речах постоянно звучат слова «ненависть», «разрушение», «фанатизм», но напрасно мы будем искать там слова «любить», «совершенствовать», «выращивать», «расцветать», «культивировать». Он - раб методик и схем и, по-видимому, не имеет никакого представления о естественной эволюции.

Ему неизвестны чудо созидания и таинство рождения. У него никогда не было детей и нет надежды иметь их в будущем. Радость созидания, самое простое и самое прекрасное чувство в мире, недоступна ему.

Что он знает о жизни?

Розы, покрытые росой; теленок, прыгающий на неуверенных ногах; озорная улыбка ребенка; любовь женщины; золотистые пшеничные поля, которые колышутся под лучами солнца; сумасшествие ноябрьских дней, воспетое Верленом; тишина заснеженных лесов и покрытые льдом реки; звон колоколов, призывающий верующих на молитву, - для всех этих даров Господних он глух и слеп.

Горе людям без морали, миру без любви, веку без Бога!

Но поскольку у Гитлера есть историческая миссия, поскольку он не человек, а инструмент истории, может ли он быть другим? Не должен ли он иметь лицо Сатаны и красноречие Мефистофеля, соблазняющего Фауста? Впрочем, и Мефистофель Гете говорил лишь то, что чувствовал, думал и хотел Фауст, а Гитлер озвучивает то, что чувствует, думает и хочет немецкий народ.

Но в Фаусте жили два человека, и Мефистофель сделался рупором лишь низких инстинктов и грязных желаний. Гитлер также стал выразителем той части населения Германии, которой овладела жажда насилия и разрушения.

Каждый человек и каждый народ - это сочетание зла и добродетели. Фауст освободился от Мефистофеля. Германия освободится от Гитлера.

Глава 6. Моя борьба против Гитлера

После моей первой встречи с Гитлером никакие уговоры Грегора не могли заставить меня вступить в НСДАП.

Однако постепенно я решил обдумать предложение брата. Я тщательно изучил успехи и провалы нацистских лидеров. Я чувствовал, что только национал-социалистическая идеология может привести к возрождению страны, но я отказывался сотрудничать с людьми, чьим бесспорным вождем являлся Адольф Гитлер. Я видел его за работой, и у меня сложилось прочное отрицательное мнение о нем.

Но в 1925 году ситуация несколько изменилась. Освобожденный из тюрьмы Гитлер вновь возглавил национал-социалистическое движение на Юге Германии. Однако на Севере его в значительной мере не признавали. Ему было запрещено выступать во всех прусских провинциях.

Гитлеру было известно об организаторских способностях Грегора, его популярности среди рабочих и кристальной честности. Он предложил Грегору возглавить национал-социалистов на Севере и пообещал предоставить ему полную свободу действий.

Мой брат еще раз обратился ко мне за помощью. Взвесив все «за» и «против», я согласился и весной 1925 года вступил в партию.

Пока Гитлер находился в тюрьме, я сотрудничал с «Фёлькишер беобахтер» и под псевдонимом Ульрих фон Гуттен поместил там несколько пространных теоретических статей на тему национал-социализма. Впервые штрассеризм рискнул противостоять гитлеризму. Но освобождение нацистского лидера положило конец открытой фазе этого конфликта, и я почувствовал, что готов поддержать Грегора и помочь ему в борьбе за победу наших идей.

От мысли о сотрудничестве с Альбрехтом фон Грефе вскоре пришлось отказаться. Грефе был даже более реакционной личностью, чем Гитлер, и, выйдя на свободу, он и его сторонники постарались отмежеваться от нас и действовать самостоятельно. Напротив, генерал Людендорф тесно сотрудничал с Грегором. Началась большая работа. В первую очередь нам предстояло создать серьезный интеллектуальный фундамент, на основе которого можно было бы построить национал-социалистическую партийную организацию на Севере.

Гитлер, то ли не понявший глубины разделявшей нас пропасти или же смирившийся со мной как с необходимым злом,

сердечно поздравил Грегора с тем, что меня наконец-то удалось склонить к сотрудничеству.

«То, что он делает, он делает хорошо, - так охарактеризовал меня Гитлер моему брату. - Два таких человека, как вы, не могут потерпеть неудачу».

Наша задача в Северной Германии была трудной, но весьма интересной. Разрозненных и растерянных членов НСДАП в этих провинциях необходимо было вновь объединить. Должна появиться интеллектуальная пресса, адаптированная к их образу мыслей и пропагандирующая наши идеи.

Сначала мы основали выходящий раз в две недели журнал «Национал-социалистише брифе», предназначенный для партийных функционеров.

Вторым нашим шагом была разработка экономической, политической и культурной программы партии. В области экономики мы выступали как против капитализма, так и против марксизма. Мы предполагали построить гармоничную экономику, основанием для которой служил своеобразный государственный феодализм. Государство должно было стать единственным владельцем земли, которую оно будет сдавать в аренду отдельным гражданам. Все люди получали право делать со своей землей то, что они хотят, но сдавать землю в аренду и продавать ее необходимо запретить. Таким образом, мы хотели дать бой пролетаризации немцев и восстановить у наших сограждан чувство свободы. Ведь человек может быть по-настоящему свободен только тогда, когда он экономически независим.

Мы предлагали провести национализацию лишь земельного и промышленного имущества страны - то есть тех материальных ценностей, которые могут умножаться лишь коллективными усилиями народа. Процветание страны должно было быть обеспечено путем национализации тяжелой индустрии и распределения крупных поместий в качестве государственного имущества.

В области политики мы отказались от тоталитаризма в пользу федерализма. Парламент должен был состоять не из представителей партии, а из представителей различных социальных групп. Мы выделяли пять таких групп: рабочие, крестьяне, служащие, чиновники, предприниматели и лица свободных профессий. Германия должна быть децентрализована и разбита на кантоны по швейцарскому образцу. Пруссия, отделенная от Рейнланда, Гессена, Ганновера, Саксонии и Шлезвиг-Гольштейна, утратила бы гегемонию и попросту прекратила бы свое существование. Все вопросы управления кантоном, все должности - от губернатора до самого скромного

портье - должны были находиться в руках жителей кантона.

Наша программа также предусматривала уничтожение прусского милитаризма. По новой конституции предусматривалось создать маленькую профессиональную армию или территориальное ополчение по швейцарскому образцу.

В области внешней политики мы требовали равенства между нациями и прекращения все еще продолжающегося унижения Германии. У нас не было территориальных претензий, но предполагалось проведение честных референдумов на спорных территориях.

Европейская федерация, основанная на тех же принципах, что и федеральная Германия, должна была провести всеобщее разоружение и объединить страны в монолитный союз, в котором каждая страна сохранит свою администрацию, обычаи и религию. Уничтожение таможенных преград должно было привести к возникновению единого европейского рынка, что благоприятно скажется на экономическом и культурном развитии континента.

Причиной войны 1914 года стало стремительное разрушение старой экономики и культуры. По нашему мнению, было необходимо восстановить гармонию между трудом и капиталом, между личностью и обществом, а это возможно лишь на основе нового общественного устройства. Слово «гармония» подразумевает полный отказ от идеи любой диктатуры - расы, класса или любой другой.

Также должна быть восстановлена гармония между человеком и Богом, между народом и религией; психологические проблемы, порожденные распространившимся в начале века материализмом, и обожествление техники привели к полной деморализации общества.

Короче говоря, нашей главной целью было достичь гармонии во всех областях, так как гармония - это единство в многообразии и враг стандартизации.

Я много раз пытался убедить в этом Гитлера, но такие идеи были глубоко чужды ему. Гармония Адольфа - это единообразие, колонны марширующих мужчин и женщин, одновременно отдающих честь и выкрикивающих одни и те же слова.

Грегор не смог взять в Берлин своего помощника Генриха Гиммлера. Гиммлер заменил моего брата в Ландсхуте, куда Грегор возвращался время от времени, чтобы сохранять контакт со своими людьми и присматривать за аптекой.

Какое-то время мы с Грегором находились под впечатлением таланта юного уроженца Рейнланда Йозефа Геббельса, который был секретарем Вигерсхауса, одного из руководителей партии Альбрехта фон Грефе. Колченогий, с неприятными чертами лица,

Геббельс внешне производил весьма неприглядное впечатление. Но он был талантливым оратором и способным пропагандистом. Услышав его страстную речь, разоблачающую национал-социалистическую партию, мы поняли, каким полезным союзником он мог бы стать. Грегор перенес центр наших операций в Рур, где издавался наш журнал. Оказалось, что купить Йозефа Геббельса было на удивление просто. За 200 марок в месяц этот молодой человек согласился стать редактором «Национал-социалистише брифе» и личным секретарем моего брата. Геббельсу казалось, что действительность готова превзойти его самые смелые ожидания. Неудачливый журналист, без особого успеха рассылавший по всей Германии свои статьи, автор, который никак не мог найти издателя, сумел взять реванш за многочисленные неудачи. Карл Кауфман, гауляйтер Рура (сейчас он - бургомистр Гамбурга), и Эрих Кох, глава регионального отделения партии Эберсфельда, где выходила наша газета, согласились на его назначение.

Однако вскоре мы поняли, что наш новый протеже приносит нам одни неприятности. Геббельс оказался амбициозным авантюристом и лгуном. Слушая его, можно было предположить, что он является героем борьбы с французскими оккупантами в Руре. Он давал вам понять, что они засадили его в тюрьму и подвергли ежедневным издевательствам. Поскольку у нас уже были основания сомневаться в его правдивости, я провел расследование и установил, что ни дня своей жизни он не провел в тюрьме и что все эти истории - фальшивка с первого до последнего слова.

Еще одной его махинацией была подделка даты вступления в партию в партийном билете. Гауляйтер Карл Кауфман, обнаружив этот факт, провел еще одно расследование, которое закончилось полным разоблачением мошенника. Но к этому времени Геббельс уже предал и покинул нас.

Ну а пока он продолжал выполнять партийную работу с энтузиазмом неофита.

Когда все было готово, Грегор созвал всех региональных лидеров на конференцию в Ганновер, на которой председательствовали мы с братом. Гауляйтеры северных районов откликнулись на приглашение; там были: Карл Кауфман, Бернхард Руст, сейчас рейхсминистр образования; Керрль, нынешний министр по делам религии; Роберт Лей - лидер Немецкого Рабочего Фронта; Гильдебрандт, нынешний бургомистр Мекленбурга. Всего собралось 24 делегата, и, кроме того, присутствовал представитель Гитлера Готфрид Федер.

Когда присутствующие узнали, что на встрече собирается

присутствовать представитель Гитлера, они возмутились.

«Никаких шпионов среди нас!» - вопил Геббельс, стараясь, как всегда, быть большим роялистом, чем сам король.

Вопрос о том, может ли Федер быть допущен на заседание, решался путем голосования. Абсолютное большинство проголосовало «за».

На конференции поднимались проблемы чрезвычайной важности.

В то время вся страна разделилась по вопросу об экспроприации недвижимости, принадлежащей семье бывшего кайзера.

Германия уже пережила период инфляции, марка стабилизировалась, однако ни мелкие рантье, ни люди, вложившие свои деньги в военные займы, пока еще не получили ни гроша. В таких обстоятельствах возврат князьям, которые несут ответственность за войну и ее последствия, их замков, земель и прочего имущества стоимостью в сотни миллионов золотых марок выглядел просто аморально. Рабочие партии и немецкие демократы высказались категорически против подобных действий, и национал-социалисты Севера готовы были их поддержать. В преддверии первого общегерманского плебисцита наши руководители стремились принять резолюцию по этому вопросу, а присутствие Федера несколько усложняло эту проблему. Ежедневные сообщения из Баварии информировали нас о том, каким путем идет Гитлер, и мы прекрасно осознавали, что национал-социалисты, проголосовав за экспроприацию, вступят в прямой конфликт с новой тактикой Гитлера.

В Ганновере все, кроме доктора Роберта Лея, проголосовали за экспроприацию. Когда Федер от имени Гитлера выразил протест, Геббельс вскочил на ноги и произнес сенсационную речь в поддержку нашего решения.

«Я требую, чтобы жалкий буржуа Гитлер был исключен из Национал-социалистической рабочей партии», - во весь голос прокричал он. Следует добавить, что ему громко аплодировали.

Грегор вынужден был вмешаться и напомнить, что подобное решение может быть принято лишь всеобщим съездом партии. Но тем не менее мы постановили, что национал-социалисты Севера будут голосовать против возвращения имущества князьям.

«Мы - свободные и демократичные люди, - твердо заявил Бернхард Руст. - У нас нет непререкаемых авторитетов, и от нас нельзя требовать беспрекословного подчинения. Гитлер может поступать, как он пожелает, а мы будем поступать в соответствии с нашими убеждениями».

Подобные инциденты имели место и в Демократической

партии. Депутат рейхстага и член исполкома партии доктор Ялмар Шахт, отказавшийся поддержать мнение большинства, выступил как сторонник принцев и подал прошение об отставке. Это был первый случай, когда Гитлер и Шахт, пока что заочно, пришли к взаимопониманию, и этим был заложен фундамент их дальнейшего сотрудничества.

Более того, ганноверский съезд одобрил «программу Штрассера» и принял решение заменить ею гитлеровские «25 пунктов Национал-социалистической рабочей партии». Это был уже почти что разрыв.

Чтобы расширить границы нашей деятельности, мы решили открыть в Берлине «Кампфферлаг» («Боевое издательство») и начать выпуск нескольких новых журналов. Я взял в свои руки контроль над всеми нашими изданиями. Во всей северной Германии лишь газета доктора Лея и его Кельнский округ остались верны Гитлеру.

Чтобы представить себе охватившую Гитлера ярость, нужно понять, чем была вызвана очередная смена линии его поведения. Гитлер стал консерватором потому, что нуждался в деньгах для партии, а их могли дать только капиталисты. Экспроприация недвижимости князей неизбежно должна была насторожить промышленных и финансовых воротил и землевладельцев, которые вполне заслуженно справедливо могли решить, что конфискация имущества императорского дома - первый шаг на пути к конфискации их собственного имущества.

Отклика на ганноверскую резолюцию не пришлось долго ждать. Адольф, верный своей тактике обмана и насилия, также созвал региональную конференцию, но условия для нее создал довольно своеобразные. Зная, что мы просто завалены работой, он осмотрительно решил не назначать конференцию на воскресенье. Чтобы увеличить количество голосующих, он пригласил в Бамберг не только региональных лидеров, но и их заместителей, а для полной уверенности в победе мобилизовал штурмовиков СА. Я думаю, сегодня нет необходимости объяснять, что имеет в виду Гитлер под свободой мнений и как он ведет себя, когда притворяется, что советуется с товарищами и соперниками или прислушивается к голосу народа. Его методы с тех пор практически не изменились, и их испытала на своей шкуре почти вся Европа.

По решению Гитлера гауляйтеры уже достаточно давно получали приличное жалованье. С помощью этого нехитрого приема он заручился поддержкой руководителей с Юга, которые превратились в обыкновенных наемников и просто обязаны были оказывать ему помощь и поддержку.

Среди нас практически никто не имел возможности или средств для поездки в Бамберг. Только Грегор, как депутат рейхстага, имел право бесплатного проезда по железной дороге. Он взял с собой ревностного апостола нашего дела Иозефа Геббельса.

Это было в феврале 1926 года, приблизительно через три месяца после ганноверской конференции. Адольф произносил блестящую речь в защиту князей и требований аристократических семейств. К этому времени у Геббельса было достаточно возможностей, чтобы вступить в контакт с деятелями нацистской партии в Баварии. На него произвело огромное впечатление количество машин, находящихся в распоряжении приспешников Гитлера. Он сравнил свою скромную жизнь с тем блеском, который уже окружал Штрайхера, Эссера и Вебера, и сделал свой выбор еще до того, как начался съезд.

Как только Гитлер закончил свою речь, Йозеф Геббельс, представитель национал-социалистов Севера и личный секретарь Грегора Штрассера, вскочил на ноги.

«Господин Адольф Гитлер совершенно прав, - заявил он (слова «фюрер» еще не было в нацистском словаре). - Его аргументы так убедительны, что не будет ничего плохого, если мы признаем свои ошибки и присоединимся к нему».

Никто в партии не забыл невероятного поведения Геббельса. Ветераны партии до сих пор говорят о нем как о «бамбергском изменнике».

Казалось, Гитлер предвидел этот кульбит маленького уродца. Теперь он решил, что Грегор Штрассер, изолированный от своих товарищей, находясь во враждебном окружении, перед лицом жестокого поражения будет не в состоянии оказывать сопротивления.

На следующий день неизбежно должно было состояться генеральное сражение между Адольфом и Грегором.

«Я решительно защищал свою точку зрения, - говорил мне Грегор, - но я чувствовал, что Гитлер получает явную поддержку. Он редко впадал в ярость, наоборот, он призвал на помощь показное благородство и мастерски использовал свое необыкновенное искусство обольщения. Один или два раза он подходил очень близко ко мне, и я думал, что он вцепится мне в горло, но вместо этого он клал мне руку на плечо и начинал разговаривать со мной, как с другом. «Послушай, Штрассер, - говорил он, - ты ведь не партийный фонд и начинай жить так, как ты заслуживаешь».

Я с растущей тревогой слушал рассказ Грегора, слишком хорошо понимая, как собирается действовать Адольф Гитлер. Он

пытался превратить Грегора в свое послушное орудие, в раба партийных денег, то есть проделать то, что он уже сделал с остальными.

Компромисс, который был найден в результате ораторских баталий между Гитлером и Грегором, не был столь уж гибельным для нас. Мы сохранили независимость, право управлять своим издательством и издавать «Национал-социалистише брифе». Но мы должны были отказаться от своей программы и вновь вернуться к гитлеровским «25 пунктам».

«Основное, - посоветовал я Грегору, - не продавай аптеку и не бери у него денег».

Вскоре я оказал юридические услуги одному крупному промышленному концерну. По окончании работы я получил солидную премию, и на эти деньги мы наконец-то открыли издательство «Кампфферлаг» и купили сначала шесть, а потом восемь газет, которые позже стали выходить ежедневно.

Борьба между нами и Адольфом продолжалась все более ожесточенно. Мы начали широкую пропагандистскую кампанию по защите наших идей, и наша демократическая организация противостояла откровенно капиталистическим тенденциям национал-социалистической партии Юга. В конце концов мы даже стали для них серьезными конкурентами. В период с 1926 по 1930 год дела «Кампфферлаг» шли все лучше и лучше, и оно даже превзошло прославленное своей изобретательностью издательство Макса Аманна «Эхер Ферлаг».

В 1928 году, живя у своих родителей в Динкельсбюле, я сделал попытку найти точки соприкосновения с Гитлером. Адольф ответил пропагандой макиавеллизма.

Тем временем Герман Геринг вернулся из долгого путешествия по Италии и Швеции. Он начал плести интриги с целью получить место в парламенте. При этом Геринг без колебаний, не особенно стесняясь в выборе средств, стал оказывать давление на своего давнего товарища по оружию Гитлера.

«Или я стану депутатом, или я выступлю против партии, дабы компенсировать ущерб, нанесенный мне ранением, полученным 9 ноября 1923 года», - заявлял он.

Действительно ли Адольф позволял запугивать себя?

Я думаю, что нет. Грегор, более доверчивый, чем я, сказал мне однажды:

«Ты знаешь, что Коха выгнали, а его место занял Геринг? Эта свинья шантажировала Гитлера».

Я был более дальновидным, чем Грегор, и поэтому хорошо понимал, какую пользу мог извлечь Гитлер из Геринга, бывшего

офицера с прекрасными связями в кругах крупных промышленников Германии. Без него Гитлер, несомненно, так и остался бы в кругу второразрядных капиталистов. Но с помощью Геринга он познакомился со знаменитым магнатом Тиссеном, с Кирдофом, который распоряжался секретным фондом тяжелой индустрии, и, наконец, с финансовым гением Ялмаром Шахтом. Перед Гитлером открылись широкие жизненные перспективы. Военное снаряжение, которым он нас снабжал, стоило очень больших денег.

Я несколько раз приезжал в Мюнхен и много раз брал интервью у Гитлера. Его речи раз за разом становились все более грозными и неистовыми. Именно в 1928 году в его доме я и познакомился с Гели Раубаль, но история с этой девушкой не сыграла никакой роли в развитии глубокого антагонизма между мной и Гитлером.

Тем временем Гиммлер, соблазненный предложением Гитлера стать командиром СС, или чернорубашечников, отказался работать на моего брата и перешел на сторону Адольфа.

Мы сражались изо всех сил. Наша пропаганда была организована блестяще. Речи Карла Кауфмана, Эриха Коха, Франца Штера, Рихарда Шапке, Франсена и Гро встречались бурными аплодисментами во всей Северной Германии и подробно излагались в нашей прессе. Мы одержали победу в Саксонии, но Тюрингия отошла к Гитлеру. Благодаря своим новым могущественным друзьям он добился отмены в некоторых регионах (особенно в Бремене, Анхальте и Ольденбурге) запрета на публичные выступления, который существенно мешал ему. Перспектива примирения между национал-социалистами Севера и Юга становилась все более призрачной.

В результате отношения между мной и братом в 1928 и 1929 годах стали несколько натянутыми. Когда Грегор приезжал в Берлин, он обычно останавливался у меня и мы проводили ночь в бесконечных и бесплодных спорах. Даже моя бедная невестка Эльза, несмотря на инстинктивную неприязнь к Гитлеру, мечтала о такой же машине, какие имели жены баварских партийных функционеров. У Грегора же были более солидные аргументы, которыми он оправдывал свое упрямое нежелание прислушиваться к моим словам.

Я напоминал ему о длинной цепи предательств, которые совершил Адольф Гитлер.

- Мы говорим с ним на разных языках, - сказал я. - Мы с тобой - социалисты, а господин Гитлер говорит на языке капиталистов. Мы - республиканцы, а Гитлер вступил в союз с Виттельсбахами и

даже с Гогенцоллернами. Мы - европейцы и либералы; мы требуем свободы не только для себя, но также уважаем свободу других, в то время как Гитлер говорит своим приближенным о доминировании в Европе. Мы - христиане; без христианства Европа погибнет. Гитлер же атеист.

Грегор слушал меня серьезно, насупив брови.

- Нет! - воскликнул он. - Я не позволю вышибить меня из седла. Я смогу переубедить его.

Верил ли Грегор в то, что сможет переубедить Гитлера? Может быть, главным движущим мотивом его действий было чувство преданности, та верность, которую ничто не может поколебать?

- Ты не сможешь переубедить его, Грегор, - убеждал я брата. - Эта лошадка не сбросит тебя; наоборот, он потянет тебя за собой по всем ступеням своей губительной карьеры. Ты уже отпустил поводья. Ты должен рискнуть, и пока еще есть время, сменить коня. Грегор, мы должны отказаться от сотрудничества с ним.

Но Грегор сказал «нет»

Глава 7. Жестокое противоборство

Была ли это тактика Макиавелли или самого Гитлера, однако факт остается фактом - Адольф назначил Йозефа Геббельса гауляйтером Берлина. В результате этого блестящего хода бывший личный секретарь Грегора получил над нами значительную власть. Он мог создавать препятствия нашей деятельности, и в его распоряжении были отряды СА, к этому времени полностью оплачиваемые Гитлером.

В июле 1927 года Геббельс начал издавать в Берлине ежедневную газету «Дер Ангриф», дизайн которой был полностью скопирован с нашей «Арбайтсблатт», которая выходила с 1926 года Естественно, наш новый гауляйтер при первой же возможности арестовывал наши счета и избивал наших сторонников. Он даже скрывал от нас время начала митингов, которые намеревался провести, дабы члены партии, желающие быть хорошо информированными, читали «Дер Ангриф», а не «Арбайтсблатт». Несколько раз мы с Грегором писали Гитлеру, протестуя против подлого поведения его нового фаворита. Но Гитлер - настоящий мастер интриг - отвечал буквально следующее: «Ваша газета, несомненно, официальный печатный орган партии в Берлине, но я не могу запретить Геббельсу издавать свою собственную частную газету». Интересно узнать, каким это образом газета столичного гауляйтера может быть частной?

В течение следующих месяцев Геббельс организовал настоящую партизанскую войну, террор в миниатюре, направленный против наших сторонников. Один за другим наши товарищи на себе испытывали все прелести недовольства нового гауляйтера. Штурмовики выслеживали наших людей и под видом хулиганов избивали их. Они даже совершили несколько безуспешных попыток схватить меня. Когда же мы требовали объяснений по поводу этих таинственных нападений, то получали неизменный ответ: «Это коммунисты преследуют вас. Воспользуйтесь бойцами СА для защиты». Другими словами, «примите в ваши ряды наших шпионов, и мы оставим вас в покое».

Большинство наших товарищей жили в пригороде Берлина, который относился к политическому округу Бранденбург, его гауляйтер был полностью на стороне Штрассеров. Однако я должен был работать в самом Берлине.

Однажды весенним утром 1928 года я работал в своем огромном кабинете. Мои апартаменты были длиной в тридцать

футов. Обычно мы работали там вместе с Грегором, поставив столы так, чтобы сидеть лицом друг к другу. В тот день я в одиночестве разрабатывал макет нашей газеты, когда в комнату, не постучавшись, стремительно ворвался Гитлер. Я даже не знал, что он в Берлине.

Не здороваясь, он уселся за стол Грегора и выпалил мне прямо в лицо:

- Это не может дальше продолжаться.

- Что не может продолжаться, господин Гитлер?

- Твои непрерывные ссоры с моими людьми. В прошлом году это был Штрайхер, потом Розенберг, а сейчас - Геббельс. Мне это надоело.

«Между этими событиями нет никакой связи, господин Гитлер. Юлиус Штрайхер - грязная свинья. На Нюрнбергском съезде он замучил меня рассказами о сексуальных извращениях евреев, называя свои рассказы «деликатесным аперитивом». Я сказал ему, что меня тошнит от его газеты, и что я люблю литературу, а не порнографию. Если принять во внимание предмет нашей принципиальной ссоры, то сам ее факт не должен ни шокировать, ни удивлять вас.

- А Розенберг? - спросил Гитлер, приведенный в замешательство словом «порнография». - Что ты имеешь против него?

- Он язычник, господин Гитлер.

Адольф вскочил и заходил по комнате.

- Идеология Розенберга - неотъемлемая часть национал-социализма, - торжественно заявил он.

- Я думал, что вы хотите примириться с Римом.

- В данный момент христианство является одним из пунктов моей программы. Но мы должны смотреть вперед. Розенберг - провидец и пророк. Его теории являются выражением германской души. Настоящий немец не может осуждать их.

Я не ответил, но внимательно посмотрел на него. Я был совершенно ошеломлен его двуличием.

- Давай перейдем к делу. Я говорю о ваших отношениях с Геббельсом. Я повторяю снова, это не может продолжаться.

- Несомненно. Но вы должны сказать об этом Геббельсу. Он приехал сюда после меня и начал выпуск своей газеты позже. Все права принадлежат мне.

Гитлер снисходительно улыбнулся.

- Это вопрос не права, а силы. Что ты сможешь сделать, если десять штурмовиков Геббельса ворвутся в твой офис?

Я медленно вытащил из ящика стола большой револьвер и положил его перед собой.

- У меня в обойме восемь патронов. Так что восемью штурмовиками станет меньше.

Гитлер остолбенел.

- Я знаю, ты достаточно ненормальный, чтобы стрелять, - прорычал он. - Я знаю, что ты без колебаний будешь защищать себя. Но все равно ты не сможешь стрелять в моих штурмовиков.

- Ваших или гауляйтера Геббельса? Если они ваши, то я бы советовал вам не посылать их сюда. А если это люди Геббельса, то в вашей власти остановить их. Что касается меня, то я буду стрелять в любого, кто нападет на меня. И мне плевать на их униформу. Коричневые рубашки меня не пугают.

- Отто, - сказал Гитлер печальным голосом, первый и последний раз назвав меня моим христианским именем, - будь благоразумен. Обдумай все, хотя бы ради брата.

Он взял меня за руки. Я остался равнодушным к его глазам, наполненным слезами, к дрожащему от волнения голосу. Это заранее обдуманное представление не могло иметь у меня успеха.

- Подумайте и вы, господин Гитлер. Я буду продолжать свое дело.

К тому моменту, когда он ушел, я уже решил открыто бороться с его лицемерием; короче говоря, либо я одержу над ним победу, либо порву с ним.

Этот процесс оказался долгим и трудным. Я был так искренне привязан к Грегору, что перспектива разрыва с ним связывала меня по рукам и ногам.

Во-первых, я последовал совету брата и, как и многие мои друзья, перевел свою резиденцию в берлинский пригород Лениц, относящийся к округу Бранденбург. Там же я наладил выпуск газеты. «Арбайтсблатт» оставалась официальным органом национал-социалистов Севера. Мои корреспонденты - с моего согласия - открыто критиковали поведение некоторых региональных лидеров Юга. Одним из наших самых горячих сторонников был Эрнст Граф цу Ревентлов.

Директор конкурирующего издательства Аманн систематически подстрекал фюрера к действиям против нас. Но я никак не выражал своего недовольства. Но рано или поздно ситуация все равно должна была взорваться.

В 1929 году меня вызвали в Мюнхен. Гитлер, предварительно сообщив мне, что «он не может ошибаться, так как все, что он делает, имеет историческое значение», предложил продать ему «Кампфферлаг». Я ни минуты не размышляя, отказался. Я был намерен оставаться в НСДАП до того момента, пока я могу честно бороться за то, что считаю правильным. Лишившись возможности управлять прессой, я стал бы, как и все прочие, безголосым

наемником человека, которого лизоблюды с Юга уже начади называть «фюрером».

В 1930 году напряженность между нами достигла критической точки. В апреле саксонские профсоюзы заявили о забастовке на промышленных предприятиях. Я решил поддержать их всеми силами национал-социалистической партии Севера, и все мои издания стали на сторону рабочих. Одну из моих газет - «Саксишер беобахтер» забастовщики зачитывали буквально до дыр. Легко представить ярость индустриальных магнатов, с которыми последнее время Гитлер нашел общий язык. В тот момент СА финансировались исключительно Тиссеном и его друзьями. Рейхсвер же решительно отвернулся от СА и нашел себе нового фаворита в лице ультраправой организации «Стальной шлем».

Поэтому потерять своих новых друзей для Гитлера означало потерять абсолютно все. Саксонская федерация промышленников послала Гитлеру ультиматум, составленный в чрезвычайно резкой форме:

«До тех пор, пока забастовка не будет осуждена, пока; национал-социалистическая партия и ее газеты, особенно «Сахсишер беобахтер», не начнут борьбу с ней, Всегерманская федерация промышленников в полном составе отказывается вносить деньги в кассу партии».

Такой удар по партии не мог остаться тайной. Мы знали содержание этого ультиматума и вскоре поняли, что Гитлер продался капиталистам и что нельзя более возлагать на него надежды, так как он принял условия ультиматума.

Резолюция центрального исполнительного комитета партии, подписанная лично Гитлером, запрещала любому члену национал-социалистической партии принимать участие в забастовке.

Трус Мартин Мучман, гауляйтер Саксонии, добился одобрения этого решения абсолютным большинством голосов в партийной организации, и Саксония поддержала Гитлера. Я и несколько моих друзей, потрясенные трусостью одних и предательством других, отказались подчиниться. В наших газетах мы продолжали поддерживать забастовщиков и критиковали поведение Гитлера и его приспешников с удвоенной силой.

Среди методов, которыми любил пользоваться Гитлер, важную роль играл элемент неожиданности.

21 мая 1930 года, в четверть первого, когда я уже собирался отправиться в свой офис в Ораниенбурге, внезапно зазвонил телефон.

- Алло! Говорит Рудольф Гесс. Господин Гитлер просит вас

немедленно прибыть для срочной беседы в отель «Сан-Суси».

Визит Адольфа в Берлин проходил в обстановке строжайшей секретности. На этот раз он решил, что не будет неожиданно врываться в мой офис. Он пригласил меня на встречу, которая, как я понял, должна была стать решающей.

«Чем быстрее, тем лучше», - подумал я и без промедления откликнулся на приглашение.

Адольф встретил меня в вестибюле гостиницы. Мы остались вдвоем. Он предложил мне сесть, а сам сел напротив.

- Ты обдумал то предложение, которое я сделал тебе год назад? - поинтересовался он. - Аманн подготовил восторженный доклад о твоем издательстве. Я готов его купить. Каждый из вас - Грегор, Хинкель и ты - получите по 60 000 марок, а вы с Хинкелем станете депутатами рейхстага.

- Вряд ли этот вопрос стоит обсуждать, господин Гитлер. Мой мюнхенский отказ все еще остается в силе.

Гитлер немедленно набросился на меня с ругательствами.

- Тон ваших газет позорит партию. Твои статьи - это нарушение всех возможных понятий о дисциплине. Они наносят удар по программе партии. Мое терпение иссякло. Деятельность «Кампфферлаг» вынуждает меня прибегнуть к принудительной ликвидации издательства. Если вы не согласитесь со мной, то я буду бороться с вами всеми доступными мне средствами.

Я встал.

- Я думал, господин Гитлер, что вы послали за мной, чтобы окончательно прояснить ситуацию. И я готов обсуждать любые проблемы, но отказываюсь принять ультиматум.

- Конечно, я хотел бы прийти к какому-то соглашению, - сказал Гитлер немного более спокойно. - Я не хочу, чтобы партия потеряла такого замечательного человека, как ты. Потому-то я и попросил тебя прийти. Ты молод, участвовал в войне, ты один из нас - ветеранов национал-социалистического движения, и мне кажется, ты все еще в состоянии учиться понимать новое. Я не могу сказать то же самое об Эрнсте Графе цу Ревентлове. Он пожилой человек, да к тому же еще журналист и ретроград. Он - безнадежен, но ты...

Гитлер применил свой классический маневр, стараясь натравить своих оппонентов друг на друга.

- Ваше недовольство носит слегка расплывчатый характер, господин Гитлер. Я могу сказать только, что статьи, которые появлялись в газетах последние несколько недель, написаны сотрудниками официальных органов националу социалистической партии, и каждая из этих статей одобрена лично мной. Могу добавить, что я очень рад возможности

объяснить вам мою позицию.

Мы говорили уже семь часов и вынуждены были сделать перерыв для того, чтобы продолжить его на следующий день. Я сразу же по горячим следам записал содержание этого разговора и отдал эту запись моим друзьям. Поскольку изложение моих записок в полном объеме выходит далеко за рамки данной книги, а их содержание - это в основном обсуждение малоинтересных вопросов внутриполитической жизни Германии, то я привожу лишь самые существенные моменты нашей беседы, проливающие некоторый свет на личность человека, которому я бросил вызов, и на главные причины, приведшие к нашему разрыву.

Гитлер, как он это обычно любил делать, ходил по комнате из угла в угол.

- Статья в «Национал-социалистише брифе» - это удар в спину нашему национал-социалистическому премьер-министру доктору Фрику, - заявил он.

- А что касается Шульца-Наумбурга, то ведь он - актер самого высокого класса. Любой, кто хоть что-нибудь понимает в искусстве, признает, что этот человек куда лучше других учит истинно германскому искусству. Но ты объединился с еврейской прессой для саботажа решений национал-социалистического министерства по этому вопросу.

- «Национал-социалистише брифе» просто поддержало молодых артистов труппы Вендланда, которые также являются членами партии, - заметил я. - Мы просто хотим выручить этих молодых людей, которых собираются вышвырнуть на улицу в угоду интересам приевшихся старых проповедников.

Шульц-Наумбург был бородатым фанатиком, этаким тяжеловесным старорежимным тевтоном, одним из тех, кого Гитлер, без тени сомнений, считал истинным воплощением души германского народа.

- Вы, господин Штрассер, не имеете ни малейшего представления о том, что такое искусство. Нет ни старого, ни нового искусства. Существует только одно искусство - греко-нордическое, - взволнованно подчеркнул Гитлер. - В искусстве не может быть революций. Не бывает искусства итальянского, голландского или немецкого; говорить о готическом искусстве - это идиотизм. Все ценное в искусстве может быть только греко-нордическим.

Я ответил, что я, как непрофессионал в области искусства, считаю его выражением души народа и уверен, что оно подвергается разнообразным влияниям. Я обратил внимание Адольфа на искусство Древнего Китая и Египта.

- Ты проповедуешь затрепанный либерализм, - оказал в ответ

на это Гитлер. - Я повторяю, никакого ненордического искусства не бывает. И китайцы, и египтяне не были монолитными народами. Все их шедевры создавались высшими слоями общества, принадлежавшими к нордической расе, в то время как большинство населения принадлежало к низшей расе.

Я стремился перевести разговор на политику, которая занимала меня куда больше. Когда Адольф увидел, что я никак не реагирую на его странные искусствоведческие теории, он, как я и надеялся, перешел к обсуждению статьи Бланка «Верность и предательство».

- Как вы можете защищать теории Бланка? - спросил он. - Его концепция верности, которая разграничивает Вождя (фюрера) и его Идею, подталкивает членов партии к неповиновению.

- Нет, - ответил я, - здесь не ставится вопрос о подрыве авторитета Вождя. Но для немецкого народа, свободного по своей природе и исповедующего протестантизм, врожденным является именно служение Идее. Идея божественна, по своему происхождению, в то время как человек - это всего лишь ее орудие, плоть, оживленная посредством Слова Божьего. Вождь призван служить Идее, и только Идее мы обязаны хранить верность. Ведь Вождь - всего-навсего человек, а человеку свойственно ошибаться.

- То, что ты говоришь, - полная чушь, - заметил Гитлер. - Ты хочешь дать членам партии право решать, остался ли фюрер верен так называемой Идее или нет. Это - самая мерзкая разновидность демократии, и мы не хотим иметь с этим ничего общего! Для нас Идея - это фюрер, и каждый член партии должен быть верен именно фюреру.

- Не совсем так, - ответил я, - то, что вы говорите, абсолютно верно по отношению к католической церкви, которая стала вдохновителем итальянского фашизма. Но я утверждаю, что для Германии именно Идея имеет решающее значение, а отдельная личность призвана решать вопрос, нет ли противоречий между Вождем и Идеей.

- По этому вопросу наши мнения расходятся, - резко произнес Гитлер. Он сел и начал нервно потирать колени, совершая все убыстряющиеся круговые движения. - Подобные высказывания ведут к развалу нашей организации, которая основывается на дисциплине. Я не могу позволить, чтобы какой-то психически больной бумагомаратель разрушил партию. Ты - бывший офицер, и ты знаешь, что твой брат подчиняется дисциплине, хотя далеко не всегда согласен со мной. Учись у него, как надо себя вести; он - замечательный человек.

Гитлер взял меня за руки, точно так же, как два года назад.

Его голос был глухим от рыданий, а по щекам текли слезы.

- Дисциплина, господин Гитлер, это лишь способ сохранить единство уже существующей группы людей, но она не способна создать подобную группу. Не позволяйте низким льстецам и подхалимам, которые вас окружают, вводить себя в заблуждение.

- Я запрещаю тебе порочить моих друзей! - заорал Адольф.

- В конце концов, господин Гитлер, мы говорим как мужчины. Мы не на публичном митинге. Многие ли люди из вашего непосредственного окружения способны на самостоятельные суждения? Им не хватает ума, не говоря уже о характере. Даже мой брат был бы менее сговорчивым, если бы по характеру своей службы он не был бы финансово зависим от вас.

- Из уважения к твоему брату, - сказал Гитлер, - я готов протянуть тебе руку еще раз. Я несколько раз предлагал тебе интересную партийную работу. Ты вполне можешь занять пост руководителя моей пресс-службы. Переезжай в Мюнхен и работай под моим началом. У меня сложилось очень высокое мнение о твоем уме и таланте, и я прошу тебя отдать их на службу национал-социализму.

- Я могу принять это предложение - если при всем различии наших политических взглядов мы сможем найти точки соприкосновения, создать основу для соглашения, - ответил я. - Если же наше взаимопонимание будет носить поверхностный характер, то рано или поздно начнете думать, что я вас обманываю, а я - что вы обманываете меня. Если хотите, я готов провести месяц в Мюнхене, чтобы обсудить вопросы социализма и внешней политики с вами и с Розенбергом, враждебное отношение которого ко мне совершенно очевидно.

- Нет, - холодно ответил Гитлер, - слишком поздно. Я должен получить ответ немедленно. Если ты не согласен, уже в понедельник я начну действовать. «Кампфферлаг» немедля будет объявлено предприятием, враждебным национал-социалистической партии. Я запрещу любому члену НСДАП сотрудничать с твоими газетами, я исключу тебя и твоих приверженцев из партии.

Лишь с помощью громадного усилия воли я взял себя в руки, думая при этом в первую очередь о Грегоре, для которого мой окончательный разрыв с Адольфом будет означать еще большее отдаление от меня.

- Вам легко будет этого добиться, господин Гитлер, - спокойно ответил я,- но это лишний раз указывает на серьезные расхождения в наших революционных и социал-демократических взглядах. Те причины уничтожения «Кампфферлаг», которые вы называете, мне кажутся всего-навсего ширмой. Реальный мотив

ваших действий - желание сохранить лояльность и не разрушить ваше только что оформившееся сотрудничество с правыми буржуазными партиями.

На этот раз Гитлер не скрывал ярости.

- Я социалист, и социалист совсем другого сорта, чем ваш друг Эрнст Граф цу Ревентлов. Я был когда-то простым рабочим. Я не позволю, чтобы мои шофер питался хуже меня. Но ваш социализм - это не что иное, как марксизм. Рабочим массам ничего не нужно, кроме хлеба и зрелищ. Они ничего не поймут, если мы будем говорить с ними об идеалах, и нет надежды, что их когда-нибудь удастся убедить в обратном. Мы должны сделать совсем иное - выбрать из нового класса хозяев тех, кто не позволит, чтобы ими руководила морали низов. Ты, например, именно такой человек. Тот, кто управляет, должен знать, что имеет право управлять уже потому, что относится к нордической расе. Они должны отстаивать это право решительно и безжалостно.

Я был ошеломлен этими идеями и прямо сказал об этом Гитлеру.

- Ваши расистские идеи, - добавил я, - которым вы обязаны господину Розенбергу, не только коренным образом противоречат великой миссии национал-социализма, которая должна состоять в возрождении германской нации, но и приведут немецкий народ к гибели.

Но Гитлер, не слушая меня, продолжал говорить так, как будто он выступает на митинге:

- Вы проповедуете самый обыкновенный либерализм. Возможен лишь один вид революции, и это не экономическая, политическая или социальная революция, а революция расовая, и так было и будет всегда; борьба низших классов и низших рас с высшей расой за власть. В тот день, когда высшая раса забудет об этом законе развития человеческого общества, она погибнет. Все революции - а я тщательно изучал их - были революциями расовыми. Когда ты прочтешь новую книгу Розенберга [Речь идет о знаменитой книге Альфреда Розенберга «Миф XX века», ставшей своеобразной библией нацизма], ты поймешь все это. Это самая сильная книга подобного рода, она даже лучше, чем «Основы девятнадцатого века» Хьюстона Стюарта Чемберлена. Твои мысли о внешней политике ошибочны, так как ты не обладаешь расовым знанием. Ты бы не стал открыто поддерживать движение за независимость Индии, если бы понял, что это призыв низших индусов к бунту против доблестной англо-нордической расы. Нордическая раса имеет право доминировать во всем мире - вот краеугольный принцип нашей внешней

политики. Поэтому любой союз с Россией, этим несчастным славяно-татарским государством, которым управляют жиды, невозможен. Знавал я этих славян в своей собственной стране! Германия может объединиться с ними для достижения общих целей только тогда, когда над ними господствуют немцы, как это было в эпоху Бисмарка. Сегодня же такое поведение было бы преступным.

- Но, господин Гитлер, подобные идеи не могут стать основой для внешней политики. Для меня главная проблема состоит в том, является ли данное политическое объединение благоприятным или неблагоприятным для Германии. Мы не можем позволить, чтобы нами руководили симпатии или антипатии. Одной из главных целей внешней политики Германии, как я уже говорил, должна стать отмена Версальских соглашений. Сталин, Муссолини, Макдональд, Пуанкаре - не все ли равно? Мудрый германский политик должен ставить во главу угла интересы Германии.

- Конечно, - согласился Гитлер, - интересы Германии превыше всего. Именно поэтому необходимо добиться взаимопонимания с Англией. Мы должны установить германо-нордическое доминирование в Европе и затем, в сотрудничестве с Америкой, во всем мире... Нам - земля, Англии - море...

Наш разговор все еще не достиг критической точки. Я посмотрел на часы, было десять минут пятого. Гитлер во внезапном изнеможении упал в кресло. Он тяжело дышал, словно уставший бегун.

- Не могли бы мы продолжить разговор завтра утром? - спросил я. - Внешняя политика для нас имеет чисто теоретическое значение, по ее проблемам до сих пор не принято никаких решений. Мы достигли вполне приемлемого на данный момент соглашения по вопросу о том, что считать благом для Германии. Культурные проблемы имеют для меня второстепенное значение. Главный вопрос - это вопрос экономического и социального устройства общества. Меня не устраивает политика партии по этому вопросу, и я готов подвергнуть ее серьезной критике.

Гитлер протянул мне руку. В третий раз его глаза наполнились слезами.

- Завтра в десять часов.

В тот же вечер я подробно рассказал о нашей беседе своим друзьям - Рихарду Шапке, Гюнтеру Кюблеру, Герберту Бланку, Паулю Бринкману и они попросили записать для них содержание этих разговоров.

Я не спал всю ночь, делая записи и готовя вопросы, которые

хотел поставить перед Гитлером на следующий день.

На следующее утро, перед выходом из дома, я коротко объяснился с Грегором, дабы уточнить его позицию.

Адольф Гитлер как раз заканчивал завтрак, когда я вошел в обеденный зал гостиницы. Он встал и попросил меня следовать за ним.

В читальном зале нас ждали четверо: Рудольф Гесс, издатель «Фёлькишер беобахтер» Макс Аманн, наш коллега Ганс Хинкель и мой брат Грегор.

- Господин Гитлер, я ожидал, что мы продолжим нашу беседу тет-а-тет, - выразил я свое недовольство. Мне казалось, что наедине с моим противником мне было бы легче понять его намерения.

- Этим господам, - ответил он, - будет очень интересно выслушать наши аргументы.

В конце концов это была не такая уж плохая идея - поговорить в присутствии свидетелей. Однако опасность моего положения была очевидной - эти люди изначально были на стороне Гитлера.

Адольф предложил мне начать разговор.

- Я хотел бы обсудить с вами несколько вопросов, господин Гитлер. Разделяете ли вы мою уверенность в том, что наша революция должна иметь тотальный характер, затрагивая политическую, экономическую и социальную сферы? Предполагаете ли вы, что эта революция будет с одинаковой силой противостоять как марксизму, так и капитализму? И не признаете ли вы в таком случае, что наша пропаганда должна с одинаковой силой атаковать и тех, и других, чтобы добиться победы германского социализма?

Затем я изложил ему пункты программы Штрассера в той форме, как они были записаны в Ганновере, и рассказал о нашей идее национализации промышленности.

- Это марксизм! - вскричал Гитлер. - Более того, это большевизм! Демократия уже превратила наш мир в руины, и вы еще хотите распространить ее действие на экономическую сферу. Это будет гибелью германской экономики. Вы хотите положить конец прогрессу человечества, который может быть достигнут исключительно личными усилиями великих ученых и великих изобретателей.

- Я не верю в неизбежный прогресс человечества, господин Гитлер. За последние несколько тысяч лет человек не изменился. Возможно, изменился его внешний вид и условия жизни, но не более. Но не думаете же вы, что Гете был бы более счастлив, если бы он ездил на автомобиле, я Наполеон - если бы он мог

выступать по радио? Ступени эволюции человечества повторяются в жизни отдельных людей. Тридцатилетний человек уверен, что относительно своих двадцати лет он достиг существенного прогресса в жизни; такими же иллюзиями человек живет и в сорок лет. Но в пятьдесят человек уже редко говорит о прогрессе, а в шестьдесят он уже навсегда закрывает эту тему.

- Теории, голые теории, - ответил Гитлер. - Человечество движется вперед, и его прогресс является результатом деятельности великих людей.

- Но роль этих великих людей совсем не та, как вы об этом говорите, господин Гитлер. Люди не создают и не изобретают великих исторических эпох; наоборот, они - эмиссары и орудия судьбы.

Адольф Гитлер стал холодным и высокомерным.

- Ты отрицаешь, что я - создатель национал-социализма?

- Я вынужден это отрицать. Национал-социалистическая идея рождена временем, в котором мы живем. Она живет в сердцах миллионов немцев, и она нашла свое воплощение в вас. То, что она одновременно родилась в умах огромной массы людей, доказывает ее историческую необходимость; это также доказывает, что время капитализма прошло.

На это Гитлер ответил длинной тирадой. Он старался доказать мне, что капитализм как таковой не существует, что идея автаркии [(греч. autfrkeia) - самоудовлетворение - экономическая политика, направленная на обособление страны от экономики других стран. В качестве основных средств такой политики используются: установление высоких ограничительных пошлин на ввозимые товары; повышение цен на товары потребительского назначения и др. (Прим. пер.)] - это безумие, что европейская нордическая раса должна будет организовать мировую торговлю на основе товарообмена, и наконец, что национализация, или социализация, в том виде, как я ее себе представляю, - это обыкновенный дилетантизм, если даже не большевизм. Замечу, между прочим, что социализация или национализация имущества - это тринадцатый пункт официальной программы самого Гитлера.

- Допустим, господин Гитлер, что завтра вы приходите к власти. Что вы будете делать с Крупном? Оставите вы его в покое или нет? - поинтересовался я.

- Конечно, я оставлю его в покое, - закричал Гитлер, - Не считаешь ли ты меня сумасшедшим, способным разрушить великую германскую промышленность?

- Если вы хотите сохранить капиталистический режим, то вы не имеете права говорить о социализме, - твердо сказал я. - В

глазах наших приверженцев вы являетесь социалистом, и в вашей программе содержится требование социализации частных предприятий.

- С этим словом «социализм» сплошные проблемы, - сказал Гитлер. Он пожал плечами, на мгновение задумался, а затем продолжил: - Я никогда не говорил, что все предприятия должны быть национализированы. Нет, я утверждал, что мы могли бы национализировать только те предприятия, которые наносят ущерб национальным интересам. В других же случаях я считал бы преступлением разрушение важнейших элементов нашей экономической жизни. Возьмите итальянский фашизм. Наше национал-социалистическое государство, как и фашистское государство, должно стоять на страже интересов как рабочих, так и работодателей, и выполнять функции арбитра в случае возникновения споров.

- Но при Муссолини проблема отношений труда и капитала остается нерешенной. Она даже не ставится. Она просто игнорируется. Капитализм остается целым и невредимым, и вы тоже предлагаете оставить его в покое.

- Господин Штрассер, - сказал Гитлер, рассерженный моими ответами, - существует только одна экономическая система, и эта система предполагает власть вышестоящих, а также их ответственность за результаты. Я попросил господина Аманна взять на себя ответственность за работу своих подчиненных и использовать для этого всю свою власть над ними. Аманн вызвал к себе менеджера и попросил его взять на себя ответственность за работу машинисток и использовать для этого всю свою власть; эта система действует на всем протяжении иерархической лестницы, вплоть до самой низшей ее ступени. Так было на протяжении тысяч лет, и так будет всегда.

- Несомненно, господин Гитлер, административная система остается одинаковой, независимо от того, будет государство социал-демократическим или капиталистическим. Однако реальный смысл трудовых отношений зависит от государственного режима, при котором они имеют место. Если еще несколько лет назад были возможны такие факты, когда горстка людей, не страдающих психическими расстройствами, смогла вышвырнуть на улицу миллион рабочих Рура, и такие действия были вполне законными и не противоречили морали нашей экономической системы, то это значит, что преступна сама система, а не эти люди.

- Но не существует причин для того, чтобы давать рабочим право на долю доходов их предприятий, и тем более давать им право голоса при решении проблем этих предприятий, - ответил

Гитлер, глядя на часы и проявляя признаки явного нетерпения. - Сильное государство должно следить за тем, чтобы производство отвечало национальным интересам. Если же эти интересы нарушаются, государство может приступить к национализации такого предприятия и к смещению его администрации.

- С моей точки зрения, это ничего не меняет, господин Гитлер. Если вы готовы, в случае необходимости, экспроприировать частную собственность, зачем использовать для этого местные власти и оставлять этот вопрос в их компетенции? Зачем рисковать, отдавая все на произвол людей, которые могут быть неправильно информированы? Зачем верить сомнительным информаторам вместо того, чтобы установить право вмешательства государства в деятельность частных компаний как неотъемлемую часть нашей экономики?

- Здесь, - лицемерно вздохнул Гитлер, - мы совершенно расходимся. Разделение доходов предприятия среди рабочих и их право на участие в управлении заводом - это марксистские принципы. Я считаю, что право оказывать влияние на деятельность частных предприятий должно принадлежать только государству, которым руководит высший класс.

В половине второго появились Франц Штер и Вальтер Бух. Они явно пришли за Гитлером. Адольф извинился, а затем прошел с ними в свою комнату. Рудольф Гесс последовал за ними.

В тот день никто не повышал голос, и не было яростных споров. Но ситуация стала совершенно ясной, и я ожидал, что Гитлер в тот же вечер, или в крайнем случае на следующее утро, приступит к исполнению своих угроз. Однако Гитлер ничего не предпринимал.

Решить проблему с нами было поручено Геббельсу, который начал действовать как обычно - трусливо и подло.

С начала июня моих внештатных сотрудников начали исключать из партии. Гитлер был еще недостаточно силен, чтобы открыто запретить наши газеты и преследовать меня, как он угрожал, хотя я рассчитывал, что он опубликует открытое письмо, где объявит о разрыве со мной, или совершит какой-нибудь подобный шаг.

Когда пришел черед Рихарда Шапке быть исключенным из партии за яркую критическую статью о методах работы Гитлера, я заявил о своей солидарности с ним и обратился к Геббельсу с просьбой собрать в Берлине конференцию партийных работников.

К моему большому удивлению, Геббельс согласился. Однако, когда вечером 2 июля я собирался войти в здание, где проходила эта встреча, офицер СС, за спиной которого стояло еще пять

эсэсовцев, сообщил мне, что я не могу войти в зал, так как не являюсь жителем Берлина. С формальной точки зрения он был прав, так как на встречи такого рода приглашались лишь жители данного политического округа. Я продолжал настаивать на своем, поскольку встреча была назначена по моей просьбе, но офицер остался непреклонен.

Тем временем конференция началась. Здание было окружено чернорубашечниками, не пропускавшими «чужаков».

Геббельс в своем излюбленном стиле пытался оправдать изгнание Шапке из партии. Когда он закончил, слова попросил мой лучший друг майор Бухруккер.

- К сожалению, я не могу дать вам слова, так как против вас возбуждено партийное расследование.

- Против меня? - воскликнул Бухруккер. - Я ничего об этом не знаю!

- Вы получите уведомление об этом вечерней почтой.

Эта комедия повторилась, когда для выступления поднялся Герберт Бланк. В результате 117 членов партии из тысячи присутствовавших на конференции покинули зал в знак протеста.

Тем временем я продолжал стоять на улице, а мои друзья сообщали мне о том, что происходило внутри. Мы немедленно поехали к дому Бланка, а затем и к дому Бухруккера, но никаких уведомлений не обнаружили.

Тем же вечером я встретился с братом.

- Грегор, поскольку Гитлер не отваживается открыто порвать со мной, я сам порву с ним. Завтра я выхожу из партии, - заявил я ему.

- Очень хорошо, - сказал Грегор. - А я должен остаться.

Мы попрощались.

3 июля я послал Гитлеру ультиматум следующего содержания: «Господин Геббельс исключил некоторых моих товарищей из партии. На вчерашней встрече он под смехотворными предлогами отказал другим моим коллегам в праве выступить. Если подобные действия не будут объявлены противозаконными в течение ближайших двадцати четырех часов, я буду считать себя и своих друзей покинувшими ряды партии».

Эта телеграмма так и осталась без ответа.

4 июля 1930 года я вышел из Национал-социалистической рабочей партии Германии.

Глава 8. ЦЕНОЙ ПРЕДАТЕЛЬСТВА К ВЛАСТИ

4 июля я снова стал свободным человеком. Я продолжал, как обычно, выпускать свои газеты, которые вышли с броскими заголовками на первой полосе: «Социалисты выходят из нацистской партии». Я опубликовал свою последнюю беседу с Гитлером почти дословно, под сенсационным заголовком.: «Министерский пост или революция?»

Естественно, что все немецкие газеты, кроме гитлеровских, подхватили эту тему и обыгрывали ее, как могли. Разрыв был полным. Мне оставалось только собрать моих приверженцев и перейти в наступление.

Вызов был брошен, и мои газеты сообщили о скором создании «Боевого содружества революционных национал-социалистов». Гитлер и Геббельс ответили хорошо организованной пропагандистской кампанией. Региональные лидеры СС и СА объявили, что каждый, кто станет поддерживать меня или читать мои газеты, будет немедленно исключен из партии. Гитлеровская «Фёлькишер беобахтер» и геббельсовская «Ангриф» старались перещеголять друг друга в клевете и злословии. Гитлер сам взял в руки перо, чтобы обозвать меня сомнительным и бездарным писакой и скрытым большевиком, а Геббельс заявил, что я состою на жаловании у Сталина.

Я вспомнил, что, увольняясь из армии, я попросил своего непосредственного командира, ставшего впоследствии знаменитым специалистом по геополитике и профессором, Карла Хаусхофера, дать мне армейскую характеристику. Поскольку революция 1918 года помешала мне получить ордена Макса-Иосифа и «За заслуги», к которым я был представлен, я постарался получить эту характеристику. В ней упоминались все мои знаки отличия, в том числе баварская медаль «За заслуги», Железный Крест первой и второй степени, нашивки за ранения и благодарности в приказах. Там указывались все сражения, в которых я принимал участие, а в заключение мой командир написал: «Штрассер - человек, беззаветно преданный делу, которое считает правым, и защищает его с непоколебимой смелостью».

Опубликовав этот документ, я ответил на клеветническую кампанию в свой адрес.

Первый раунд был выигран, но будущее оставалось туманным. Все стало ясно вечером 10 июля, когда я возвращался

на станцию в Бранденбурге, который расположен недалеко от Берлина, со своим другом Бремом, инвалидом войны. Это был вечер того дня, когда состоялся первый митинг «Черного фронта».

Внезапно нас атаковала большая группа людей, похожих на хулиганов. Кто-то из них швырнул мне горсть перца в глаза. Не теряя времени, я бросился через дорогу на противоположную сторону улицы. Нападавшие не достигли своей цели, поскольку я все-таки мог видеть одним глазом. Я увидел, что мой товарищ сбит с ног и лежит посреди дороги, а мои противники готовы броситься на меня. Я выхватил револьвер и закричал:

- Первый, кто двинется с места, будет убит!

Затем я подошел к моему раненому другу, помог ему подняться и двинулся обратно к противоположной стороне улицы, одной рукой поддерживая товарища и держа на прицеле наших врагов, которые были вооружены только ножами и дубинками.

Брем истекал кровью, и нам пришлось нелегко - ведь он был инвалидом на деревянной ноге. Из последних сил мы продолжали двигаться к станции, и время от времени я очень громко и внятно повторял хулиганам свое предупреждение. Улицы опустели, как по мановению волшебной палочки, - никому не хотелось быть замешанным в политическом столкновении.

- Я знаю их всех. Это штурмовики, - шепнул мне на ухо Брем, который занимал ответственный пост в своем политическом округе.

- Я так и думал, - ответил я.

Под защитой моего верного браунинга мы добрались до станции, где моему верному другу оказали необходимую помощь. На следующий день мы подали в суд на нападавших, и они были приговорены к двум годам тюрьмы.

Поскольку пропагандистская кампания, полная оскорблений и чудовищной клеветы, проводимая всеми имеющимися у Адольфа средствами, не дала необходимого эффекта, то он решил разорить меня. Эта задача казалась ему несложной. Все, что он должен был сделать, - это изъять доли моего брата Грегора и Ганса Хинкеля в «Кампф-ферлаг», а затем сообщить мне, что фирма будет закрыта, ее работа прекращена, а газеты конфискованы.

Таким образом, я остаюсь без всяких средств в самом начале своей новой деятельности, и передо мной встает задача колоссальной сложности.

Мой уход вкупе с его причинами взбудоражил партию. Однако это не привело к сколько-нибудь ощутимому расколу. Решение Грегора остаться в партии убедило абсолютное

большинство штрассеристов в том, что они могут поступить так же, не становясь предателями своего дела. Гитлер был на подъеме. У него были деньги, и в его распоряжении находились отряды СА, построенные по архчейскому принципу. Политических убеждений у штурмовиков не было; униформа и безоговорочное подчинение - вот все, что им было нужно,

Члены партии, которые последовали за мной, в основном были идеалистами, и их число, понятное дело, было очень небольшим. Но вскоре в наши ряды влились члены отрядов «Стальной шлем», «Вервольф» и «Младогерманский Орден» - военизированных ненацистских формирований.

Теперь в них вступали не только ветераны войны. В поисках политических идеалов туда шли представители нового поколения. Веймарская республика была для них отвратительна, а гитлеровская пропаганда еще не успела развратить их. Весть о моем разрыве с Гитлером дала им новую надежду.

Затем к нам присоединилось Крестьянское революционное движение, лидер которого Клаус Хайн приехал из Шлезвиг-Гольштейна. Это были деревенские парни внушительного вида с бомбами в руках и без намека на страх в глазах. В Силезии это движение возглавлял мой друг Рихард Шапке.

Таким образом, я мог опираться на группы верных сторонников. В мои планы не входило терроризировать страну или использовать те же методы, что и нацисты. Однако я должен постоянно быть в состоянии дать нацистам решительный отпор. В первую очередь мне нужно было привлечь на свою сторону немецких социалистов и дать возможность широким массам познакомиться с моей программой и идеями.

В это время у меня начали налаживаться контакты с одной из самых интересных груш; - «Таткрайс» («Кружок Действия»). Это был союз интеллектуалов, а выпускаемая ими газета «Ди Тат» («Действие») имела большую популярность в военных кругах. Во главе этой группы стоял доктор Ганс Церер, а его заместителем был замечательный чело-пек - Фердинанд Фрид, который сейчас является единственным и чрезвычайно полезным помощником министра господина Дарре. Фрид только что опубликовал сенсационную книгу «Сумерки капитализма».

Все эти разнообразные элементы вскоре объединились в «Черный фронт», невидимую, но вездесущую силу, внушавшую ужас Гитлеру и его приспешникам даже тогда, когда мне пришлось уехать за границу.

Создание подобного тайного общества было связано с множеством проблем. У нас не было денег, и мы не могли рассчитывать на официальные пожертвования своих сторонников.

Каждый из нас оставался членом своей организации, и нас объединяла лишь взаимная симпатия. Это была разновидность масонской организации, которая пустила корни в каждом классе, касте или партии германского общества. Руководящее ядро организации, которое я возглавлял, состояло из верных друзей, порвавших с нацистами и официально сотрудничавших с «Черным фронтом». Остальные члены организации оставались в тени. Таким образом, слово «черный» в названии «Черный фронт» означало еще и невидимость и неуловимость наших действий для немецкого общества.

«Черный фронт» должен был стать «школой офицеров и сержантов Германской революции». Эмблемой официальных членов партии была булавка в виде скрещенных меча и молота. Вместо «Хайль Гитлер!» мы кричали «Хайль Дойчланд!».

Журнал «Ди Тат» не соответствовал нашим целям. Нам нужен был, по крайней мере, еженедельник, и мы выпустили первый его номер, не зная даже, хватит ли у нас денег, чтобы выпустить второй. Однако наше дерзкое предприятие имело успех, превзошедший всякие ожидания. Мы не только не влезли в долги, но напротив, газета, которую сначала мы назвали «Германская Революция», а затем просто «Черный фронт», стала расходиться большим тиражом. В ней мы излагали принципы возрождения Германии, а также развлекали читателя интересными подробностями из жизни партии Гитлера. В 1931 и 1932 годах мы начали выпуск трех еженедельников - в Берлине, Бреслау и даже в Мюнхене.

Я контактировал только с теми лидерами организаций, которые нам симпатизировали. Им я передавал листовки и памфлеты, да и всякую другую литературу, из которой они могли узнать об основных пунктах нашей программы национального возрождения, что и было моей главной целью.

Мы проводили собрания «Черного фронта» в обстановке строжайшей секретности в помещениях, принадлежащих «Таткрайс». Эта организация интеллектуалов с каждым днем становилась все сильнее. Наши местные лидеры предельно тщательно проводили отбор новых членов. Большинство сержантов и офицеров начали регулярно читать «Ди Тат», тираж которой увеличился десятикратно. На «кружках», как назывались наши тайные собрания, офицеры стояли плечом к плечу с членами профсоюзов и пылкими молодыми интеллектуалами. У членов «Черного фронта» были звания, как принято и в масонской ложе. И такие «собрания» действовали во всех больших гарнизонных городах и промышленных центрах.

Гитлер, освободившись от настоящих революционеров в

рядах партии, почувствовал себя свободным и полным ходом двинулся навстречу реакционным силам старого режима. Ничто уже не мешало ему создать тесный альянс с финансистами и промышленными магнатами. От своих богатых и влиятельных покровителей он ожидал помощи в получении права выступления на публичных митингах в Берлине, и в конечном итоге, естественно, содействия в достижении победы в Северной Германии. Он также обдумывал возможность сместить Грегора и планировал расширить сферу деятельности штурмовиков, на грубой силе которых держалась вся его власть в партии. Роль первой ласточки, приносящей весну, здесь сыграл Тиссен, сразу же за ним последовали Гугенберг и Шахт.

Альфред Гугенберг - любопытная личность, типичный пруссак старой закалки, тяжелый, умный, грубый, но более-менее честный. Он был лидером пангерманцев, партии, которой сильно симпатизировали промышленники. Душой этой партии всегда была Пруссия. Кстати, между пангерманцами и великогерманцами, которых часто путают друг с другом за границей, есть существенное различие. Первые стремятся к доминированию Германии во всем мире, в то время как цель вторых - объединить все земли, населенные немцами, возможно, в виде какого-либо федерального государства, при отсутствии каких бы то ни было империалистических амбиций.

Гугенберг был единственным человеком в Германии, который осознавал жизненную важность пропаганды. Во время мировой войны он управлял величайшей пропагандистской машиной в мире. Концерн Шерла, который печатал большую часть правых газет, официальное агентство новостей «Телеграфен Юнион Интернационале» и кинокомпания «УФА» являлись его частной собственностью.

Сотрудничество с Гугенбергом означало бы тысячекратное усиление мощи нацистской пропаганды, а Гугенберг со своей стороны старался усилить свое влияние на немецкий народ. Одним из тех, кто пользовался доверием Гутенберга, был советник Банг из Дрездена, один из ведущих промышленников Саксонии, участвовавший в подготовке ультиматума Гитлеру. Этот человек также постоянно контактировал с фюрером. Советник с искусством дипломата свел этих двоих.

Шахт и Гитлер познакомились примерно таким же образом. Вскоре после того, как Ялмар Шахт вышел из демократическои партии в знак протеста против экспроприации имущества императорской семьи, Гитлер встретился с ним, держа эту встречу в строгом секрете от партии. В дневнике первой жены Геринга записано: «Мы с Германом ждем сегодня в гости Ялмара

Шахта и Адольфа Гитлера». Впоследствии мы узнали, что Шахт согласился на сотрудничество с Гитлером при условии устранения братьев Штрассер.

Для этого сотрудничества не возникало (или почти не возникало) никаких препятствий. Шахт вынужден был уйти с поста президента Рейхсбанка в связи с тем, что он не согласился принять репарационный план Янга. У Шахта были непомерные амбиции: он мечтал стать канцлером или по меньшей мере министром национальной экономики в правом кабинете и оспаривал у Франца фон Папена право называться самым бессовестным оппортунистом Германии.

Альянс Гитлер - Гугенберг - Шахт укрепился очень быстро, и его результат не замедлил сказаться. В течение нескольких месяцев НСДАП, с треском провалившаяся на последних выборах, приобрела тысячи новых голосов. Эффективность ее пропаганды неизмеримо возросла, а программа партии стала значительно разумнее, чем прежде. Даже самые робкие решались поддержать движение, на котором стояло клеймо Гугенберга и Шахта. Умелая пропагандистская кампания пригнала на избирательные участки даже самых равнодушных и апатичных. Выборы в сентябре 1930 года напоминали всеобщую мобилизацию, и партия Гитлера получила 107 мест (вместо 14 на предыдущих выборах).

Нетерпеливый Адольф полагал, что класть уже практически у него в руках, когда среди его сторонников произошел серьезный бунт.

«Черный фронт» поставил своей целью разоблачать все закулисные маневры лидера нацистов и его продажность. Удар был нанесен точно в цель. Военизированные формирования СА в Берлине, прочитав памфлеты, которые распространялись агентами «Черного фронта», были возмущены партийными махинациями, и возглавлявший их капитан Стеннес задумал поднять мятеж против Гитлера.

В страстную пятницу 1931 года берлинские штурмовики во главе со Стеннесом в полной униформе захватили здание, в котором жил Геббельс и печаталась газета «Ангриф».

Геббельс, которому удалось бежать, не нашел ничего лучше, как позвонить заместителю начальника берлинской полиции еврею Вайсу, против которого он написал скандально известный памфлет «Книга Исидора». Вполне естественно, что Вайс не спешил вмешиваться. Так что храбрый Йозеф Геббельс сел на поезд и выехал в Мюнхен, откуда он по телефону давал смелые советы своим соратникам.

Стеннес сообщил мне, что произошло.

- Геббельс в бегах, а полиция уже начинает действовать

против нас, - сказал он.

Я немедленно приехал в редакцию «Ангриф».

- Что нам делать? - спросил он. - Мы планировали мятеж с согласия Геббельса, но в последний момент он предал нас, предупредил полицию и бежал в Мюнхен, где ищет защиты у Гитлера.

- Мятеж, который не перерастает в революцию, обречен. Мы должны держаться до конца, - ответил я.

Штурмовики удерживали здание редакции три дня и печатали там свою газету. Было объявлено, что Гитлер и Геббельс снимаются со своих постов. Гауляйтеры Северной Германии поддержали Стеннеса в борьбе за всеобщую национальную революцию, и все их газеты широко и подробно освещали второе предательство Геббельса. Только Роберт Лей в Кельне оказался единственным гауляйтером, который вновь выступил в роли пятой колонны, оставшись верным фюреру.

Тем временем в Мюнхене тайно готовился контрпереворот. Это была не политическая интрига, а вооруженное выступление людей, которым Гитлер безоговорочно доверял. Все высшие партийные начальники Севера были смещены со своих должностей. Но для того, чтобы нанести контрудар и сокрушить людей Стеннеса, нужна была твердая рука. Пфеффер фон Саломон не подходил для этой цели. Один, и только один человек мог спасти Гитлера - это его старый друг Рём, который только недавно возвратился из Боливии. Адольф без колебаний обратился к нему, и Рём согласился помочь, несмотря на то что был сильно разочарован в Гитлере.

Насилие всегда порождает насилие. Для разгрома мятежников Рём выбрал обер-лейтенанта Пауля Шульца, человека с темным прошлым, убийцу из «Феме», организации, одно название которой заставляло содрогаться всю Германию. Шульц, несомненно, как нельзя лучше подходил для выполнения подобной задачи. Мятеж СА, которому не удалось перерасти в революцию, был разгромлен в послепасхальный понедельник. Такой финал стал результатом действий Шульца и помощи со стороны СС и полиции.

«Мятежникам и мученикам не место в наших рядах, - напутствовал своих посланцев Эрнст Рём. - Не стесняясь, применяйте силу и обещайте щедрое вознаграждение тем, кто будет сдаваться».

Тем временем Гитлер также прибыл в Берлин. Может, он, как и в сентябре прошлого года, ходил из кафе в кафе, уговаривая штурмовиков отступить и не ухудшать своего положения?

Нет. Времена изменились. Во время последних выборов

волнения в СА могли привести к потере голосов. Теперь, когда партия имеет 107 мест, а бунт подавлен, Гитлер может позволить себе разразиться высокопарным манифестом.

Из путча Стеннеса ничего не вышло. В результате поверженный капитан, а с ним и тысячи решительно настроенных людей перешли под знамена «Черного фронта».

Новообращенный Рём не удовольствовался спасением Гитлера. Как начальник штаба СА он приказал, чтобы с этих пор к Адольфу обращались исключительно «мой фюрер» и в третьем лице.

Так умер «барабанщик революции» и официально родился «фюрер» немецкого народа.

Адольф должен был бы умилиться, видя подобную преданность, но недавний опыт сделал его недоверчивым. Если Франц Пфеффер фон Саломон оказался некомпетентным, а Вальтер Стеннес - предателем, то и Эрнст Рём, с которым у Гитлера уже случались яростные ссоры, однажды тоже может отвернуться от него. Для защиты от подобной опасности необходимо было создать подразделения ударных войск, беззаветно преданных лично фюреру. С этого момента начинается стремительный взлет небольшой военизированной организации СС, вместе с которой поднялся до небывалых высот и Гиммлер. Глава СА Эрнст Рём и глава СС Генрих Гиммлер были на ножах. Гитлеру доставляла удовольствие их взаимная неприязнь. Макиавелли похвалил бы своего ученика - никогда еще принцип «разделяй и властвуй» не был применен так удачно.

Естественно, гитлеровские наемники постоянно мешали деятельности «Черного фронта». Наши тайные встречи часто прерывались, а полиция объявила, что она не в состоянии защитить наших людей от нападений нацистов. Когда нас было мало, гиммлеровские головорезы вклинивались в наши ряды, штурмовали трибуну и не давали оратору сказать ни слова. В Бремене в потасовке Хелкен сломал руку и получил ножевые ранения в грудь и в живот. Как-то раз меня избили дубинками, я был ранен в глаз, и мою жизнь спасло лишь вмешательство нескольких отчаянно смелых парней из «Стального шлема». Когда я встретился в суде с теми, кто напал на меня, один из них признался, что был отдан приказ бить меня во время выступления, но поскольку им не удалось отключить электричество и погрузить зал в темноту, то пришлось отказаться от этой идеи.

Еще более кровопролитное столкновение произошло в Итцехое (Itzehoe). Мой друг майор Бруно Эрнст Бухруккер - один из основателей «Черного фронта», должен был встретиться с

молодым ветеринаром-хирургом доктором Гранцем, которого гитлеровская партия окрестила «герой Вердена». Это был приятный человек, смелый, интеллигентный и честный; в 1929 году он привел гитлеровцев к победе в жестокой схватке с коммунистами, в которой погибло несколько человек. Адольф пришел на похороны жертв этого сражения. Он обнял «героя Вердена» у мотал его товарищей и воскликнул, рыдая: «Доктор Грани, я никогда не забуду этой минуты!»

Менее чем через два года, узнав о встрече Бухруккера с Гранцем, он рявкнул: «Избавьтесь от него!» Гиммлер понимал, чего от него ждут.

Тайная операция, которая должна была стоить жизни Бухруккеру и «герою Вердена», имела лишь частичный успех. Мои товарищи, наученные горьким опытом, были вооружены и не теряли бдительности. Нападение было отбито, хотя Гранц был ранен, а Бухруккеру разбили нос. Бедный доктор Гранц! Пожалуй, было бы лучше, если бы он погиб от полученных ран. С 1933 года он находится в концентрационном лагере. В течение шести лет ему не предъявляют обвинение и даже ни разу не вызвали на допрос. Подобные инциденты происходили в Гамбурге, Франкфурте и Штутгарте. И хотя бандам убийц было поручено прикончить моих друзей, в отношении меня они получили строгий приказ взять живым и невредимым. Даже ранить меня им было запрещено.

Это оказалось нелегкой задачей. Я вспоминаю головокружительную погоню в маленьком городке Росток. Я возвращался с митинга, когда увидел, что меня окружили. Мимо проезжало такси. Я выхватил револьвер и ухитрился запрыгнуть в машину и уехать. Мои преследователи тоже взяли такси, и началась погоня.

Их было двенадцать против меня одного, и каждый раз, когда я просил таксиста притормозить, чтобы он мог высадить меня у кафе, ресторана или винного магазина, сзади вырастал хвост из двух или трех такси. «Вперед», - кричал я водителю, и мы мчались дальше.

Внезапно прогремело два выстрела из револьвера, вдребезги разбивших стекло автомобиля. Водитель резко затормозил и, спасаясь от возможной гибели, бежал, бросив машину на произвол судьбы. Я оторвался от преследователей всего на две минуты, и необходимо было действовать решительно. Оказавшись у входа в многоквартирный дом, я без раздумий нажал кнопку звонка. К счастью, портье, который недавно запер двери, открыл мне сразу же.

- Что вам угодно? - спросил он, но я оттолкнул его, захлопнул

за собой дверь и помчался вверх по лестнице, перепрыгивая через четыре ступеньки.

На втором этаже я остановился и позвонил в первую попавшуюся дверь. Время чудес еще не прошло - дверь открыла женщина! Она пригласила меня войти; я объяснил ситуацию, и она позвонила в полицию.

Через десять минут открылась дверь соседней комнаты и вошла девушка. Ей было лет семнадцать.

- Хайль Гитлер! - сказала она вместо приветствия.

- Эта девушка - поклонница Гитлера? - спросил я ее мать.

Последовал утвердительный ответ.

Несмотря на всю сложность моего положения, ситуация показалась мне забавной. Я вытянулся по стойке «смирно» и представился в манере немецких офицеров:

- Отто Штрассер, лидер «Черного фронта».

Она вскрикнула и сильно побледнела.

- Люди Гитлера ждут меня у входа в ваш дом, - добавил я, - а полиции все еще нет.

Не отвечая мне, девушка подошла к окну и открыла его. Она высунулась наружу, осмотрела улицу и сказала серьезным голосом:

- Да, они там.

Бедная маленькая девочка! Какие жуткие истории она, должно быть, слышала обо мне и моих товарищах. Она вся дрожала. Я рассказал ей о погоне, и ее взгляд наполнился решимостью.

Но вот раздался скрип тормозов подъехавшей машины и топот убегавших людей. Зазвучали команды: «Сюда! Сюда! Задержать их!»

- Это полиция, - сказала девушка. - Теперь все в порядке. Я надеюсь, что большинство из них арестовано.

Еще очень долго я продолжал получать письма от этой девушки - былой поклонницы Гитлера.

Наши митинги постоянно подвергались нападениям, но практически всегда нападавшие получали решительный отпор. Вместо того чтобы запугать нас, эти преследования и нападения, наоборот, способствовали росту нашей популярности. К концу 1932 года «Черный фронт» стал значительной политической силой в стране.

Я придумал новую форму проведения митингов - в виде публичных дебатов между оппонентами. Каждому выступающему давалось 10 минут на изложение его точки зрения, после чего он уступал трибуну своему противнику. При желании первый оратор мог получить потом еще 10 минут для ответа оппоненту. Такой

подход казался мне абсолютно честным, - ведь каждая сторона имела возможность немедленно ответить на аргументы противоположной стороны. Нападки на отсутствующих оппонентов были запрещены. Если же кто-нибудь позволял себе переходить на личности, то ему раз и навсегда запрещалось принимать участие в прениях. Я обнаружил, что при таком подходе люди становятся значительно менее восприимчивы к краснобайству и обращают больше внимания на факты и аргументы сторон. Я оклеил берлинские стены плакатами с призывом к Гитлеру и Геббельсу принять участие в этих дебатах и попытаться оправдаться в наших глазах. Естественно, что этот призыв остался без ответа.

У Гитлера были куда более далеко идущие планы. В результате ловких и неожиданных маневров он получил надежду стать рейхсканцлером.

К концу 1931 года в Гарцбурге под совместным руководством Гутенберга, Гитлера и Шахта был создан единый фронт, куда входили нацисты, пангерманцы, «Стальной шлем» (в «Черный фронт» тайно входила лишь молодежная секция этой организации), СА и крестьянское движение Ландсбунд. Члены этого фронта не ладили друг с другом, и единственное, в чем они сходились, было желание сместить канцлера Брюнинга и заставить президента страны фельдмаршала Гинденбурга привести к власти правое правительство. Однако их надежды не оправдались. На выборах в рейхстаг в 1932 году с небольшим преимуществом победил Генрих Брюнинг.

Социал-демократы не испытывали особой любви к Брюнингу, который проводил политику всеобщей экономии, урезания заработной платы и снижения уровня жизни, но у них не было своего кандидата, который мог бы противостоять «неистовому оратору из Браунау».

Однако на горизонте появилась еще одна серьезная проблема - очередные выборы президента Германии. Гарцбургский фронт приобрел такое влияние, что без сотрудничества с ним повторное избрание Гинденбурга, за которое ратовал Брюнинг, казалось совершенно невозможным. Гитлер проинформировал Брюнинга, что он мог бы поддержать старого президента при условии, что тот создаст правый кабинет и назначит его канцлером. Сложилась парадоксальная, абсолютно уникальная в истории расстановка сил. Прусский милитарист фельдмаршал фон Гинденбург стал кандидатом демократических сил Германии, а революционера Адольфа Гитлера, которого финансировал Гарцбургский фронт, поддерживали реакционные элементы старой Пруссии.

Но Гугенберг был предусмотрительным человеком и

понимал, что опрометчиво оказывать Гитлеру безоговорочную поддержку. Гинденбург получил значительное большинство в первом туре, но в связи с тем, что коммунисты неожиданно внесли в списки кандидатов своего лидера Эрнста Тельмана, пришлось проводить второй тур. Гитлер, имея за спиной все голоса Гарцбургского фронта, резко пошел вверх, однако это не принесло ему ожидаемой победы. На пост президента был повторно избран Гинденбург. Во второй раз Генрих Брюнинг переиграл Адольфа Гитлера. Без постоянной поддержки своего канцлера Гинденбург не смог бы одержать победу.

Гитлер узнал о поражении, когда находился со всей своей свитой в Кобурге, в Баварии, и немедля разразился рыданиями, что он делает каждый раз, когда терпит поражение.

Однако в Германии все быстро меняется. Сегодня создается партийный альянс, а уже завтра он может быть разорван. На муниципальных выборах гитлеровская партия одерживала одну победу за другой, и вчерашний победитель Брюнинг вскоре почувствовал, что почва уходит у него из-под ног. Могущественные юнкеры предупредили Гинденбурга, что нынешний канцлер своими действиями толкает страну к большевизму. С другой стороны, энтузиазм Гугенберга и Шахта по поводу Гитлера сильно поостыл. После новых успехов Гитлер значительно отдалился от них и снова взял на вооружение старые революционные идеи. Игра в «одурачивание дураков» начиналась еще раз.

Президент отправил в отставку канцлера Брюнинга; его заменил новый выдвиженец Гугенберга Франц фон Папен. Со своей стороны Гитлер обещал фон Папену свою поддержку.

Под влиянием этого обещания лощеный франт фон Папен, капитан в отставке гусарского полка, бывший атташе дипломатического корпуса, владелец католического журнала «Германия», человек очень коварный, автор хитроумных ходов и коварнейших планов, которому поручались самые безнадежные миссии, неисправимый дилетант, обреченный постоянно испытывать горечь разочарования, почувствовал, что его положение дает ему возможность диктовать свои условия. «Гитлеру опять поставлен мат», - констатировал Гугенберг 20 июля 1932 года.

Но на выборах в рейхстаг 31 июля 1932 года нацисты получили 230 мест.

Вечером того же дня отряды СА, решив, что пришло время действовать, провели серию кровавых акций в Кенигсберге. Через несколько дней поступило сообщение о политических убийствах в Силезии. В Потемпе членами СА был забит до смерти на глазах

своей матери рабочий-горняк Пьетцух. Убийцы были арестованы и приговорены к смерти, но Гитлер заявил о своей солидарности с ними и послал им в тюрьму телеграмму с выражением симпатии.

Генерал Курт фон Шлейхер, министр рейхсвера в кабинете фон Папена, решил, что пора занять решительную позицию. Шлейхер был амбициозным человеком, склонным к интригам. Не так давно он сблизился с Эрнстом Рёмом и, с согласия последнего, одобрил свержение Брюнинга с поста канцлера - при условии, что Гитлер сам не будет претендовать на это кресло. Он же - с согласия Гитлера - вручил власть фон Папену. Теперь генерал фон Шлейхер сообщил нацистам, что, если они будут продолжать противозаконные действия, фон Папен объявит о введении военного положения, а части рейхсвера откроют по штурмовикам огонь на поражение.

Что было делать Гитлеру? Поднимать новый путч? А вдруг рейхсвер действительно получит приказ стрелять по СА и тринадцати миллионам немцев, поддерживающих Гитлера?

Но нет, Гитлер решил идти другим путем. В качестве награды за поддержку правительства фон Папена он настойчиво требовал «три ночи свободы для СА», то есть предоставления трех ночей безнаказанного насилия и убийств. Фон Папен отказался взять на себя ответственность за подобное решение, и на следующий день Гитлер, Рём и Фрик отправились на аудиенцию к президенту Гинденбургу.

Их встретил старик, опирающийся на трость. Нахмурившись, он смотрел на трех мужчин, стоящих перед ним.. Ему был отвратителен Рём с его наклонностями гомосексуалиста. Гитлер в его глазах оставался «богемским ефрейтором» (Гинденбург никогда не соглашался с тем, что Гитлер - австриец). Вильгельм Фрик же для него вообще не существовал.

- Вы требуете власти, - прорычал фельдмаршал. - Я могу предложить вам только министерство почт.

Гитлер пытался пуститься в объяснения, но фельдмаршал резко оборвал его.

- Вы нарушили данное Вами обещание поддерживать фон Папена.

Аудиенция продолжалась менее десяти минут. Упавшие духом нацисты ушли. Гинденбург шел с ними до двери и грозил палкой.

- И больше никаких актов насилия! - прикрикнул он им вслед.

Он был похож на Фридриха Вильгельма, короля-сержанта, который лично устраивал разносы своим мятежным вассалам.

И вновь произошла быстрая смена декораций. Поражение,

которое потерпел Гитлер, оказалось ничего не значащим. Его популярность росла, и он решил бороться с фон Папеном старыми парламентскими методами. В результате мы стали свидетелями замечательного спектакля под названием «Нацисты защищают институты Веймарской республики в берлинском рейхстаге». Геринг выступил в защиту демократии, а коммунисты объединились с нацистами. Это было недоступно пониманию обычного человека. В результате фон Папен был вынужден уйти в отставку и уступить пост канцлера генералу фон Шлейхеру.

План Шлейхера был очень прост: он хотел избавиться от Гитлера, но сохранить правильные и полезные элементы национал-социализма. Он хотел создать правительство, опирающееся на широкую поддержку народа, на рейхсвер, профсоюзы и интеллигенцию. Кого он мог избрать себе в помощники, кроме блестящего организатора и настоящего социалиста Грегора Штрассера?

Грегор Штрассер колебался. Если бы он согласился стать вице-канцлером, а возможно, когда-нибудь и канцлером, не станет ли это предательством по отношению к Гитлеру?

Он хотел, чтобы его совесть была чиста, и обратился с этим вопросом к президенту Гинденбургу.

«Я даю вам слово чести, - заявил Гинденбург, - что богемский ефрейтор никогда не будет канцлером».

Грегор поехал в Мюнхен, чтобы проконсультироваться с Гитлером и передать ему слова Гинденбурга.

После некоторых колебаний Гитлер дал принципиальное согласие на назначение Грегора вице-канцлером и пообещал приехать в декабре в Берлин, чтобы обсудить детали формирования нового кабинета фон Шлейхера.

Я уже отмечал, как быстро менялись события в 1932 году. Грегор, заручившись поддержкой Гитлера, предложил Шлейхеру нового союзника - лидера свободных немецких профсоюзов господина Теодора Лейпарта.

И вновь встревожилось прусское юнкерство. Для чего они свергали Брюнинга, если правительство вновь движется влево?

Осознав свою ошибку, Гугенберг и Шахт возобновили переговоры с Гитлером. Фон Папен также искал союза с ними. Примирение бывшего канцлера с Адольфом произошло в Кельне, в доме богатого финансиста еврейского происхождения Шредера, который оплачивал счета новой нацистской избирательной кампании.

- Все равно, пока старик жив, я никогда не стану канцлером, - сказал в этот день Гитлер.

- Ну, мой друг Оскар фон Гинденбург, сын президента,

говорил мне совершенно другое, - ответил фон Папен.

Это была преднамеренная ложь со стороны фон Папена, но этого оказалось достаточно, чтобы Адольф страшно обиделся на Грегора.

Через несколько дней при их встрече в Берлине разразился чудовищный скандал. Геринг и Геббельс, абсолютно сбитые с толку созданием правительства Шлейхера - Штрассера - Лейпарта, умело раздували ярость Гитлера, чтобы навсегда дискредитировать в его глазах Грегора и Лейпарта. «Грегор, - сказал Геринг, - хочет власти, чтобы свергнуть, а потом и уничтожить тебя».

Бледный от бешенства Гитлер бросил в лицо моему брату клеветнические обвинения, уже озвученные Герингом и Геббельсом.

- Господин Гитлер, неужели вы думаете, что я способен на подобные поступки? - спросил Грегор, глядя прямо в лицо человеку, которому он честно и преданно служил много лет, но до сих пор отказывался называть «мой фюрер».

- Да! - заорал ему в ответ Гитлер. - Я верю в это! Я убежден в этом! У меня есть доказательства!

Грегор резко повернулся и вышел из комнаты, не говоря ни слова.

В тот же самый вечер он ушел со всех своих постов, отказался от мандата депутата рейхстага и уехал с семьей на Юг. Он ни с кем не разговаривал, никого не посвятил в свою тайну, но остался в партии, решив в качестве рядового бойца продолжать борьбу за дорогие ему идеалы национал-социализма и за человека, который предал и оклеветал его.

Между тем в резиденции рейхсканцлера произошла не менее драматическая сцена.

- Правда ли это, - спросил фон Шлейхер своего старого друга фон Папена, - что вы с Гитлером готовите заговор против меня?

- Это ложь, - отвечал тот.

- Подумай, Франц, Ты можешь дать мне честное слово?

- Я даю тебе честное слово, - торжественно ответил капитан гусарского полка фон Папен.

Генерал Шлейхер, потерявший дар речи от возмущения, вынул из бумажника фотографию, на которой финансовый магнат Шредер беседовал с Гитлером и фон Папеном у входа в свой дом. Фон Папен попытался оправдаться, но Шлейхер прервал его.

- Хватит. Я знаю, чему верить, - сказал он.

В тот же вечер перед отъездом Грегор встретился со Шлейхером, Шлейхер был возмущен не столько деятельностью фон Папена, сколько его лживостью.

- И это офицер, немецкий офицер, - повторял он. - Мне стыдно за рейхсвер!

- Что вы собираетесь делать?

- Ничего. Любое мое действие будет выглядеть как личная месть. Меня не пугают их интриги.

Однако генерал Шлейхер оказался излишне самоуверенным типом. Оскар фон Гинденбург, коварный и подлый интриган, обратил внимание своего престарелого отца на мнимую моральную распущенность канцлера и его вымышленные любовные похождения. Речь от 15 декабря 1932 года, в которой канцлер выступил с заверениями в том, что он пойдет путем социальных реформ, и назвал себя «социальным генералом», испугала старого Гинденбурга не меньше, чем капиталистов. Дни пребывания фон Шлейхера у власти были сочтены, но он понял это лишь 28 января 1933 года, когда было слишком поздно.

За два дня до того я обедал с французской журналисткой мадам Женевьевой Табуи в ресторане на Унтер-ден-Линден.

- Совершенно нечего бояться, - уверяла меня эта очаровательная женщина.

- Я только что от Шлейхера, и он сказал мне, что крепко держит Гитлера в своих руках.

- Хорошо бы, - ответил я с улыбкой, - но если это так, то пусть держит его крепче, а то будет слишком поздно.

Интересно, вспоминает ли хоть иногда мадам Табуи эту нашу беседу?

И вновь Гинденбург заявил о том, что так продолжаться больше не может. «Красный генерал» Шлеихер должен уйти в отставку, а пост канцлера должен был вновь получить фон Папен. Гитлеру в крайнем случае следовало предоставить пост вице-канцлера.

Той же ночью состоялась встреча, в которой приняли участие Гитлер, фон Папен, Гугенберг и лидеры «Стального шлема» Зельдте и Дюйстерберг.

- Я должен стать канцлером, - настаивал Гитлер, - или я отказываюсь поддерживать новый кабинет.

Однако Гугенберг был непреклонен.

- Гинденбург доверяет фон Папену, мы доверяем фон Папену, поэтому фон Папен и должен быть канцлером.

Гугенберг и Зельдте не собирались уступать. Их поддержали Мейсснер и Оскар фон Гинденбург. Гитлер был в отчаянии. Его голос дрожал, а в глазах стояли слезы. Никто не заметил, как фон Папен неслышно выскользнул из комнаты.

- Я не позволю отодвинуть себя на вторые роли! - кричал Гитлер.

Тут неожиданно вошел фон Папен и шепнул что-то Адольфу на ухо.

На рассвете в комнату ворвался господин фон Альвенслебен.

- Мы должны действовать немедленно! - кричал он. - Шлеихер отказался уйти с поста канцлера. Он поднял по тревоге потсдамский гарнизон на случай непредвиденных осложнений.

Поднялась настоящая паника, поскольку завзятые реакционеры Гугенберг и Зельдте больше всего на свете боялись левой диктатуры, опирающейся на армию.

Речь идет о т.н. «Потсдамском путче» 1933 года, мнения историков о котором расходятся, многие считают, что он был выдуман придворной камарильей для запугивания Гинденбурга.

Эта новость заставила запаниковать и старого Гинденбурга, а за ним - его свиту и министров. Только фон Папен ехидно усмехался, пока Гитлер демонстрировал решимость и мужество бороться с возможной угрозой. Разве не он самый сильный человек в Германии? Разве нет у него отрядов СА, которые он может бросить на усмирение потсдамского гарнизона? Ни у кого не возникло вопроса, а был ли в действительности мобилизован потсдамский гарнизон? И хотя фон Папен был слишком скомпрометирован связями со Шлейхером, чтобы надеяться тут же вернуться к власти, тем не менее его уловка оказалась успешной. Лишь только часы пробили двенадцать, «богемский ефрейтор» явился к фельдмаршалу фон Гинденбургу уже в качестве канцлера германского рейха.

Гитлер оказался на вершине власти. Он не останавливался ни перед чем, чтобы добиться ее. Но он жаждал не просто власти - а абсолютной власти.

Но для чего же тогда Геринг и Геббельс, как не для того, чтобы преодолевать подобные незначительные препятствия?

27 февраля 1933-го в начале десятого вечерняя тишина на улицах Берлина была взорвана оглушительным ревом пожарных машин, несущихся через район, в котором находилась резиденция канцлера, в направлении зоопарка. В половине десятого весь Берлин уже знал, что произошло. Горел Рейхстаг.

Тысячи зевак собрались посмотреть на пожар. Здание было окружено полицией. Из огромной дыры в стеклянном куполе наружу вырывались языки пламени. И тут на сцене появились Геринг и Геббельс, произнося исторические речи. Они уже все знают о происшедшей катастрофе; вся глубина вины коммунистов - открытая книга для них.

Я был на станции Анхальт, когда увидел на небе отблески пламени. Я спросил у таксиста, что случилось.

«Наци подожгли Рейхстаг», - равнодушно ответил он.

Вероятно, две трети немцев догадывались, кто в действительности совершил это преступление. Ну и что это изменило?

На следующий день, 28 февраля, дряхлый президент Гинденбург, который был уже не в состоянии принимать решения самостоятельно, подписал декрет «в защиту народа и государства».

Официальная версия гласила, что «Гитлер спас Германию от большевизма».

Фактически же Гинденбург лично подвел законные основания под гитлеровский террор и диктатуру.

Глава 9. Гестапо следует по пятам

По всей стране, как по команде, прокатилась волна гитлеровского террора. Я понимал всю серьезность нашего положения. Преследования начинали приобретать легальную форму и опирались на всю мощь карательной машины государства. Тюрьма, пытки и смерть ожидали тех, кто попадал в цепкие лапы гестапо.

Мы предвидели возможность подобного поворота событий, и среди нас не было дезертиров. Мы решили продолжать борьбу и делали все, что было в наших силах.

4 декабря 1932-го деятельность «Черного фронта» попала под запрет, а все наши газеты были закрыты. Таким образом, еще до прихода Гитлера к власти нас вынудили работать в подполье. С началом нелегальной работы мы оказались вне закона и были объявлены врагами государства.

Мы заранее приняли некоторые меры предосторожности: вывезли из столицы документы и оружие и в течение нескольких недель занимались реорганизацией нашей работы в провинции.

До 27 февраля 1933-го не происходило ничего необычного.

Но после поджога Рейхстага у меня уже не было никаких сомнений, что вскоре последуют жесточайшие репрессии. Я слишком хорошо знал Адольфа Гитлера. Той же ночью я собрался и на рассвете отправился в небольшой курортный город в Тюрингии, в котором располагалась наша новая штаб-квартира.

Мой прогноз оказался абсолютно точным. В день моего отъезда гестапо, усиленное отрядами полиции Геринга, захватило все покинутые нами помещения. Хотя люди Гиммлера и Геринга перевернули все вверх дном, они не нашли ничего стоящего и устроили настоящий погром, выплескивая наружу накопившуюся злобу. Жертвами их налета стали сторож и человек, который прикрывал наш отъезд. Оба они были схвачены и отправлены в концлагерь Ораниенбург.

В течение недели в Берлине были арестованы сотни членов «Черного фронта». Волна арестов прокатилась и по провинциям, за исключением Баварии и Южной Германии, так как родину национал-социализма Гитлер прибрал к рукам на шесть недель позже, чем завоевал Пруссию.

Два месяца я тайно работал в Тюрингии, руководя оттуда своими сторонниками. Однажды утром зазвонил телефон. Член «Черного фронта», которому -удалось проникнуть в гестапо, хотел поговорить со мною немедленно.

- Мне угрожает опасность? - спросил я.

- Да. «Х» рассказал под пыткой в Ораниенбурге, где ты скрываешься.

Я немедленно отправился в гостиницу, находившуюся в нескольких милях отсюда. У меня там были друзья, у которых я и провел ночь.

В пять утра в близлежащем лесу меня ждала машина. За рулем сидел наш человек, переодетый штурмовиком.

- В Мюнхен, и как можно быстрее! - сказал я.

Не успели мы проехать и тридцати миль, как услышали знакомый звук полицейской сирены, и машина берлинской полиции на большой скорости перегнала нас. Я увидел, что в машине сидят несколько эсэсовцев.

- Это за нами? - спросил мой водитель.

- Не знаю, поехали скорее!

В Баварию вела всего одна дорога, и через семнадцать-восемнадцать миль мы увидели эсэсовскую машину, стоящую на обочине дороги.

- На этот раз это точно за нами, - пробормотал я.

- Мне остановиться?

- Нет, их слишком много, и лучше с ними не связываться.

К моему огромному удивлению, эсэсовцы не пытались нас остановить. Несколько часов они ехали за нами. Время от времени полицейская машина обходила нас, потом вновь уступала нам дорогу, а в конце концов бесследно исчезла.

Мы очень быстро добрались до маленького баварского городка Айнштадт. Я вздохнул с облегчением.

- Слава Богу, мы в Баварии. Останавливайся, здесь они не посмеют тронуть нас. Я пойду и предупрежу жену о своем приезде.

Каково же было мое удивление, когда, выходя из почтамта, я увидел толпу баварцев, вооруженных дубинками и железными прутьями. Они осыпали угрозами восьмерых эсэсовцев, окруживших здание.

- Грязные пруссаки! - кричали они. - Убирайтесь в ваш вонючий Берлин и оставайтесь там!

Я еще не знал, что утром Гиммлер и Эрнст Рём свергли баварское правительство доктора Гельда и передали власть Гитлеру. Баварцы, ревниво отстаивающие свою независимость, приняли эту группу эсэсовцев за предвестников пруссианизации их родины, и потому встретили их так неласково.

Этот неожиданный инцидент дал мне возможность сесть в машину и уйти от преследования. Я не мог понять, почему эти хорошо вооруженные люди, значительно превосходящие нас числом, не арестовали нас по дороге в Баварию.

Через некоторое время агенту «Черного фронта» в гестапо удалось ознакомиться со специальным докладом эсэсовцев Генриху Гиммлеру, и я наконец-то получил объяснение этому факту.

- Зная Отто Штрассера, - говорилось в докладе, - и будучи уверенными, что он не расстается со своим пистолетом и по складу своего характера способен применить против нас оружие, мы решили дождаться наступления ночи, а потом атаковать его, предполагая ослепить его светом фар и захватить живым.

Именно это я и называю личным мужеством!

Ситуация для нас сложилась критическая. Я приказал всем членам «Черного фронта», которые были неизвестны полиции, идти в армию, вступать в полицию, СА, СС и продолжать свою деятельность внутри этих организаций. Гитлер ничего так не боялся, как проникновения настоящих честных немцев в ряды своих верных людей. В перспективе этот процесс мог бы привести к разложению самых преданных ему частей. Пока что Адольф приказал принять самые решительные меры против меня и во что бы то ни стало обнаружить мое местонахождение. Те несчастные люди, которые оставались мне верны, попадали в руки гестапо и подвергались жестоким пыткам. Большинство из них хранили молчание, но иногда какой-нибудь несчастный не выдерживал и рассказывал все, что знал. Для того чтобы свести риск к минимуму, я покинул Баварию и обосновался в Тевтобургском лесу. Теперь я всегда ходил под охраной людей, одетых в форму СА. В Пасхальное воскресенье я вызвал на встречу всех региональных лидеров «Черного фронта» Северной Германии. Встреча состоялась всего в нескольких милях от места, где тридцать тысяч местных штурмовиков шумно отмечали праздник. Это означало, что в наших рядах нет предателей, и подпольная организация функционирует превосходно.

Ближе к середине апреля я отправился в баварский город Чемси и назначил на 5 мая встречу региональных лидеров Юга. Мне особенно хотелось встретиться с нашим австрийским представителем. Я хотел провести с ним переговоры на случай, если в Германии станет слишком опасно. Молодая студентка из Мюнхена, муж которой держал птицеферму, предоставила мне кров в своем доме в Чемси. По ее совету мы решили провести встречи не в доме, стоявшем на берегу озера, а в коттедже в горах, расположенном на высоте 6000 футов.

- Я пойду с вами и возьму с собой горничную, для того, чтобы все предприятие имело абсолютно благопристойный вид.

Мы поднялись в горы. Было что-то романтическое в этом тайном свидании на высоте 6000 футов [Приблизительно 1800 м.

(Прим. пер.)] над уровнем моря.

На встречу прибыли лидеры «Черного фронта» из Баварии и Вюртемберга, а также наш австрийский представитель.

К полудню солнце добралось до домика в горах и осветило маленький сад. В саду стоял большой стол, на котором мы разложили бумаги и занялись самым серьезным обсуждением наших планов. Аресты руководителей местных групп не прекращались. Было необходимо заменить их, составить полные списки членов кружков, обменяться паролями. Под лучами апрельского солнца стало так жарко, что вскоре на нас не было ничего, кроме плавок. Мы были настолько заняты работой, что появление двух солдат в форме СС оказалось для нас полной неожиданностью.

- Предъявите ваши документы, пожалуйста.

Трое моих товарищей плюхнулись на стол, попытавшись прикрыть бумаги своими телами. Наши самые сокровенные секреты были на расстоянии вытянутой руки от эсэсовцев.

Из всех присутствующих только я знал баварский диалект, и именно мне пришлось отвечать.

- Где, по-вашему, мы можем носить документы? Неужели вы берете их с собой, когда надеваете купальные костюмы?

Один из эсэсовцев сделал движение, как будто пытаясь напасть на меня, но второй удержал его.

- Что вы здесь делаете? - спросил он.

Я отвечал намеренно громко, чтобы меня услышали девушки, принимавшие солнечные ванны недалеко отсюда.

- Что мы можем делать в домике в горах? Спросите лучше об этом наших дам.

Тут появились наши спутницы и завели с эсэсовцами веселый и непринужденный разговор, с женской ловкостью пытаясь смягчить сердца двух молодых солдат.

- Ладно, - сказал агрессивный эсэсовец, который пытался напасть на меня.

- Две женщины и четверо мужчин. Это немного необычно, но всякое бывает.

И они ушли в сторону австрийской границы, которая проходила не более чем в двухстах ярдах.

- Нужно бежать в Австрию, - сказала хозяйка дома. - Я не вижу другого способа выбраться отсюда.

- Границу охраняют эсэсовцы, - заметил наш австрийский товарищ.

Время от времени мы слышали, как люди Гитлера свистят в свои свистки. И с каждой горной вершины им отвечали такие же свистки.

Никогда еще я не испытывал такого острого чувства опасности. Казалось, что выхода нет, что уже падает занавес, символизируя окончание последнего акта драмы.

Но случилось чудо. Началась страшная буря. Тучи закрыли все небо, на землю посыпался град, перемешанный с полурастаявшим снегом, каждая скала превратилась в водопад, а каждая расщелина - в реку. Порывы ветра становились все сильнее, ослепительные вспышки молний озаряли небо.

- Это наша единственная надежда, - прошептал я девушкам. - Попробуем вернуться.

Мои товарищи были опытными альпинистами, и мне было нелегко поспеть за ними.

При вспышках молний мы видели то одного из наших преследователей, который поднимался по скале, то другого, лежащего на выступе скалы. Затем наступала темнота, и они спотыкались, падали, поднимались и вновь отправлялись в погоню за нами.

Но у нас было два преимущества перед ними: во-первых, мы раньше стартовали, а во-вторых, среди нас были опытные альпинисты. После шестичасовой борьбы со стихией мы живыми и здоровыми добрались до маленького домика в Чемси.

Было ясно, что гестапо висит у нас буквально на хвосте, и нас могут обнаружить в любую минуту, поэтому нам нельзя задерживаться здесь надолго.

8 первую очередь я решил покрасить в черный цвет волосы, а также купить очки и фальшивые усы.

9 мая 1933-го, когда я как раз готовился покинуть Чемси, у дома остановился автомобиль. Из него вышел шофер, который открыл ворота в сад и вручил хозяйке дома письмо. Оно было адресовано мне. Женщина сделала вид, что не знает меня, и, сказав шоферу, что ей надо посоветоваться с мужем, зашла в дом и показала письмо мне.

Я сразу же узнал почерк Грегора и торопливо разорвал конверт.

- Я обедал вчера вечером с министром Фриком, - писал он. - Он сказал мне, что Геринг послал два отряда в Чемси, приказав им убить тебя. Я прилетел в Мюнхен на самолете. Умоляю тебя - немедленно беги в Австрию. Я послал за тобой машину. Грегор.

Я быстро вышел из дома и подошел к шоферу.

- Вы можете доставить меня в Мюнхен к тому господину, который дал вам это письмо?

- Конечно.

Через час я встретился с братом. Это была волнующая

встреча. Мы виделись в последний раз.

Чтобы скрыть волнение, Грегор улыбался, шутил и делал замечания по поводу моего внешнего вида.

Видимо, черные волосы, очки и усы изменили меня до неузнаваемости. Но сам Грегор изменился куда сильнее, хотя и не прибегал к маскировке.

- Грегор, помогая мне бежать, ты рискуешь головой, - сказал я ему.

- Все равно Геринг рано или поздно убьет меня, как пытается сейчас убить тебя. Так что мои поступки не имеют никакого значения, - ответил Грегор.

- Я умоляю тебя бежать вместе со мной.

Грегор покачал головой.

- Моя семья, - сказал он. - Мой бизнес.

- И Гитлер, я думаю, все тот же Гитлер.

- Нет, - сказал он усталым голосом. - Германия. В любом другом месте жизнь потеряет всякий смысл.

Мы говорили несколько часов. Я снова упрашивал его поехать со мной, но безуспешно. Времени оставалось слишком мало. Я должен был ехать. Последнее рукопожатие - и Грегор уже желает мне удачи. Он остается, а я отправляюсь в изгнание.

Машина доставила меня к горному перевалу, который, по словам Грегора, слабо охранялся пограничной полицией. У меня было письмо к одному из местных проводников. Я без труда нашел проводника, и ближе к полуночи мы отправились через перевал.

На рассвете я перешел австрийскую границу, а вечером того же дня после трудного восемнадцатичасового похода оказался в очаровательном тирольском городе Куфштейн.

Здесь нет никакого гестапо, сказал я себе. Австрия - свободная страна, и Гитлер бессилен сделать что-либо в этой маленькой германоязычной республике.

Долгое время мы занимались в Вене выпуском печатной продукции «Черного фронта» и тайно переправляли через границу наши памфлеты. Я чувствовал, что со своим огромным опытом мог бы принести пользу этой стране. Я надеялся завоевать доверие канцлера Дольфуса и помочь ему в борьбе.

Как бы предвидя будущее, я назвал свою новую газету «Черный отправитель». Я написал три памфлета, тысячи копий которых были отправлены в Берлин: «Надолго ли Гитлер?», «Вторая революция на марше» и «Марксизм мертв, а социализм живет».

Но я не учел существования начальника венской полиции Штайнхаусла, который был агентом гестапо и получал деньги от

Гитлера.

Австрийские нацисты, находившиеся на содержании у Берлина, провели серию террористических актов. Они взрывали бомбы, пускали под откос поезда, грабили еврейские магазины и взрывали бомбы со слезоточивым газом в театрах и кино.

Шеф полиции заставлял работать своих людей до изнеможения, но это не приносило результатов. Пресса была в недоумении. Преступники всегда бесследно исчезали, и это ставило в тупик полицию и газеты.

Между тем сами жители Австрии открыто обвиняли в совершении этих преступлений нацистов. На этом фоне поведение официальных властей выглядело более чем подозрительно.

Вскоре стало ясно, что нормальная работа в Вене невозможна. Я решил съездить в Прагу, чтобы разведать там обстановку.

Я вернулся оттуда через два дня. Было довольно поздно, и я отправился прямо домой, но оказалось, что я не могу отпереть замок своим ключом.

- Приходила полиция и арестовала несколько человек, - сообщил мне по секрету портье. - Они взяли вашу кузину и, я думаю, вернутся за вами.

- Если моя кузина вернется, - сказал я, - скажите ей, что я буду ждать ее в своем любимом кафе.

Я отправился в кафе и сел за свой обычный столик. Я заказал кофе со взбитыми сливками и попросил принести вечерние газеты. Оплатив счет, я остался с пятьюдесятью грошами (это приблизительно четыре пенса).

Официант принес мне несколько газет. Мне бросилась в глаза заметка, набранная жирным шрифтом. Ее содержание было потрясающим: «Вчера, 4 июля, полиция наконец нашла преступника, виновного во взрывах бомб. Им оказался глава «Черного фронта» Отто Штрассер. Арестованы семнадцать мужчин и две женщины. К несчастью, самому Отто Штрассеру удалось скрыться».

Здесь не было ни слова правды. И я, и мои друзья были невиновны. Однако я оказался в ловушке.

В мгновение ока мне стала ясна ситуация в Австрии и мое собственное положение.

Год спустя, когда Штайнхаусл был отправлен в тюрьму за участие в убийстве канцлера Австрии Энгельберта Дольфуса, и позднее, когда он был приговорен к десяти годам заключения, я вспоминал вечер 5 июля 1933 года, когда я сидел в венском кафе, и меня озарила догадка, вернее, предчувствие.

Конечно, после аншлюса Штайнхаусл был освобожден нацистами и восстановлен в должности начальника полиции. Но он был настолько ненавидим австрийцами, что его убили в ноябре 1939 года во время столкновения между венскими штурмовиками и полицией.

Между тем я оказался в опасном положении. Я не мог вернуться домой, не мог пойти в отель с пятьюдесятью грошами в кармане. Единственное, что я мог сделать, - это уехать как можно скорее в Прагу.

Ночь я провел на улице под проливным дождем. Утром мне удалось наскрести немного денег. Я отправился на вокзал. При въезде в Австрию я воспользовался фальшивым паспортом, выписанным на имя инженера Хофмана, ставшее теперь слишком известным. Две недели спустя мои соратники из «Черного фронта» достали мне другой паспорт. С ним я без труда пересек чешскую границу. Но в венской тюрьме остались девятнадцать моих друзей, которые были освобождены оттуда лишь через год, когда вина Штайнхаусла стала доказательством их невиновности.

И снова мне приходилось начинать все с начала - с новым именем, в новом городе и новой стране. Я больше не был ни Отто Штрассером, ни инженером Хофманом. Я был человеком без прошлого, и в Праге поначалу возникли проблемы с установлением моей личности. А на хвосте у меня по-прежнему висело гестапо.

Три месяца моей жизни в Чехии прошли относительно спокойно, и я уже начал чувствовать себя в безопасности. Но однажды утром я был внезапно разбужен квартирной хозяйкой.

- Полиция! Полиция! Они ищут вас!

Я не мог удержаться от смеха, слыша ее забавный чешский акцент. Меня разбудили так неожиданно, что мне понадобилось несколько минут, чтобы взять себя руки.

В комнату вошли двое полицейских и сразу обрушили на меня целый поток непонятных чешских слов.

- Извините, господа, но, во-первых, скажите, кто вы такие, а во-вторых, не могли бы вы говорить по-немецки?

Они предъявили мне свои полицейские жетоны и спросили; не являюсь ли я инженером Хофманом.

Это было имя, под которым я жил в Австрии. Я улыбнулся.

- Нет, господа, боюсь, что я не знаю этого человека. Мне кажется, он недавно умер.

- Ваши документы, пожалуйста.

Я показал свой паспорт, который был в полном порядке. В нем даже стояла специальная виза, без которой немцы с недавних пор не могли выезжать за границу.

Двое полицейских держали меня под прицелом своих револьверов. Они тщательно изучили мой паспорт и теперь казались несколько растерянными.

Один из них стал обыскивать шкаф и стол, а другой перевернул вверх дном весь мой гардероб. Они конфисковали мой револьвер, громко объяснив по-немецки, что иметь подобное оружие запрещено.

Вернув мне паспорт, они вышли, хлопнув дверью и ругаясь.

Тут же в комнату вошла моя квартирная хозяйка.

- Перед домом стояли еще двое полицейских. Они уже уехали, но выглядели очень сердитыми.

Около полудня я обратился к начальнику политического отдела полиции господину Бенде, чтобы пожаловаться на грубое обращение со стороны его сотрудников.

- Зачем было посылать машину с четырьмя вооруженными полицейскими? - спросил я его. - Вы же прекрасно меня знаете.

Бенда посмотрел на меня с удивлением.

- Вы, вероятно, ошибаетесь, - сказал он. - У нас нет машины.

Вскоре он позвонил мне.

- Пожалуйста, немедленно приезжайте, - сказал он, - и возьмите с собой вашу квартирную хозяйку. Мы хотим допросить ее. Полиция не отдавала никаких распоряжений относительно вас.

Моя хозяйка оказалась очень говорливой. На своем родном языке она болтала без умолку.

От нее мы узнали номер машины, подъехавшей к дому - ПА, белые буквы были написаны на черном фоне. Чешские же номера выглядели иначе - черные буквы на белом фоне. Это доказывало, что машина приехала из Германии, скорее всего из Мюнхена.

- Конечно! - воскликнула эта замечательная женщина, которой это разоблачение открыло новые горизонты для красноречия. - Мужчины, стоявшие снаружи, говорили по-немецки, а когда двое других мужчин вышли из дома, они бросили на землю большой кусок ваты и с яростью растоптали его. Он него шел такой странный запах... Я даже представить себе не могу, что это было.

При осмотре места происшествия кусок ваты был обнаружен, однако запах за это время испарился.

Очевидно, гестапо пыталось похитить меня. По-видимому, приказ «взять его живым» все еще действовал.

Более того, гестапо вполне могло добиться своей цели, если бы оно послало эсэсовцев из Мюнхена, которые без труда опознали бы меня. Но Гиммлер, на мое счастье, поручил эту работу четырем судетским немцам. Те, несомненно, отлично

говорили по-чешски, но они не знали меня в лицо! Я спасся благодаря отличному качеству моего фальшивого паспорта и легковерности этих лжеполицейских.

Власти Праги были сильно возмущены этой наглой провокацией со стороны Германии. Вследствие этого я оказался под особой защитой политического отдела полиции и следственного департамента. Беззаботная атмосфера, которая до сих пор царила в этой счастливой стране, стала меняться. К сожалению, меры безопасности не распространились на провинцию; иначе можно было бы предотвратить возмутительное убийство моего друга инженера Рудольфа Формиса. Долгое время я жил спокойно, и мой дорогой друг Генрих Гиммлер понял, что добраться до меня будет непросто. Но щупальца гестапо все ближе и ближе подбирались ко мне.

В начале марта 1934 года пражское юридическое общество пригласило меня прочитать лекцию о национал-социализме. Выступление имело шумный успех. На следующий день ко мне пришел изящно одетый, высокий, светловолосый англичанин. Он представился мистером Франком. С ним был еврейский бизнесмен по имени Поллак, которого Франк представил как своего будущего зятя.

Франк, который говорил по-немецки с сильным английским акцентом, сообщил мне, что является представителем американского антинацистского тайного общества, которое очень интересуется моей работой.

- Мне даны инструкции, - сказал он, - приобрести пять тысяч копий вашего еженедельника и оказать содействие в их распространении в Германии. Я плачу вам наличными вперед столько, сколько вы сочтете нужным.

- Это очень мило с вашей стороны, мистер Франк, - ответил я, - но мы не испытываем необходимости в помощниках.

Но от мистера Франка было не так-то легко отделаться.

- Хорошо, - сказал он, - если вы не хотите принять мою помощь в распространении газеты, я все разно готов оплатить ваши расходы на три месяца вперед.

Это предложение я принял, тем более что Франк показал мне настоящий британский паспорт, а его «еврейский зять» представился мне достаточной гарантией.

Через три месяца мистер Франк появился вновь. Он выразил глубокое удовлетворение нашим сотрудничеством и пригласил меня срочно поехать с ним в Париж.

- Мой американский патрон очень хочет встретиться с вами, - сказал он, - но не может сейчас приехать в Прагу. Но в начале июня он будет в Париже. Не могли бы вы поехать туда со мной?

Я навел справки в полиции. Ничего подозрительного о Франке и Поллаке известно не было.

Ссылаясь на текущие дела, я отказался ехать в Париж в его компании, но приглашение тем не менее принял и пообещал приехать на встречу.

Однако обстоятельства вынудили меня отложить путешествие на несколько дней, и я смог приехать в Париж только пятнадцатого июня. Я сообщил Франку о задержке, не указав, когда точно я прибуду.

- Какая неудача! - воскликнул мистер Франк, когда увидел меня в Париже.

- Моему патрону пришлось уехать в Саар. Он ведет переговоры с Конрадом Гейденом, который не может приехать сюда, и ждет вас 21 июня в Саарбрюкене.

Это показалось мне не слишком правдоподобным, но, с другой стороны, почему бы лидеру американской антинацистской лиги не встретиться со столь известным писателем-антинацистом, как Конрад Гейден?

- Мы должны вместе поехать туда двадцатого, - торопливо добавил Франк.

- Благодарю вас, у меня дела в провинции, но двадцать первого я приеду туда.

У меня не было желания путешествовать с этим подозрительным человеком, и я хотел, прежде всего, поговорить с Конрадом Гейденом до того, как вновь увижусь с Франком. У меня хватило ума не говорить Франку, что я знаком с Гейденом и знаю, что он сейчас в Саарбрюкене.

21 июня я приехал в Саарбрюкен, столицу тогда еще независимой земли Саар. Конрад Гейден пришел на вокзал, чтобы встретить меня.

- Штрассер, - сказал он после того, как мы обменялись дружескими приветствиями, - твое письмо было для меня полной неожиданностью, я ничего не мог понять. Я не знаю ни Франка, ни его патрона. Будь осторожен.

- Конечно, но я хочу до конца разобраться в этом деле.

Мужчины в гражданской одежде и в тяжелых немецких ботинках, с военной выправкой ходили вокруг отеля «Рейхшадлер». «Я узнал вас, мои дорогие чернорубашечники, но вы меня не поймаете», - сказал я себе.

Наконец прибыл мистер Франк.

- Пройдем в мой номер, мой дорогой друг, - сказал он. Не вынимая руку из кармана, где у меня был спрятан револьвер, я вошел в его ярко освещенный номер в отеле.

Мы начали обсуждать положение в Германии.

- Ситуация критическая, - сказал я. - Близится вторая революция.

- Еще до конца месяца нас ждет большая неожиданность, - заметил Франк. - В Германии скоро будет резня, подобно которой еще не видел мир.

- Неужели, мистер Франк? - ответил я. - Это ваш патрон сообщил вам об этом?

Мистер Франк выглядел растерянным.

- Он еще не пришел. А пока я могу вам что-нибудь предложить? Винца или бокал шампанского?

- Нет, спасибо, мистер Франк, - сказал я, улыбаясь. - Если только я пойму, что вы - агент гестапо, и если меня не испугают возможные осложнения с британским посольством, я пристрелю вас на этом самом месте.

Мистер Франк сильно побледнел.

- Господин Штрассер, - сказал он, - ваше чувство юмора слишком сильно отличается от английского.

Наступило короткое молчание.

- Вы разрешите мне выйти ненадолго и позвонить? - спросил он.

Он отсутствовал несколько минут, а когда возвратился, то выглядел взволнованным.

- Он еще не вернулся, но скоро будет. Мне очень неловко, что вам приходится столько ждать.

К этому моменту я уже все понял. Если бы Франк был не завербованным гестапо англичанином, он бы ударил меня или, по крайней мере, был бы очень возмущен тем обвинением, которое я бросил ему в лицо. Но передо мной - агент гестапо, получивший инструкции «взять меня живым». Он просто ждал своих сообщников. Идея гестаповцев состояла в том, чтобы под видом дружеской вечеринки напоить меня, а затем посадить в машину и переправить через немецкую границу.

- Хорошо, мистер Франк, но вы должны извинить меня - мне нужно успеть еще на одну встречу. Позвольте мне оставить здесь мой портфель. Я вернусь через полчаса.

Выйдя из отеля, я подозвал к себе стоящего на страже человека в ботинках и сказал ему командным голосом:

- Быстро найдите такси!

Немец, как собака, всегда узнает голос настоящего офицера.

Меньше чем через минуту появилось такси, и я отправился прямо к Конраду Гейдену.

- Уезжай первым же поездом, - сказал он. - Я сам поеду к мистеру Франку, извинюсь за тебя и заберу твой портфель. Это будет выглядеть очень забавно.

В поезде я задумался над словами Франка. В Германии, по его словам, скоро будет резня.

Он, по-видимому, был совершенно уверен, что я не вернусь. В противном случае он не был бы так откровенен.

Но даже после кровавых событий 30 июня, когда его пророчество сбылось, мистер Франк без тени смущения явился ко мне в Праху.

- Мой дорогой друг, вы ужасно подвели меня. Мой патрон никогда мне этого не простит. Вы должны загладить свою вину. Отправимся к нему, мой личный самолет ждет вас

Я громко рассмеялся.

- Франк, - сказал я, - вы считаете меня идиотом.

- Вы не правы, - ответил он. - Если вы не верите мне, возьмите в качестве пилота вашего верного друга Мара.

Мар, настоящее имя которого было Адам, был сыном богатого еврейского торговца из Берлина. Но, несмотря на подобные гарантии, я нашел предлог ненадолго отложить наш полет.

Как только Франк ушел от меня, я позвонил начальнику политического отдела Бенде.

- Послушайте, Бенда, - сказал я. - Человек, о котором я вам говорил, сейчас в Праге, в отеле «Шрубек».

Адам, он же Мар, во время этого разговора стоял возле меня, но, как только я положил трубку, я заметил, что он быстро вышел из комнаты.

В результате к тому моменту, когда полиция достигла отеля «Шрубек», Франк исчез. Мой «верный» Адам и секретарь мистера Франка были все же арестованы. Через несколько недель они во всем признались.

Франк был сотрудником берлинского гестапо и вел дело «Черного фронта». После неудачи с похищением в Саарбрюкене (как оказалось, похищение было назначено на четыре часа того самого дня), он завербовал двух моих коллег - Грикша (настоящая фамилия которого - Гильдебранд) и Мара (то есть моего «верного» Адама). Первому пообещали много денег, а второму - «ариизацию».

После нескольких лет тюрьмы предатель Адам был освобожден, и я никогда его больше не видел. Но я знаю, что он продолжает делать свое грязное дело. Год назад его видели в Копенгагене.

На этом моя эпопея, связанная с мистером Франком, закончилась. Единственное, чего он достиг, - так это оплатил распространение пятидесяти тысяч антинацистских памфлетов в Германии.

Однако трагедии избежать не удалось. У Адама было достаточно возможностей, чтобы установить имя человека, который создал нашу подпольную радиостанцию. Целью создания этой радиостанции была борьба с Гитлером его же оружием. Радио, которое является незаменимым орудием пропаганды, почти не использовалось с пропагандистскими целями за пределами Италии и Германии. Радиопропаганда, без которой немыслима современная война, повсюду находилась в зачаточном состоянии. Нет другого столь эффективного средства, которое могло бы деморализовать противника и дать возможность слову правды быть услышанным во вражеской стране. «Черный фронт» стал первой организацией в Европе и в мире, использовавшей тайный радиопередатчик в политических целях, и заслуга в этом полностью принадлежит моему другу Формису.

Формис был совершенно удивительным человеком. Блестящий офицер, прошедший мировую войну, прекрасный изобретатель и электротехник, он быстро занял ответственный пост в Германии, возглавив радиостанцию города Штутгарт.

Его любовь к своей работе была так же сильна, как и ненависть к Гитлеру. Когда Гитлер пришел к власти, Формис отключил свою радиостанцию во время его пространной речи в Штутгарте, собственноручно перерезав провода. Полиция не смогла обнаружить преступника, но, поскольку подобные вещи происходили каждый раз, как только Гитлер выступал с речью, в конце концов Формис, естественно, попал под подозрение. Он решил бежать и после головокружительных приключений прибыл ко мне в Прагу.

Тайный передатчик Формиса был настоящим техническим чудом. Достаточно сказать, что после убийства моего друга передатчик был выставлен в пражском почтовом музее.

Задача, которая стояла перед нами, оказалась сложнейшей. Необходимо было спрятать передатчик в надежном месте, неизвестном чешским властям. Также нужно было найти диктора и иметь еще одного запасного на случай, если первый попадет в руки гестапо. Кроме того, у нас почти не было денег. Хотя наши сторонники в Германии периодически присылали нам какие-то средства, но их было мало. К тому же возникали проблемы с обменом валюты.

Наконец мы нашли подходящее место. В сорока милях от Праги, на берегу реки Молдау, в маленьком городке Захори мы обнаружили очаровательный загородный отель. Хозяин отеля не лез в наши дела, а в конце сезона постояльцев в гостинице почти не было. Формис начал свою работу, и через несколько недель передатчик действовал на полную мощность. Каждый день в эфир

выходили три часовые передачи, в которых мы рассказывали правду о Гитлере.

Из-за этих передач Гитлер потерял сон, а Гиммлер всерьез испугался за свою жизнь. Он вызвал к себе своего подручного, зловещего Гейдриха, и приказал ему найти и уничтожить подпольную радиостанцию, которая наносила удары по самому уязвимому месту диктаторского режима, во что бы то ни стало. Но прошло четыре недели, а затем и четыре месяца, а тайный передатчик все еще работал.

16 января 1935 года я приехал в Захори, чтобы записать свою обычную еженедельную речь.

- Ничего подозрительною не было, Формис? - поинтересовался я.

- Нет, все в полном порядке. Парочка из Германии, молодые и безобидные люди. Они еще раз заходили сегодня утром.

- Будь осторожен.

- Я вооружен, да и чем мне может навредить молоденькая женщина.

- А кто они такие?

- Ганс Мюллер, бизнесмен из Киля, и Эдит Кирсбах, учительница гимнастики. Она очень хорошенькая.

- Если они вернутся, обратись в департамент по делам иностранцев.

Формис не сказал мне, что эта женщина сфотографировалась под руку с ним, якобы желая таким образом вызвать ревность своего друга.

23 января эта парочка появилась вновь, и так как было довольно поздно, а в отеле не было телефона, Формис решил, что сообщит об их появлении в полицию на следующий день.

Мужчина выглядел очень уставшим. Он ушел в свою комнату еще до обеда, и женщина осталась наедине с Формисом.

Служащие отеля рассказывали мне впоследствии, что раньше им не приходилось видеть, чтобы молодые женщины вели себя подобным образом: приличная женщина буквально бросилась в объятия совершенно незнакомого ей мужчины. Прислуга с интересом наблюдала за их флиртом, гадая, решится она сесть к нему на колени прямо в гостиной или нет.

Около десяти часов Формис и Эдит поднялись на первый этаж. Мюллер занимал комнату № 3, а Формис жил в комнате № 7. В начале одиннадцатого официант, сдавший на цокольном этаже, был разбужен револьверными выстрелами. Он бросился на первый этаж и увидел, как Мюллер тащит тело Формиса к комнате № 7. Эдит стояла, согнувшись пополам, и выла как раненый зверь. В коридоре стоял незнакомец с двумя

револьверами в руках. От шумя, проснулась вся прислуга, но вооруженные молодчики быстро запугали всех. Они заставили всех служащих спуститься в подвал и заперли их там на замок. Хозяин отеля и его семья жили в другом крыле здания и ничего не слышали.

Внезапно испуганные работники отеля увидели огромные клубы дыма, вырывающиеся из окна. Подстегиваемые страхом, некоторые из них смогли вылезти через вентиляционную трубу и разбудить хозяина. Один из служащих побежал сообщить о случившемся в полицию.

Хозяин и официант поднялись в комнату Формиса. Формис был мертв, а тело его было облито бензином. Возле тела лежали две зажигательные бомбы, которые почему-то не взорвались.

Тем временем преступники скрылись на большом «Мерседесе».

Полиции удалось восстановить ход совершения преступления. Мюллер с фотографией Формиса отправился в Берлин, несомненно, с целью установления его личности, и вернулся со вторым убийцей, который притаился возле отеля.

- Доставь его наверх во что бы то ни стало, - сказал он своей молодой спутнице перед тем, как подняться в свой номер.

- Он говорил шепотом, - рассказывала горничная, которая была свидетелем этой сцены, - но меня испугала животная жестокость, проступившая на его лице.

Пока Эдит ублажала Формиса, Мюллер спустил веревочную лестницу, по которой его сообщник проник в отель. В десять часов Эдит, болтавшая без умолку все это время, подвела своего нового друга к комнате № 3. Она пригласила его войти; должно быть, она попыталась втащить его туда, если судить по тому, что руки бедного Рудольфа оказались сильно исцарапаны ногтями. Формис, увидев за дверью двух мужчин, выхватил револьвер. Женщина попыталась вырвать револьвер у него из рук и получила пулю в живот. Тут же выстрелил Мюллер. Формис был два раза ранен в живот и один раз - в голову.

Он был убит наповал. Двое мужчин попытались найти подпольный передатчик, который был спрятан на чердаке, но безуспешно. Тогда они перетащили труп в номер Формиса, облили его бензином и положили рядом две зажигательные бомбы. Таким образом они хотели скрыть следы преступления и уничтожить таинственный передатчик.

Веревочная лестница по-прежнему свешивалась из окна. Капли крови указывали, каким именно путем выносили раненую женщину. Машину с убийцами несколько раз останавливала полиция, но документы двух мужчин были в полном порядке, а

женщина, укрытая пледами и куртками, лежала на дне машины, и ее не было видно. Недалеко от отеля на берегу реки Молдау была найдена ее окровавленная юбка. Позднее из Германии нам сообщили, что женщина умерла через двадцать четыре часа на. пути в госпиталь.

Преступление было успешно доведено до конца, убийцы получили заслуженные награды. Голос, который говорил правду немецкому народу, умолк. Гитлер и Гиммлер снова могли спать спокойно.

Это дело привело к дипломатическим осложнениям. Между Берлином и Прагой начался обмен нотами протес-га. И хотя чешская полиция установила безусловную причастность властей Германии к совершению преступления, Берлин упрямо отказывался признать свою вину.

Советник немецкого посольства в Праге имел даже наглость поднять вопрос, действительно ли Отто Штрассер, который несет ответственность за работу подпольного передатчика, так и остался безнаказанным. В результате 6 января 1936 года я был приговорен к четырем месяцам тюрьмы. Но я так и не был отправлен в тюрьму, так как президент Бенеш постоянно откладывал рассмотрение моей апелляции.

После этой трагедии я стал предельно внимательным и старался избегать малейшей опасности. Я с улыбкой вспоминаю бутылочку с ядом в руках еще одного моего «верного» друга Константина, анонимные письма с приглашениями на любовные свидания и слишком откровенную попытку английского псевдожурналиста заманить меня на уикенд в Судетскую область.

Я расскажу лишь о двух инцидентах, которые имеют явную политическую окраску.

В январе 1938 года, возвращаясь из Швейцарии, я на несколько дней остановился в Вене. Господин Гвидо Джер-натто, министр без портфеля и лидер австрийского фронта «Фатерланд» («Отечество»), предупредил меня, что на этот раз Гитлер отдал приказ своим агентам убить меня, как только я ступлю на австрийскую землю. Господин Джернатто сообщил мне, что австрийская полиция не может гарантировать мне безопасность, и посоветовал не заезжать в Вену.

Это было за два месяца до аншлюса. Нужно заметить, что к этому времени террор был уже обычным явлением в Австрии.

Второй инцидент произошел семь месяцев спустя в Праге. Один из членов «Черного фронта» предупредил меня о планах похищения меня на автомобиле, принадлежащем германскому военному атташе полковнику Тюссанту. Говорили, что этот план был разработан советником посольства фон Бибром.

Шоферу полковника Тюссанта, который, как и следовало предполагать, был эсэсовцем, поставили задачу подобрать подходящих людей для осуществления этой операции. Он нашел двух судетских немцев, принадлежащих к партии Генлейна, готовых выполнить подобную грязную работу. Для того чтобы завоевать мое доверие, осталось только найти немецкого эмигранта, который бы не вызвал никаких подозрений.

Эмигранта нашли, но тот немедленно сообщил о готовящемся похищении в полицию.

На этот раз было принято решение взять преступников с поличным. Эмигрант с согласия полиции потребовал дать ему аванс из обещанного гонорара за соучастие и встретился с шофером и его сообщниками в кафе. Как только деньги были переданы, внезапно возникли чешские полицейские и арестовали заговорщиков.

Это не единственный случай, когда германский дипломат выполнял поручения гестапо. И снова Прага выразила Берлину решительный протест.

Шофер был выслан, полковник Тюссант отозван, а су-детские немцы отправлены в тюрьму.

Что касается Бибра, то его перевели в Берн, где наши пути снова пересеклись. Я уехал из Праги в сентябре 1938 года, когда угроза вторжения Гитлера в Чехословакию стала очевидной. Господину фон Бибру было трудно предпринять что-либо против меня в Швейцарии, где, к счастью, не было ни предателей, ни партии Конрада Генлейна.

И вот еще один штрих, делающий мой рассказ более полным и бросающий дополнительный свет на методы работы германских спецслужб.

23 ноября 1939 года немецкое радио официально подтвердило, что мой друг Рудольф Формис был убит двумя эсэсовцами по приказу властей III рейх.

Глава 10. Бойня в Германии

После моей эмиграции события в Германии шли именно так, как я и предвидел. Режим Гитлера продолжал следовать своим разрушительным путем, подрывая основы старого порядка, шарахаясь от реакции к революции, будучи неспособным придерживаться определенного курса.

Чтобы удержаться у власти, Гитлер использовал два инструмента, имевшихся в его распоряжении, - пропаганду и террор, разрушительную эффективность которых было бы глупо отрицать.

Если мы желаем понять трагические события, происшедшие 30 июня 1934 года, мы должны прервать наше повествование и еще раз рассмотреть те силы, которые привели Гитлера к власти.

Гутенберг, представитель тяжелой промышленности Германии, фон Папен, реакционер и кандидат от юнкеров, вставили ногу Гитлера в стремя, а президент Гинденбург, бывший воплощением пруссачества весьма неохотно, но сделал его канцлером.

Промышленники и генералы по-прежнему считали бывшего австрийца-ефрейтора своим слугой, который, если его должным образом обучить, будет хорошо служить их интересам. Они потерпели полный провал, не сумев разглядеть динамизм качества, присущий национал-социалистическому движению, и роли Гитлера как орудия истории. Революция родилась в германском бурлящем котле и вознесла Адольфа Гитлера на поверхность, где он плавал подобно умелому пловцу. Тот факт, что он вообще мог плавать, свидетельствовал о глубине революционного потока.

Борьба за Гитлера происходила между силами консерватизма и новыми, злобными силами, порожденными им самим. Гитлер же колебался между этими двумя силами, как заложник своей собственной нерешительности.

Неудовлетворенность, однако, продолжала существовать. «Якобинцы» обвиняли «жирондистов» в слабости. СА, которые в отличие от СС приносили клятву верности партии и идеалу, а не фюреру, состояли из радикалов - трех миллионов немцев, недовольных политикой фон Папена, Гугенберга и Шахта.

«Когда начнется вторая революция?» - таким был вопрос, который начали задавать в их рядах.

Грегор Штрассер, рядовой член партии, получал сотни и тысячи писем с требованием возобновить активную деятельность. «Только Вы один можете спасти национал-социализм, - писали

его корреспонденты. - Откройте глаза фюреру. Люди Геринга ослепляют его...»

Грегор прекрасно знал, что все его письма вскрывались и просматривались прежде, чем они доходили до него. С другой стороны, был еще и Рём, вождь армии «коричнерубашечников», с сотнями второстепенных лидеров, полностью преданных ему. Социальные вопросы их не волновали, но они были враждебно настроены по отношению к генералам и негодовали по поводу того, что армия стремилась держаться в стороне от партии. Рём сам был офицером и отлично знал мнение немецких военных. Армия презирала «коричнерубашечников»; она просто использовала гитлеризм как маску, скрываясь за которой преследовала свои традиционные цели. Рём, живя в Боливии, на практике убедился в том, что политическая партия беспомощна без поддержки армии. Генералы могли свергнуть любое правительство в любой день, когда им заблагорассудится.

Фронт Грегора Штрассера и Рема был сформирован в противовес фронту Гинденбурга, Гугенберга, Папена и Геринга, находившемуся в союзе с промышленными воротилами. Гитлер все еще колебался, в то время как общая неудовлетворенность росла. Он знал, что должен действовать, но еще не представлял, каким образом. За ним стоял Геббельс, готовый на любой компромисс и беспокоящийся прежде всего о том, чтобы оказаться на стороне победителей. Адольф сожалел о разрыве с Грегором. В Берлине он встретил главу фирмы моего брата и заявил, что «он просто должен призвать обратно этого отличного парня Грегора». Эти слова были повторены Герингу.

Рём работал в Мюнхене. Между ним и Грегором не существовало никаких контактов, хотя они оба разделяли од-j ни и те же идеалы и преследовали одни и те же конечные цели. Первый успех Рему должен был обеспечить роспуск «Стального шлема», военизированного формирования, поддерживаемого рейхсвером. Затем он сам лично планировал атаки на рейхсвер, не принимая в расчет то, что, пока жим Гинденбург, завоевание армии невозможно. Вместо нанесения удара по магнатам Шахту и Тиссену, первым врагам режима нацистов, он сделал своими непосредственными мишенями генералов Фрича и Бломберга. На заседании кабинета, членом которого он являлся, он потребовал включения «коричнерубашечников» в регулярную армию, сохранения за офицерами штурмовых отрядов их званий.

Другими словами, он потребовал верховного командования рейхсвером, СС и СА.

Он самонадеянно верил, что обладает поддержкой Гитлера, он также думал, что располагает восторженной поддержкой

Геббельса и Вальтера Дарре. Вильгельм Фрик, колеблющийся с самого начала, перешел на его сторону, но Гитлер хранил молчание.

Встреча кабинета приняла драматичный характер. Гитлер упорствовал в своем молчании, а Бломберг, министр национальной обороны, внезапно заявил, что единственным решением для президента Гинденбурга должен быть полный отказ.

«Обсуждение окончено», - сказал затем Гитлер, не осмеливаясь смотреть в лицо своему старому другу. Рём, онемевший от ярости, быстро вышел из комнаты.

После 30 июня генерал фон Рейхенау заявил в интервью «Петит Жюрналь», что смертный приговор Рему был фактически подписан в тот самый день.

28 мая 1934-го Гинденбург послал за Гитлером, а 7 июня было официально объявлено, что Рём, в соответствии с предписанием врачей, собирается уйти в отпуск на несколько недель.

Гинденбург доказал, что его симпатии остались неизменными. Он заявил о своей поддержке двум группам реакционеров: Папену, Нейрату, Меисснеру, т.е. группе помещиков, которые больше всего боялись социализации армии, и Тиссену, Круппу и Шахту, т.е. промышленникам, страшившимся национализации индустрии.

Гитлеру было сложно действовать, он слишком хорошо знал революционный дух СА. Адольф прекрасно сознавал, что предательство товарищей нанесет серьезный урон его престижу.

Он находился на перепутье. Один путь вел к мирной немецкой революции и возрождению страны; это был путь Эрнста Рема, Грегора Штрассера и генерала фон Шлейхера. Другая дорога была империалистским путем старой Германии, неизбежно ведущим к войне. В это время я написал брошюру «Социалистическая революция или фашистская война?», тысячи экземпляров которой были распространены по всей Германии.

13 июня, перед отъездом в Венецию для встречи с дуче, Адольф послал за Грегором. Они не встречались полтора года после бурного разговора, спровоцированного интригами Папена, Геринга и Геббельса.

- Я предлагаю вам Министерство национальной экономики, Штрассер, - сказал Адольф. - Примите это назначение, и, между нами, мы все еще можем спасти ситуацию.

- Я принимаю его, господин Гитлер, - сказал Грегор, - при условии, что Геринг и Геббельс уйдут. Честный немец не может работать с этими особами.

Ответ Грегора, достоверность которого была подтверждена моим братом Паулем, был ответом настоящего Джентльмена, но не политика. Попытка избавиться от Геббельса и Геринга одновременно была столь же успешной, как попытка пробить головой каменную стену. Хотя как раз Геринг вполне мог быть принесен в жертву Грегору. Он был в ссоре с Гиммлером, которому не желал уступать контроль над берлинским гестапо. Гиммлер был руководителем полиции Южной Германии и настаивал на подчинении всех полицейских организаций рейха ему лично. Адольф в этом споре больше благоволил Гиммлеру, ибо ему не нравилось то, что Геринг перешел к реакционерам. Он также хотел вернуть назад Грегора.

Геббельс, однако, был абсолютно необходим фюреру. Несмотря на отношение Адольфа к Рему, выявившееся на последнем заседании кабинета, Геббельс тайно вел переговоры с Рёмом от имени своего хозяина.

Рем вовсе не бездействовал, несмотря на свой вынужденный отдых. Он не намеревался уступать или капитулировать. Давайте приподнимем уголок занавеса, все еще скрывающего один из кровавых эпизодов дня 30 июня. Почему в немецкую Варфоломеевскую ночь были убиты хозяин, бармен и официант скромной закусочной в Мюнхене? Эти люди были революционерами, опасными агентами, предателями или людьми СА? Нет, причина их убийства была намного проще.

В закусочной имелись уединенные комнаты, где два человека могли беседовать о политике, не боясь быть увиденными или узнанными. Единственными людьми, знавшими об их присутствии, были хозяин и два доверенных официанта, обслуживавших их. Рём, опозоренный предложением Гинденбурга, и Геббельс, эмиссар Гитлера, встречались там несколько раз в течение того памятного месяца июня. О чем они беседовали? Вначале их беседы не носили сколько-нибудь опасного характера. Они ожидали результатов поездки Гитлера в Венецию. Адольф дважды встречался с Муссолини, 14 и 15 июня. Дуче, однако, не поддался обаянию немецкого гостя. Он нашел неприятными и тревожными все последние действия Гитлера, сказав, что террор нацистов в Вене и постоянная угроза независимости Австрии должны прекратиться. Гитлер, в ответ на такой ультиматум итальянского диктатора, торжественно пообещал положить конец террору и уважать суверенитет Австрии. Но Муссолини пошел еще дальше. Было бы благоразумно, заметил он, говоря как друг, слегка ограничить радикальные действия и речи левого крыла НСДАП. Было бы мудрым распустить СА, которые представляли государство в

государстве и возглавлялись печально знаменитым разбойником Рёмом, вкупе с такими отъявленными негодяями, как Эдмунд Хейнес, Карл Эрнст, и т.д. Было бы также хорошо избавить страну от Геринга, повсюду обвиняемого, и, возможно, вполне Справедливо, в том, что ответственность за пожар Рейхстага лежит на нем, а также от Геббельса, который осмеливается говорить о возможности второй революции,

Гитлер насторожился. Не было ли это языком фон Папена, Мейсснера и К°? В конце концов, кем был этот Мейсснер? Не служил ли он до Гинденбурга президенту Эберту в той же самой должности главного личного секретаря? Разве он не был интриганом? Гитлеру потребовалось несколько недель, чтобы разрешить свои сомнения. Когда он станет президентом, он сохранит Мейсснера в его должности, как это сделал до него Гинденбург. Но сейчас он был в ярости. Он знал, что господин фон Хассель, посол Германии в Риме, получил инструкции от президента Гинденбурга, от министра фон Нейрата, от своего друга фон Папена, и он был уверен, что Муссолини всего лишь озвучил мнение этой группы людей.

Его гнев обрушился на фон Папена. 16 июня он встретился с Геббельсом в Мюнхене.

Министр пропаганды предоставил ему полный отчет о своих беседах с Рёмом.

«Подождите немного, - сказал Гитлер. - Есть другие проблемы, которые следует уладить прежде».

17 июня вице-канцлер фон Папен произнес речь в Марбурге, которая не оставляла у Гитлера никаких дальнейших сомнений.

Роль Папена очень часто недооценивалась поверхностными аналитиками политики Германии. Зачастую его описывают как блестящего странствующего рыцаря политики, дипломата, то глупого, то дельного, как человека, приведшего Гитлера к власти; однако склонны забывать о его высокомерии, самонадеянных амбициях и его полной недобросовестности. Также легко забывается то, что фон Папен никогда не простил Герингу того, что он выжил его с поста премьер-министра Пруссии, оставив ему пост всего лишь вице-канцлера. Те же, кто учел эти обстоятельства, вовсе не были удивлены, что четверо человек из числа секретарей и коллег фон Папена были убиты во время проведенной 30 июня чистки. Так Геринг давал волю личной мести. У дипломата была причина полагать, что он сам едва избежал опасности.

Марбургская речь, которая в действительности была объявлением войны революции со стороны «реакционеров», содержала несколько очень интересных пассажей, ко-' торые стоит

здесь процитировать.

«Сейчас самое время сплотиться, продемонстрировать братскую любовь и уважение к нашим соотечественникам, чтобы больше не мешать работе серьезных людей и заставить замолчать фанатиков-доктринеров», - сказал фон Папен.

«Доминирование отдельной партии, вместо системы нескольких партий, которая была справедливо отменена, кажется мне исторически преходящей стадией, единственной raison detre, за которую должен был поручиться период развития».

«Ибо в конечном счете люди, если они хотят остаться в анналах истории, не могут позволять себе вечное восстание, идущее снизу. Должен наступить день, когда это движение прекратится и появится солидная социальная структура, поддержанная справедливым правосудием и авторитетной общественной властью».

«Непрерывное развитие не ведет ни к чему долговечному».

«Германия не должна походить ни на один из тех «голубых поездов», которые пускаются в приключение и затем не могут остановиться».

Адольф был разъярен, ибо это было подтверждением его худших подозрений, родившихся в Венеции. Представлялось невозможным отрицать то, что за спиной Муссолини стоял Франц фон Папен.

Гитлер встретился с Рёмом, без которого, он, казалось, был не способен принимать какие-либо решения, повидался с Геббельсом и дал ему инструкции.

Беседы между Рёмом и Геббельсом в закусочной стали более оживленными. Когда хозяин или официант входили в их отдельную комнату, они слышали лишь отрывки бесед.

«Муссолини потребовал в жертву радикалов... Реакционеры становятся все наглее и наглее... Марбургская речь была провокацией... Адольф поставит этих господ из клуба на свое место... Мы выметем этот мусор». Они слышали немного, но и этого было вполне достаточно.

Когда, несколькими днями позже, Гитлер окончательно перешел на сторону реакционеров, возникла необходимость, чтобы в живых не остался никто из тех, кто знал, что несколькими днями ранее Геббельс обсуждал с Рёмом ликвидацию клики капиталистов и магнатов.

Он вызвал фон Папена в Берлин, но и Рём с Геббельсом не утратили доверия. После нанесения вице-канцлером оскорбления канцлеру примирение между ними казалось невозможным. Революционеры и радикалы, как мне представляется, выиграли один лишний день.

Франц фон Папен был назван «разрушителем национального единства», Адольф оскорбил его. Вслед за этим он подал заявление об отставке. Министры финансов и торговли, граф Шверин фон Крозиг и Эльтц фон Рубенах, тоже подали заявления об отставке. Бломберг не отступил, но в целом позиции реакционеров, казалось, пошатнулись.

Адольфу требовалось сделать всего лишь еще один шаг, чтобы fait accompli, но Рём, душа революционного движения, отсутствовал, а Бломберг и даже Геринг хранили молчание.

Гитлер был расстроен отставками с одной стороны и тишиной с другой. Не было ли это заговором против него? Хотя «барабанщик революции» и стал канцлером рейха, на самом деле он ничуть не изменился с 9 ноября 1923 года. Он по-прежнему нуждался в одобрении и аплодисментах толпы. Где он должен был искать убежище? Лишь Рём и Геббельс хранили верность ему. Он решил раз и навсегда идти рука об руку с господами-реакционерами, если не завтра, то на следующий день или на следующей неделе.

Что ему было необходимо сейчас, так это согласие президента на формирование нового кабинета, построенного на реальных нацистских основаниях.

21 июня Гитлер отправился в Нойдек, где жил президент. Гинденбург к этому моменту был уже тяжело больным человеком. Гитлера сопровождали Геббельс, фотограф Генрих Гофман и Юлиус Шрек, руководитель СС. Эти трое представляли радикальное крыло партии на Юге Германии.

Они были встречены двумя людьми в генеральской униформе: Бломбергом, военным министром, и Герингом. Адольф был ошеломлен.

- Будучи информированным о поступках вице-канцлера фон Папена, - с большим достоинством произнес генерал Бломберг, - президент Гинденбург вызвал генерала Геринга как шефа полиции и меня в Нойдек. Нам поручено проконсультироваться с вами относительно мер, которые необходимо принять для обеспечения внутреннего мира. Если полное успокоение немедленно не наступит (а для этого мы должны избежать любого министерского кризиса), будет объявлено о введении в действие закона военного времени. Президент, будучи нездоров, глубоко сожалеет о невозможности вас принять.

Гитлер и его свита были ошеломлены. Адольф заговорил первым:

- Но мне абсолютно необходимо увидеться с президентом. Я должен видеть его, понимаете вы это?

Бломберг ушел и возвратился через несколько минут.

- Пожалуйста, следуйте за мной, - сказал он Гитлеру. - Эти господа из Мюнхена могут подождать.

Фельдмаршал Гинденбург, в присутствии генерала Бломберга, вкратце повторил Адольфу то, что Бломберг уже сказал ему. Аудиенция продлилась ровно четыре минуты.

Гитлер снова пришел в себя лишь на пороге дома, безжалостный свет июньского солнца усиливал мертвенную бледность его лица. Обменялись холодными прощальными словами. Бломберг и Геринг остались в Нойдеке.

Разве Геринг не был членом партии? Разве он не был созданием Адольфа? Однако он осмелился выступить на стороне рейхсвера и полиции против партии и СА. Бломберг и Геринг против Гитлера и Рема...

Геббельс размышлял. Краешком глаз он наблюдал за переходом Гитлера от сильного гнева к полной прострации. Маленький уродец предал Грегора Штрассера в Бамберге, он предал Стеннеса в Берлине, и он предал бы также и Адольфа, если бы последний заупрямился, ибо он знал, что сила была на стороне рейхсвера... Но Гитлер должен понять, что ему следовало бы возвратиться к своим первоначальным намерениям. Геббельс был уверен в этом. Был бы необходим лишь один мелкий акт предательства, и министр пропаганды прекрасно примирился бы с ним. Что, в конце концов, он обещал Рему? Вообще ничего. Рём должен быть принесен в жертву.

Адольф был не способен размышлять с быстротой своего нынешнего фаворита, но он должным образом взвесил ситуацию. Можно было бы снова отсрочить решение и ждать смерти старого президента. Открытое нападение в этот момент могло бы поставить под угрозу целиком все будущее партии и лично Гитлера. Но бездействие означало бы фактическое прощение фон Папена и компании, согласие терпеть их наглость, высокомерие и непослушание.

Для СА было бы безумием пытаться выступить против рейхсвера и полиции. Геринг его предал. И в конце концов, был ли он уверен в СА? Был ли он уверен в свирепом и радикально настроенном Реме?

Рём ожидал распоряжений фюрера в Мюнхене, которые не поступали даже после визита канцлера в Нойдек. Все газеты писали о том, что визит носил формальный характер.

Что же случилось? Сообщения Геббельса оставались оптимистичными, но молчание Гитлера все же его беспокоило. Рём информировал Гитлера, что крайне необходимо провести встречу лидеров СА и присутствие фюрера тут обязательно. Гитлер согласился. Он сделал даже больше, ибо он отправил

следующую телеграмму, оригинал которой был показан мне заместителем руководителя одной из групп СА: «Все руководители отрядов СА и их заместители будут присутствовать на встрече в штаб-квартире начальника штаба в Висзее 30 июня в 10-00. Адольф Гитлер».

Рём заключил договор аренды помещения в Висзее. Сразу же по получении ответа от Гитлера он отправился в деревенскую гостиницу и заказал несколько комнат на 29 июня. Он даже заказал вегетарианский завтрак для Адольфа. Я узнал эти подробности от заслуживающих доверия свидетелей.

Гитлер повидался с фон Папеном и заключил с ним временное перемирие, ибо идея сохранения СА как блока, такого же мощного, как блок всех объединившихся немецких консерваторов, была уж очень опасной. Канцлер хотел выиграть время. По-прежнему испытывая жестокие сомнения, он выполнил свое обязательство посетить фабрики Круппа в Рейнской области.

Но Крупп и Геринг были союзниками. Временное перемирие их не устраивало. Они требовали покончить с этими людьми «второй революции» и желали немедленных действий.

Крупп угрожал прекратить поддерживать Гитлера, если «национал-большевиков» не заставят замолчать, Геринг же действовал в Берлине. Он знал, что президент решил объявить о введении законов военного времени, если Гитлер не пойдет на уступки. Он ненавидел Рема еще с 9 ноября 1923 года, когда Рём обвинил его в трусости. Он знал о соперничестве между Гиммлером и Рёмом и был уверен, что Гиммлер станет действовать без колебаний, и он не беспокоился о Геббельсе, который всегда был на стороне победителей. Как шеф берлинской полиции, он не испытывал никаких затруднений в том, чтобы раздобыть компрометирующие свидетельства в отношении Рема. Это досье было быстро состряпано и передано фюреру.

Гитлера убедили в том, что Эрнст Рём готовит восстание, но не против рейхсвера или промышленников, а против него, самого фюрера. Были сфабрикованы новые «эмские фальшивки», показывающие, что опасность (мнимая) постоянно возрастала. Тем временем от Рема прибыла подлинная телеграмма, носящая ультимативный характер. Руководитель штаба СА требовал принятия немедленного решения.

Гитлер ответил пророческими словами: «Конкретные решения, - сказал он, - будут приняты на встрече руководителей». Рём не был удивлен колебаниями Адольфа и продолжил заниматься организацией встречи в Висзее. В гостинице находилось большее число постояльцев, чем обычно. Странно, но весь второй этаж был занят туристами из Берлина. На самом деле

они являлись агентами гестапо, но у Рема не было никаких причин подозревать это, и ему понравились его комнаты на первом этаже.

Вечером 29 июня Геббельс отправил фюреру сообщение. «Рём должен быть официально смещен до 1 июля. Это желание Гинденбурга. Если все необходимые меры не будут осуществлены в течение 24 часов, рейхсвер разоружит СА и без колебаний свергнет самого Гитлера!»

Что было делать Адольфу? Ожидать, покуда Геринг исполнит свою угрозу?

Давайте тщательно исследуем речи, в которых Гитлер пытался оправдать себя после происшествия.

«В два часа утра я получил из Берлина и Мюнхена два срочных и тревожных сообщения. Я узнал, во-первых, что в четыре часа должна была быть объявлена тревога в Берлине, что были заказаны грузовики для перевозки отрядов штурмовиков, и что в пять часов должен был начаться захват и оккупация правительственных зданий.

Имея таковые намерения, руководитель группы СА Карл Эрнст не поехал в Висзее, а остался в Берлине, чтобы лично руководить переворотом.

Во-вторых, я узнал, что мюнхенские отряды СА были предупреждены уже в 9 часов, когда им не разрешили вернуться домой, но привели в боевую готовность».

Все эти новости, бесспорно, исходили от Геринга и были ложными. Одна из бременских газет, плохо «обработанная» министерством пропаганды, наивно утверждала 3 июля: «Руководитель СА Эрнст, арестованный 30 июня в Бремене вместе со своим адъютантом Киршбаумом, был доставлен в Берлин на аэроплане. Фрау Эрнст была арестована в Бремене в это же время, но освобождена 2 июля».

Иными словами, Эрнст был доставлен в Берлин на специальном самолете по приказу гестапо. Ложь Гитлера была тем скандальнее по отношению к тем, кто знал, насколько мне известно, что Эрнст намеревался отправиться на яхте на Азорские острова, чтобы провести там медовый месяц, и что для него на определенное время были забронированы каюты. Фактически, Эрнст был настолько не осведомлен о том, что происходило с ним, что, когда солдаты из команды расстрела выстроились перед ним, он выкрикнул «Хайль Гитлер!» как последний протест против правых заговорщиков.

Короче говоря, последние сообщения Геббельса и тревога Геринга подтвердили худшие из всех опасений Гитлера. Он позвонил Вагнеру, своему преданному баварскому министру, дал

ему инструкции и вылетел в Мюнхен вместе с Геббельсом. Последующие подробности были переданы мне свидетелями, людьми, которые были в Висзее и впоследствии покинули Германию, другом пилота Удета и тюремщиком из тюрьмы, где сидел мой брат.

Министр и гауляйтер Адольф Вагнер приказал всем лидерам СА явиться в Мюнхен для торжественной встречи Гитлера в министерстве внутренних дел. Они заняли свои места за столом, и рядом с каждым из них сидел наемный убийца. Было вино, пиво, шли переговоры. Время пролетело незаметно. Наступил рассвет и зазвонил телефон. Фюрер прибыл на аэродром. Вагнер подал сигнал, и люди СА были немедленно схвачены и разоружены своими соседями, которые принялись их избивать, нанося им удары рукоятками револьверов и пивными бутылками.

Уцелел лишь один человек. Это был пилот Удет из воздушной эскадрильи СА, выскочивший в коридор министерства, где он блуждал, обезумев от страха, гнева и ужаса. Он встретил Гитлера и заговорил с ним прямо, без обиняков.

- Вы что, сошли с ума? - заорал он. - Что вы имеете против нас? Рём не сделал Вам ничего плохого, и он наш вождь.

На лбу Гитлера выступил пот.

- Ничего, ничего, никто не тронет ни одного волоска на вашей голове, - бормотал он.

И Удету позволили беспрепятственно уйти. Он даже смог и дальше жить в Германии, где сейчас занимает видный пост.

После этого инцидента Гитлер, вне себя от ярости, вошел в комнату, где происходила резня. Главные убийцы из Мюнхена, Адольф Вагнер, Герман Эссер, Эмиль Морис, Кристиан Вебер и Вальтер Бух, стояли у дверей, гордые исполнением своего долга. На полу валялись девять окровавленных трупов с разбитыми черепами.

Среди них были Шнайдгубер, Шмидт и Дю Мулен.

Но в своей речи по радио от 1 июля Геббельс имел дерзость сказать, что «фюрер один приблизился к Шмидту, Шнайдгуберу и другим и сорвал с них погоны».

Резня в министерстве внутренних дел свершилась, следующей целью был Висзее. Пуленепробиваемый автомобиль Гитлера стоял наготове, и в сопровождении эскорта эсэсовцев он отправился в путь. Эмиль Морис, Дитрих, Штауб и Вильгельм Брюкнер указывали путь.

Гостиница в Висзее была быстро окружена. Полицейские из Берлина были наготове и ожидали у своих окон на втором этаже. На первом этаже мирно спали «опасные мятежники». Первой, куда ворвались, была комната № 5, и граф Шпретт, шеф

мюнхенского полка СА, был арестован в своей постели. Эдмунд Хейнес, разделявший комнату № 9 и постель со своим шофером, неожиданно увидел перед собой дула револьверов Мориса и Брюкнера. Он на ощупь стал искать свое оружие, но был оглушен рукояткой револьвера и распростерся без чувств в своей пижаме. Прозвучали два выстрела. Хейнес и его шофер были ликвидированы.

Затем Гитлер прошел в комнату № 7. Последовавшая там беседа была повторена мне дословно.

- Кто там? - спросил Рём сонным голосом.

- Это я, Гитлер, немедленно открой дверь!

- Что! Уже? Я не ожидал тебя раньше полудня!

Рём поднялся, открыл дверь и отшатнулся. Гитлер обрушился на него с бранью. Рём, от потрясения потерявший дар речи, взял себя в руки.

Дверь закрылась. Двое мужчин беседовали наедине, затем Адольф вышел.

- Свяжите его, - сказал он.

В коридоре, связанный по рукам и ногам, Рём ожидал решения своего бывшего Друга.

Хозяин увидел его, вскинул руку и наивно воскликнул «Хайль Гитлер!». Рём, с выражением муки на лице, ответил традиционным приветствием Юга Германии: «Слава Богу!»

Затем Гитлер извинился перед хозяином за причиненное беспокойство и отправился в Мюнхен вместе с Улем, также разбуженным и связанным, и Рёмом, этим «мятежником», который был настолько «опасен», что даже не имел личного телохранителя.

«Я захватил революционеров врасплох», - сказал Гитлер в своей речи в рейхстаге после того зловещего дня по поводу Рема и его друзей. Но разве не сам он лично назначил им встречу? Разве не обещал присутствовать на этой встрече? В чем же состояла эта неожиданность? Может быть, виной тому их личные недостатки? Он знал о них все в течение нескольких лет. Гитлер обрушился на банду заговорщиков, которые плели свои заговоры против него лежа в постели. Они крепко спали. Какая удаль!

Все автомобили лидеров СА, следовавшие на встречу с Рёмом в Висзее, были остановлены по пути людьми из СС, а их хозяева арестованы.

Гесс занял Коричневый дом в Мюнхене. Охрана из СА была брошена в тюрьму и заменена эсэсовцами.

Наступил день расправы. Более бледный, чем в прошлую ночь, Адольф отправился на тюремный двор в Штадельгейм. Он смотрел на заключенных, выстроенных там в шеренгу. Они были

его старыми товарищами по оружию, а некоторые были героями Великой войны. «Собаки! - кричал он на них. - Предатели! Перебейте их всех, всех до одного!»

И Бух помечал против фамилии каждого - смерть, смерть, смерть.

Здесь были Ганс Петер фон Хейдебрек, отважный офицер, герой Аннаберга; Вильгельм Хайн, тоже бывший офицер, герой Балтики; Фриц Риттер фон Крауссер, награжденный орденом Макса-Иосифа; все они и многие другие стояли в тот день перед расстрельной командой из СС.

Рём, глядя на тюремный двор из окна камеры, мог видеть, как казнили его друзей и коллег. Час назад он был министром рейха и начальником штаба СА. А теперь он был заключенным в тюремной камере, а на его столе был оставлен револьвер.

- Вы офицер, и вы знаете, что вам остается сделать, - сказали ему, оставляя его одного.

Но Рём закричал во весь голос, так, что его было слышно далеко за пределами тюремного двора, где происходило убийство его друзей:

- Нет, я не окажу Адольфу такую услугу! Если он хочет убить меня, то пусть возьмет на себя ответственность за это!

Рём был убит в тюрьме по приказу человека, который написал ему шестью месяцами ранее:

«Я хочу поблагодарить вас, дорогой Эрнст Рём, за те неоценимые услуги, которые вы оказали национал-социалистическому движению и народу Германии; и ручаюсь Вам, я благодарен судьбе, что такие люди, как Вы, являются моими друзьями и товарищами по оружию.

Ваш Адольф Гитлер».

Агентства новостей сообщили о ста двадцати смертях в Мюнхене. Я же лично полагаю, что эта цифра далека от правды. Тем временем в Берлине Геринг пытался подражать и даже превзойти блестящий образец, продемонстрированный в Баварии. Убийства в Мюнхене были импульсивными действиями человека, потерявшего рассудок. Список жертв в Берлине и провинциях тщательно и систематически продумывался заранее.

«Я расширил сферу действия чистки», - простодушно признался Герман Геринг 1 июля.

Вы расширили сферу действия чистки, господин Геринг? Вы имеете в виду, что в десять, если не в сто раз расширили ее. Когда такому дикому зверю, как Геринг, дозволена свобода действии, мало что может остановить его.

Геринг не получал никаких приказов убивать сотни своих жертв в Пруссии. Под маской политических убийств он совершил

сотни актов личной мести, сводя старые счеты, избавляясь от неудобных друзей.

Давайте вспомним его лишь наиболее вопиющие преступления.

Миф о «заговоре», организованном генералом Куртом фон Шлейхером, Эрнстом Рёмом, моим братом Грегором и генералом Фердинандом фон Бредовом, был ложью. История, что генерал Бредов отправлял секретные сообщения Андре Франсуа-Понсе, французскому послу, была ложью. Позднее Гитлер обвинил этих патриотов в государственной измене. Но их дела никогда не были подвергнуты судебному разбирательству, и не было представлено никаких свидетельств по поводу их. Они были схвачены в своих собственных домах, доставлены в тюрьму и убиты.

Детали убийства фон Шлейхера хорошо известны. Он мирно читал газету, когда шесть головорезов, подталкивая в спину до смерти перепуганную горничную, вошли в гостиную.

- Вы генерал Шлейхер?

Он повернулся и посмотрел на них.

- Да, - сказал он.

Прозвучали шесть револьверных выстрелов, и генерал упал. Его жена бросилась к нему, пронзительно крича, и лишилась чувств.

Тогда убийцы направили свои револьверы на нее.

Генерал Бредов, узнав о смерти своего друга в тот же вечер, спокойно отправился домой, даже не думая скрываться. Разве было это похоже на поведение человека, обвиняемого в заговоре с представителями иностранной державы. Палачей из гестапо он встретил на пороге своего дома. Эхом в ночи прогремели два револьверных выстрела, и генерал присоединился к другим жертвам.

Мой брат Грегор завтракал со своей семьей, когда прибыли восемь агентов гестапо и увели его безо всяких объяснений. Его доставили в тюрьму на Принц-Альбрехтштрассе и бросили в камеру. После двенадцати часов одиночества, темноты и растерянности он вдруг увидел револьвер, направленный на него через решетку. Первый выстрел был неточен, и Грегор укрылся в углу камеры, но три убийцы, включая Гейдриха и Эйке, - наемного убийцу, отвечающего теперь за все концентрационные лагеря в Германии, вошли, и Грегор, изрешеченный пулями, упал на пол. Он еще дышал, когда Гейдрих оказал ему coup-de-grace, выстрелив в затылок.

Эти детали сообщил мне человек, вытиравший следы крови со стен и удалявший следы стрельбы. Он сумел сбежать после казни и присоединился ко мне в Праге.

Шлейхер, Грегор и Бредов были лишь первыми из длинного списка жертв.

Команде, производящей расстрел, отдавал приказания Гиммлер. Людей арестовывали и доставляли в Лихтерфельд, бывшую прусскую кадетскую школу в Берлине, и ставили к стенке. «Огонь! Огонь! Огонь!»

Деттен и Герт, Больвиц и Меркер, Мореншильд и Ганс Кох, Хек, Краузе, Шрейдер, Шрайбер - я мог бы назвать сотни фамилий людей, которых знал, погибших в тот день.

Все время, пока длилась массовая бойня, газетам было запрещено публиковать хотя бы одну-единственную строку об этом. Годом позже в Гамбурге еще были люди, которые не знали, были ли их друзья в Мюнхене, Берлине или в каком-либо другом месте все еще живы.

Клаузенер и несколько других католических лидеров были казнены, так же как и секретари фон Папена.

В Хиршберге, в Силезии, все евреи, все члены «Стального шлема» и несколько коммунистов были арестованы, доставлены на казарменный плац и выстроены в шеренгу лицом к стене. Любого, кто пошевелится, скажет хоть слово или повернет голову, били прикладами винтовок. В два часа ночи арестованных погрузили в грузовики. Им сказали, что допрашивать их будут в Герлице.

Одна из машин остановилась в лесу.

- Поломка, - сказал водитель. - Выходите! Заключенные повиновались. Прозвучали выстрелы из револьверов, и несколько арестантов пронзительно закричали. Восемь человек были убиты на месте.

- Они пытались бежать, - пояснил один из эсэсовцев, забираясь назад в грузовик.

Среди убитых были мужчина шестидесяти шести лет и женщина, которая едва могла идти.

Гитлер нагло заявлял в рейхстаге о том, что имели место шестьдесят три казни членов СА и СС и четырнадцать казней среди гражданского населения. Моим единственным ответом является то, что номер очереди моего брата - 16, в то время как номер Хоффманна-Штеттина, посланный его вдове 10 июля, был 262.

Если исключить преследования католиков, а также и явные ошибки, как с музыкальным критиком доктором Вилли Шмидтом, которого убили потому, что он имел несчастье носить одинаковое имя с одним из лидеров СА (однако происшедшее все же не позволило последнему избежать своей судьбы), то убийства можно было бы разделить на две категории. Первая состояла из

жертв реакции. Вторая, и это было даже ужаснее, состояла из людей, убитых исключительно по мотивам личной мести.

Адольф так же виновен в этих убийствах, как и Геринг. Герман, более жестокий, более прямолинейный в своих методах, имеет бесконечно большее число смертей на своей совести. Но Гитлер, мстительный, хитрый и лукавый, использовал 30 июня, чтобы свести счеты с теми, кто перешел ему дорогу одиннадцать лет назад.

Ни для кого не секрет, что генерал Густав фон Кар, шестидесятитрехлетний старик, два года назад ушедший в отставку, был поднят с постели, доставлен в Дахау и замучен там до смерти. Его изуродованное тело было найдено спустя три дня в болоте рядом с концентрационным лагерем. Все преступление Кара заключалось в его отказе поддержать «Мюнхенский путч» в 1923 году.

Инженер Отто Баллерштедт, выступивший против массовой облавы, произведенной нацистами на Мюнхенской встрече, и возбудивший дело о приговоре Гитлера к трем месяцам тюрьмы, был убит специальной командой наемных убийц.

Мы уже упоминали, что смерть была воздаянием, полученным патером Бернхардом Штемпфле за редактирование книги «Майн кампф» и поэтому знавшим о слабостях автора.

Я потратил много дней, составляя списки убитых. Подробности все новых и новых злодеяний постоянно доставлялись мне моими агентами.

В ходе моих расследований я натолкнулся на имя известного журналиста Герлиха, убийство которого сначала показалось мне совершенно непостижимым. Почему этот несчастный человек, находившийся в тюрьме со времени прихода Гитлера к власти, был расстрелян именно сейчас?

Объяснение тайны было связано с еще более чудовищным преступлением, подробности которого я узнал два года назад.

Убийство моего брата Грегора было для меня ужасным ударом. Впоследствии моим самым серьезным желанием было увидеть моего брата Пауля, который фактически знал все последние мысли Грегора. Я хотел узнать их и понять более объективно, чтобы оценить вину Адольфа.

Пауль, как Грегор и я, был офицером во время Великой войны. В августе 1918 года командовал батареей, которая преуспела в переправе через Марну под Дормансом и продержалась там в течение 48 часов. Он был тяжело ранен в ходе этой операции и после войны вступил в орден, став бенедиктинцем.

После резни 30 июня Пауль отправился в Рим. Я поддерживал

с ним оживленную переписку, и мне не терпелось увидеться. Однако прошло два года, прежде чем мы встретились в Австрии весной 1936 года и провели несколько дней вместе.

- И только подумать, - проворчал Пауль однажды вечером, - что Грегор однажды удержал. Гитлера от самоубийства,

- Когда это было? - спросил я несколько рассеянно.

Пауль замкнулся, а затем продолжил тихим голосом:

- После убийства его племянницы Гели.

Вот тут я завелся.

- Это тебе тоже рассказал Грегор?

Пауль кивнул.

- Я поклялся хранить это в секрете. Грегор провел трое суток с Адольфом, который вел себя как безумный. Грегор сказал мне, что Гитлер застрелил ее во время ссоры, вероятно не осознавая, что творит. Вскоре после убийства Гели он хотел покончить с собой, но Грегор помешал ему.

Мне хотелось выяснить другие подробности.

- Ты знаешь, кто был там во время убийства и как это случилось?

- Я ничего больше не знаю. Грегор мне ничего больше не говорил. Он рассказал мне это во время приступа глубокой депрессии, и я хранил тайну все время, пока он был жив.

- Но, Пауль, в 1931 году Гитлер был еще никем. Как же он избежал правосудия? Грегор не рассказывал тебе об этом?

- Следствие было начато в Мюнхене. Прокурор, живший за границей после прихода Гитлера к власти, требовал обвинить его в убийстве, но Гюртнер, министр юстиции Баварии, закрыл дело. Было объявлено, что Гели совершила самоубийство.

- Снова Гюртнер! - воскликнул я. - Всегда Гюртнер. Знает ли об этом еще кто-нибудь?

Тем временем Франц Гюртнер стал министром юстиции рейха.

- Да, был кое-кто еще, - ответил Пауль. - Он был убит в тот же день, что и Грегор. Ты помнишь Герлиха, редактора газеты «Правильный путь»? Одновременно с полицией он провел частное расследование и собрал против Гитлера веские улики. Фосс, адвокат Грегора, бесспорно, тоже знал об этом все. У него в доме находились все секретные документы нашего брата, но он был убит так же, как и Герлих. Со времени смерти Гели прошло девять лет; шесть лет - с того времени, как безумный и жестокий человек подал сигнал к началу Варфоломеевской ночи в Германии.

В ноябре 1939 года я был в Париже, где написал несколько статей для «Journal», упоминая смерть Гели и вину Гитлера.

Спустя три дня мне позвонил редактор «Австрийского

курьера».

- Вы знаете отца Панта? - спросил он.

- Нет, лично нет, но я знаю, что он жил в Мюнхене и что он был братом прелата и сенатора Панта, бывшего руководителя антинацистски настроенных немцев в Польше.

-Да, - сказал он. - Отец Пант сейчас в ссылке, но он просит меня отправить вам следующее послание, которое я повторю дословно: «Я был тем, кто похоронил Ангелу Раубаль, малышку Гели, о которой писал Штрассер. Они сделали вид, что она совершила самоубийство; но я никогда не позволил бы захоронить самоубийцу в освященной земле. Из того факта, что я похоронил ее по христианскому обычаю, вы можете сделать выводы, которые я не могу вам сообщить».

Глава 11. Гитлер во главе Европы

Не может быть никакого сомнения в том, что 30 июня 1934 года стало решающей датой для режима Гитлера, В тот день Адольф сделал свой выбор - в пользу войны.

Национал-социалистическая революция в Германии могла бы стать дорогой, ведущей к упрочению мира в Европе. Но для канцлера национал-социализм был бессмысленной фразой. Он не понял ни его реальных потенциальных возможностей, ни его фундаментальных принципов, и он просто боялся того, к чему национал-социализм мог привести. Подобно благоразумному ученику волшебника, он опасался оказаться неспособным управлять силами, которых он сам вызвал к жизни. В своем страхе перед неведомым будущим он нашел спасение в прошлом. Он отказался от_ своих расплывчатых революционных целей в пользу конкретных реалий пангерманизма, пруссачества и их империалистских устремлений.

Может быть, он полагал, что будет способен повернуть обратно, когда обстоятельства станут тому благоприятствовать; возможно, он все еще верил, что будет способен управлять событиями. Но есть логика событий, против которых человеческая воля бессильна.

Как экономические, так и политические тенденции, обнаружившиеся после массовых расправ над представителями «второй революции», должны были неизбежно вести к катастрофе.

В середине июля 1934-го Гитлер предложил Ялмару Шахту, президенту Рейхсбанка, пост министра национальной экономики. Финансы и промышленность были поставлены под единый контроль, и перевооружение армии началось.

16 марта 1935 года повторно введена обязательная воинская повинность.

7 марта 1936 года началась ремилитаризация Рейнской области.

24 августа 1936 года срок военной службы увеличен до двух лет.

1937 год был полон важных событий во внешней политике. Оформилась ось Рим-Берлин, был подписан антикоминтерновский пакт, и Германия вмешалась в Гражданскую войну в Испании. Была подготовлена сцена для побед 1938 года.

В марте 1938 года войска Гитлера оккупировали Вену. Стратегические и политические причины для захвата Австрии хорошо известны, но у Гитлера был также еще и тайный повод,

которому никогда не придавали должного значения. Ему следовало сделать Австрию немецкой, чтобы наконец-то перестать самому быть иностранцем в Германии.

После оккупации Вены Адольф бросает жадные взоры на Прагу. В сентябре 1938 года он оккупирует Судетскую область, и 15 марта 1939 года немецкие войска вступают в столицу Чехии. Спустя несколько дней они заняли Мемель. Тут же развернулась пропагандистская кампания против Польши.

Все это осуществлялось в соответствии с тщательно разработанным планом. Хотя некоторые инциденты замедляли его выполнение, Адольф Гитлер никогда не упускал из вида этот план.

В сентябре 1939 года немецкая армия перешла границу Польши, и с этого момента война вспыхнула на двух фронтах.

Роковые последствия этих беспрестанных актов агрессии не попали в поле зрения диктатора. В течение всех этих лет его неизменным политическим приоритетом был союз Германии с Италией и Великобританией против России и Франции. В этом отношении он находился на одних позициях с пангерманистами и в частичной оппозиции по отношению к настоящим пруссакам. Последние, представленные кликой юнкеров, из которой вербовались армейские офицеры, были за союз с Россией. Их центр находился в Бонне, студенческая организация была известна под названием «боруссианцы», название, которое подчеркивает расовое сходство между славянами СССР и славянами с берегов Шпрее.

В течение столетий все обладающие чувством собственного достоинства пруссаки признавали лишь трех врагов - Францию, Австрию и Польшу, три державы, которые угрожали им.

Но в 1871 году, когда родился немецкий капитализм и немецкая внешняя торговля начала свое триумфальное шествие, новая идея зародилась в умах национал-либералов, поддерживавших тяжелую промышленность и крупных финансистов. Это была идея пангерманизма.

Пангерманизм стремился господствовать в Европе. Он проповедовал союз с Британией в интересах внешней торговли и был непримиримо враждебен по отношению к России и Франции.

Гитлер далеко отошел от программы национал-социализма, которая, конечно же, требовала свободы и возможности воссоединения различных ветвей германского народа, но в то же самое время стремилась сделать Германию членом большой европейской семьи, в этом отношении следуя лозунгу своего духовного лидера, Меллера ван ден Брука, сказавшего: «Мы были тевтонами, теперь мы немцы, мы будем европейцами».

Гитлер, отвергнув идеал национал-социализма, все более и более попадал под влияние реакционеров. Он не только зависел от них материально, он не только приносил им в жертву свои внутриполитические идеи; теперь они казались ему вполне приемлемыми сотрудниками, не встревоженными и не напуганными его безумными идеями мирового господства.

Однако он не мог внезапно сбросить маску. Его врожденное политическое чутье подсказывало ему, что он по-прежнему должен использовать свою революционную лексику, чтобы не потерять доверие своих прежних сторонников.

Он все еще продолжал говорить о социализме, даже после назначения Шахта министром национальной экономики. Он по-прежнему разглагольствовал о Народном сообществе, единстве германского народа, одновременно бросая сотни тысяч немцев в концентрационные лагеря.

Он, как и раньше, рассуждал о мирных методах, в то же время совершая насилие над чехами.

Он по-прежнему заявлял о мире, тем временем развязывая войну.

Двуличность? Это слово является одновременно и слишком слабым, и слишком сильным. Адольф не перестал чувствовать того, чего же хочет немецкий народ. Он говорил о социализме, о Народном сообществе, о мире, ибо его сторонники, да и вся Германия были за социализм, Народное сообщество и мир.

Но его действия находились в вопиющем противоречии с его словами, ибо его безумная идея господства в Европе была теперь поддержана кликой промышленников-пангерманистов и прусских юнкеров, которые использовали его, так же как они использовали ао него кайзера для достижения своих извечных целей.

Тут мне кажется важным опровергнуть доктрину, которая приписывает Адольфу обширные политические проекты, давно задуманные планы, ведущие к его союзу со Сталиным в 1939 году. По моему глубокому убеждению, этот противоестественный для Гитлера союз фактически представлял собой полный крах настоящих идей Адольфа. Я безо всяких колебаний могу назвать Адольфа «неудачливым ухажером Британии».

Лишь одна-единственная вещь имела для него значение в области внешней политики. Он говорил о ней со мной в последний раз, когда я видел его, и за минувшие десять лет он не изменился. Его мечтой был союз с Англией, чтобы установить господство над Европой. «Суша нам, моря - Англии», - сказал он.

В течение всего того времени, когда я часто виделся с Адольфом, у меня развилась привычка записывать, как только я возвращался домой, все то, что он говорил, его фразы, которые

приводили меня в изумление. После разрыва с ним я сознательно продолжал, как и прежде, записывать «высказывания Адольфа», которые сообщались мне надежными людьми, постоянно общавшимися с ним.Таким образом, я знаю, что в конце 1938 года он не отказался от своей надежды прийти к пониманию с Англией, и его ненависть к Франции осталась неизменной.

«В Европе может быть лишь одна великая держава, - сказал он мне однажды, - и Германия, самая арийская страна из всех, должна стать этой державой. Другие нации - сплошь метисы и, следовательно, не должны стремиться к господству над другими народами нашего континента.

Нам не нужна колониальная империя, которая была бы бесполезной для нас и лишь втянула бы нас в ненужную ссору с Британией. Британия должна, по самой природе вещей, быть нашим союзником. Все указывает на это. Двумя существенными факторами являются сходство рас и гармония интересов с обеих сторон. Если мы оставим моря Англии, то европейский континент будем нашим.

Не говорите мне о довоенной политике. С помощью англо-германского союза мир мог бы быть обновлен и значение Франции сведено на нет. Наш смертельный враг был бы изолирован. Франция, эта страна «негроидов», пришла бы в упадок, она заслужила это тысячу раз, хотя бы лишь вследствие своей колониальной политики. Когда наступит время свести счеты с Францией, Версальский договор будет детской забавой по сравнению с теми условиями, которые мы ей навяжем. Но для этого мы Должны быть вместе с англичанами».

Позже, после его прихода к власти, он сказал одному из членов своего entourage (окружения), который остался мне верен: «Если вспыхнет война, нам не следует ждать три года АО подписания мирного договора в Брест-Литовске. Когда евреи и коммунисты в союзе, то гибель неизбежна».

В 1936 году, после подписания соглашения 11 июля с Австрией, он сказал: «Поход на Восток состоится несмотря ни на что. Вена лишь первый шаг на пути к нему. Колосс на глиняных ногах должен быть повержен, а Россия должна быть вычеркнута из списка европейских держав».

В 1937 году он долго беседовал с иностранным промышленником, дав ему аудиенцию. «Колонии очень мало меня интересуют, - сказал он. - Мне хотелось бы, чтобы Англия поняла это. Если она развяжет мне руки на Востоке, я откажусь даже от увеличения своего торгового флота. Как получилось то, что Англия не понимает, что ее единственным врагом является Франция?»

А в 1936 году, вскоре после визита дуче, он сказал: «Так называемые патриоты обвиняют меня в измене, потому что я отказался от Южного Тироля. Ссоры не могут продолжаться вечно.

Требовать Южный Тироль означало бы совершить преступление, равное вмешательству в колониальную политику Британии. В ходе последней войны Германия рискнула спровоцировать революцию в Индии. Ни одна страна не годится больше, чем Англия, для того чтобы управлять Индией. Индусы меня не интересуют. Англичан нужно будет поставить на колени, прежде чем они откажутся править ими.

Если бы я нашел хотя бы одного человека с моим характером в Англии, англо-германский союз был бы уже подписан, и Германия властвовала бы в Европе».

Наконец, в начале 1939 года Гитлер сказал генералу фон Фричу, защищавшему союз с Россией: «Союз между Германией и Россией был бы не только сигналом к войне, он стал бы для Германии началом конца».

Таким образом, несмотря на явную эволюцию взглядов, фундаментальные идеи Гитлера оставались неизменными, с тех пор как он написал «Майн кампф» с помощью отца Штемпфле. В то время, когда издание «Майн кампф» без ведома Адольфа появилось во Франции, его вера в союз с Британией слегка пошатнулась; он запретил продажу книги и организовал отдельное издание, специально откорректированное для французов.

Но если его политические идеи действительно подверглись каким-либо изменениям, он, конечно же, пересмотрел бы немецкую версию «Майн кампф», ставшую германской библией. Однако он не сделал этого, и последнее издание, вышедшее в свет в 1939 году, является идентичным изданию 1926 года.

Привлекательность того, что Англия последует за Гитлером, в равной степени основывалась как на его расовой мании, так и его убеждении в том, что только дружба с Британией позволит ему осуществить свои империалистические замыслы. Дружба с Британией занимает в его голове такое же место, что и классовая борьба в голове у марксистов. Те, кто позволил ослепить себя подобными навязчивыми идеями, вероятно, не могут четко ориентироваться во внешней политике.

Я вспоминаю беседу с британским дипломатом, аккредитованным в Берлине. К сожалению, я не могу обнародовать его имя.

- Я виделся с Гитлером, - сказал он мне однажды по телефону. - Когда мы можем встретиться?

Я спросил его, можно ли мне взять с собой моего друга Бухруккера, и мы встретились в клубе.

- Во-первых, - начал он, - ваш Адольф начал кланяться немного слишком низко. Я думал, что нахожусь в гостях у звезды, но обнаружил себя лицом к лицу не более чем с маленькой soubrette. Розенберг был там, и мы, естественно, говорили о внешней политике. Довольно любопытно то, что этот будущий министр иностранных дел Европы не знает ни слова ни по-французски, ни по-английски. Гитлер предложил заключить англо-германский союз, потому что, возбужденно кричал он, «нордические расы должны управлять другими и поделить земной шар».

- И что же вы ответили? - спросил я.

- Я сказал, ему, что обширные и экстравагантные проекты такого рода кажутся мне лишенными смысла. Англия - древняя страна, внешней политике которой вот уже несколько сот лет. В 1801 году мы разбили флот нордической Дании и подвергли бомбардировке Копенгаген; в 1914 году мы вооружили арийских сикхов против нордических германцев. Догматические отношения по этому вопросу кажутся нам иллюзорными; мы защищали наши национальные интересы. Но сильные национальные интересы других народов являются вещами, которые Гитлер, охваченный страстью к господству над Европой, никогда не поймет.

Я встретился с Гитлером в 1928 году, в Динкельсбюле, после похорон моего брата, и мы говорили о великих исторических деятелях. Великими людьми в глазах Гитлера были лишь великие завоеватели. Было естественным, что в таком месте беседа коснется темы жестокой борьбы между Валленштейном и Ришелье.

- Нет, Ришелье не был великим человеком, - возбужденно воскликнул Гитлер. - У Франции есть только один великий человек, Наполеон, а он был итальянцем!

- Но что же в таком случае вы скажете о Рабле, господин Гитлер?

Он с изумлением посмотрел на меня и провел рукой по брови. Я прекрасно знал, что Адольф, возможно, никогда не слыхал о Рабле, и я не придавал этой реплике серьезного значения. Я пояснил, что для меня Рабле представляет французскую joie de vivre, искусство наслаждаться жизнью, любовь к веселью, вину и женщинам.

Адольф брезгливо пожал плечами и продолжил:

- Давайте говорить серьезно. Можете вы назвать каких-либо великих французов?

- Посмотрим, - сказал я. - Ришелье, Генрих IV, Дантон,

Клемансо.

- Все они были посредственностями, страдающими недостатком честолюбия, - ответил Адольф. - Они не были титанами. Их мечты не выходили за рамки их ограниченных представлений.

- Сдержанность является одним из главных признаков великого человека, это единственная вещь, которая отличает его от утопистов и сумасшедших, - указал я. - Человек, не знающий границ своих собственных возможностей, неизбежно терпит крах и тянет вниз за собой что-нибудь еще. Взгляните на Карла V, Наполеона или этого маньяка Вильгельма II.

- Тем не менее идея одной нации, призванной управлять другими, коренится в мозгу каждого великого человека. Германия призвана преобладать там, где другие потерпели неудачу.

- Нет, господин Гитлер, вы отказываетесь признавать, что первым инстинктом нации является инстинкт свободы. Этот инстинкт в конечном счете всегда будет сильнее, чем любая человеческая «воля к власти». И наконец, вы забываете, что желание подчинить народы других государств противоречит основному принципу национал-социализма.

По словам Гитлера, долгом вождей Германии будет с годами прийти к организации рейха на спартанских началах, чтобы подготовить его к гегемонии в Европе.

- Только немецкий народ останется народом воинов; другие нации будут илотами, обслуживающими касту воинов тевтонцев. Наш меч будет гарантом их мира и компенсацией за их труд. В Европе больше не будет пяти, шести или восьми великих держав; будет лишь одна всесильная Германия.

Я возразил, что такой проект мог быть осуществлен лишь после ряда войн.

- Нет, - ответил он. - Европа прогнила насквозь, но что значит война, если впоследствии вечный мир будет гарантирован мечом Германии?

- Вы, конечно же, должны знать, что даже Спарта потерпела неудачу в установлении своей диктатуры над Афинами, - ответил я. - Но в результате их ссор и демократические Афины и мрачная Спарта в равной мере стали добычей чужаков-варваров. Вы читали «Демосфена» Клемансо? Вы знакомы с Филиппиками? Единство было тем, что могло бы спасти Грецию, и лишь единство может спасти Европу. Хороший национал-социалист должен быть европейцем, он должен вносить вклад в европейскую солидарность.

- В Европе нет никакой солидарности; есть только подчинение. Спарта потерпела неудачу потому, что у нее не было

тирана, и потому, что она управлялась кликой неспособных аристократов.

Интерес на сегодня представляет вопрос, почему Гитлер отказался от дружбы с Англией и согласился стать союзником СССР; почему он уступил своему министру фон Риббентропу, принадлежавшему к группе юнкеров и милитаристов, в которых нашли свое воплощение политические амбиции пруссачества. Секретный доклад об армейской элите, датированный 12 декабря 1939 года, проливает некоторый свет на этот вопрос. Вот цитаты из него: «...Не допускайте там никаких недоразумений. То, что произошло и происходит в отношении Польши, так же как и России, является исключительно результатом военной политики. Гитлер играет роль марионетки. Гестапо - это орудие террора, необходимого для того, чтобы осуществлять планы генералов».

«Когда генералы вошли в Польшу, они верили, несмотря на заявления Франции и Британии, что кампания быстро закончится в их пользу и что не будет никакой войны».

«Еще до того, как все стало ясно, я информировал вас, что, если Гитлер или его люди осмелились бы совершить в отношении России крайние действия, они должны были бы быть арестованы и расстреляны за государственную измену. Гитлер выбрал правильный путь прежде, чем это было бы слишком поздно сделать».

«Я предупреждаю вас, что можно ожидать других сюрпризов. Весь мир внимательно наблюдает за Россией, которая стоит сейчас у ворот Германии. Все очень нервничают, но не немецкие генералы. Мне нет никакой нужды рассказывать вам, что они думают о союзе с Италией; в армейских кругах он расценивается лишь как целесообразный и временный».

Давление, оказывавшееся на Адольфа Гитлера немецкой армией, становится явно заметным со времени этого сообщения. Лично я никогда не сомневался в его существовании. Дух Гинденбурга все еще жил в Германии. Но было бы недостаточно этого отдельного фактора, чтобы отклонить Адольфа от его великой идеи. Он никогда не отказался бы от своей ненависти к большевикам, никто из его непосредственного окружения не согласился бы с этим, если бы внезапно не обнаружилась неискренность мыслей Адольфа. Франция не была страной «метисов» и не была слабой страной, испытывающей недостаток во внутреннем единстве; у нее не было никакого желания повторить свою трагическую ошибку при Садовой, пожертвовав Польшей.

Британцы оставались равнодушными к торжественным заявлениям своих немецких «братьев» о дружбе. Обещание немцев

оставить Британии ее господство над морями не побуждало ее выпустить из своего поля зрения европейский континент; и опасность со стороны немцев казалась Британии куда более грозной, чем со стороны французов. Наконец, Польша доказала Гитлеру, что страсть народа к свободе может заставить его пойти на отчаянные поступки.

Голубые книги, желтые или белые книги никогда не передадут всю меру разочарования Гитлера, когда Британия и Франция вступили в войну. Когда он подписывал свой пакт Россией, он все еще надеялся, что это лишь временный шаг; он верил, что по-прежнему сохранял за собой свободу действий в будущем. У него все еще бывают моменты, когда он полагает, что благодаря Герингу и его другу Стиннесу он сможет склонить Англию на свою сторону.

Однако его мечты о господстве в Европе остаются неизменными. Так как Англия отказывается понимать его, он решил, что и она должна испытать судьбу других покоренных народов, будучи низведенной до статуса илота, находящегося на службе у спартанской Германии.

Воодушевленный горячей любовью к своей стране и глубокой преданностью европейской идее, убежденный, что Германия должна жить, охраняя порядок, для того чтобы могла жить Европа, я осуждаю чудовищные планы Гитлера о мировом господстве. Каковы бы ни были обещания Гитлера или его друзей, он стремится лишь к одной-единственной цели - поставить Европу на колени и править континентом в качестве его полновластного хозяина и тиранить другие нации так же, как он тиранит Германию.

Глава 12. Будущее против Гитлера

Ужасная угроза Западу, представленная союзом России и Пруссии, может быть сравнима лишь с угрозой нашествия аварцев, монголов и турок в девятом, тринадцатом и шестнадцатом столетиях. Но прошлое учит нас, что народы Европы черпают в своей религии и своем стремлении к свободе постоянно возрождающуюся силу, которая позволяет им восстать, как один, и отразить нападение варваров.

«Бог испытывает тех, кого Он любит». Христианская заповедь напоминает нам, что угроза может быть средством спасения, что она может пробудить и у индивидуумов, и у наций жизненные силы, которые в периоды пресыщенности, материализма и нигилизма могут казаться мертвыми.

Гитлер-расист и Сталин-марксист никогда не чувствовали или не понимали морального закона такого возрождения. Черпая силы в своем безумном материализме, они полагали, что души людей мертвы, что миллионы готовы принимать рабство до тех пор, пока живы их тела. Но в жизни наций есть и другие проблемы, а не только проблемы безработицы, классовой борьбы, рас и жизненного пространства. Идеалы Свободы, Чести и Веры все еще способны руководить действиями людей и поднимать их на борьбу против самых больших опасностей. Гитлер и Сталин не сумели понять эту истину, потому что эти идеалы - вера, честь и свобода - остаются для них бессмысленными словами.

С удивлением и восторгом иностранные обозреватели увидели изменения, произошедшие во Франции и Англии после подписания известного Мюнхенского договора. Но Гитлер отказывался признавать их и продолжал упорствовать в убеждении, что Франция прогнила, а Англия - беспомощна.

В конце 1937 года министр иностранных дел Германии фон Нейрат попросил своих послов во Франции, Италии и Англии присылать ему обстоятельные и строго объективные сообщения о ситуации в этих странах. Адольф, однако, утратил доверие к своему министру иностранных дел, и фон Нейрат горько сетовал, что Гитлер следовал советам только господина фон Риббентропа. Сообщения послов были переданы Гитлеру и вызвали у него ужасную вспышку ярости.

«Ваши донесения, - заявил он фон Нейрату, - находятся в прямом противоречии с конфиденциальными донесениями, которые я получил. Откуда этот болезненный пессимизм? Я знаю, чему следует верить, когда речь идет о Франции или об Англии».

Двумя месяцами позже фон Нейрат был заменен Иоахимом

фон Риббентропом. У графа Вельчека, тогдашнего посла Германии в Париже, имелись все основания быть встревоженным тем, как развивалась политика Германии. К середине 1938 года он попросил своего военного атташе пообщаться с фюрером и попытаться представить ему правдивую картину о состоянии Франции и французской армии. Военный атташе был вызван в Берлин, и его донесение гласило: «Генеральный штаб Франции находится на необычайно высоком уровне, офицеры и сержанты отлично обучены, материальная база, особенно моторизованных дивизий, является первоклассной. Люди ничуть не утратили своих боевых качеств. В любом случае французская армия 1937 года превосходит армию 1917 года».

После прочтения этого сообщения Гитлер послал за военным атташе.

- Господин генерал, - сказал он, - вы старый офицер, вы потерпели поражение в 1918 году и вы все еще находитесь под неприятными впечатлениями от своего поражения. Поймите же наконец, что не Франция, а Америка разбила нас. Моя личная информация убеждает меня в том, что у французской армии, отравленной большевизмом, нет ни храбрости, ни инициативы. Мобилизация не смогла бы пройти без большого вмешательства и беспорядков со стороны коммунистов, и даже если мобилизация была бы успешно проведена, в первом же сражении солдаты скорее стали бы стрелять в своих офицеров, чем в нас.

Военный атташе стал красноречив.

- Я могу лишь предупредить вас не доверять подобным идеям, - ответил он.

- Донесения, которые вы получаете, ложны и опасны. Молодым людям, действующим в качестве ваших наблюдателей, недостает опыта. Они говорят по-английски и по-французски, но они не знают ни Англии, ни Франции, В Париже они фланируют по бульварам и якшаются с немногими парламентариями и людьми из общества. Они не имеют никакого представления о подлинной силе Франции; они ничего не знают об истории Франции, о французских провинциях или о французском офицерском корпусе.

- Я запрещаю вам, господин генерал, оскорблять моих лучших сотрудников в такой манере. Их молодые глаза видят больше, чем глаза старых офицеров, ослепленных предрассудками.

После этого военный атташе подал в отставку, но Гитлер отклонил ее.

Человек, описавший мне эту встречу, имел непосредственное отношение к посольству Германии в Париже, и, когда вспыхнула война, вместо того чтобы возвратиться в Берлин, он предпочел

остаться в нейтральной стране.

- Нет никакого способа открыть глаза фюреру, - доверительно сказал он мне в прошлом году. - Он отказывается что-либо видеть.

- Тогда он ничуть не изменился, - ответил я. - Когда я в свое время работал с ним, Гесс имел обыкновение останавливать меня у самой двери и просить: «Ради всего святого, не говорите ему это» или «Ради всего святого, не говорите ему то». Он не может переносить плохие новости.

Гитлер закрывал глаза на то, что действительно происходило во Франции и в Англии. Он не мог видеть и не видел того, что происходило в умах итальянского и испанского народов, и даже еще больше - он закрывал глаза на глубокие изменения народа Германии.

Все же «Гитлер и Германия» - оставалась проблемой первостепенной важности, исходя из политических, моральных, исторических и этических соображении.

Нацистская диктатура покрывала Германию подобно толстому слою льда над рекой. Лед является неотъемлемой частью реки и остается прочным лишь до тех пор, пока река питает и поддерживает его. Но в один прекрасный день вода отделяется от своего ледяного покрова, и между ними образуется пустота, невидимая с берега. Лед по-прежнему кажется таким же прочным, как и прежде, но его можно теперь разбить вдребезги одним ударом топора.

Это точная аналогия того, что медленно происходило с диктатурой нацистов, начиная с 1933 года. Было бы глупо отрицать, что Гитлер и его система были до некоторой степени выражением настроений немецкого народа, иллюстрацией его природы, осуществлением его стремлений. Но все это не может быть вечным. Разве льду не нужны определенные атмосферные условия для того, чтобы он образовался?

Под неподвижной поверхностью река остается живой, как и прежде. Невозможно полностью остановить развитие, революцию немецкого народа. Чувства и стремления масс, воля людей, способных к независимым суждениям, отделились от немецкой диктатуры или стали враждебными ей. Между водой и слоем льда образовалось пустое пространство. На ледяном покрове уже появились трещины.

После семи лет диктатуры немецкие тюрьмы и концентрационные лагеря были заполнены больше, чем в течение первых месяцев. Разве это является Народным сообществом, общиной людей, возглавляемой своим фюрером? И это есть то самое народное счастье и единство и безоговорочное восхищение

фюрером, о котором так много говорили лидеры НСДАП? Может быть, они шутили?

Два миллиона немцев долгие месяцы и годы были узниками гестапо, не понаслышке были знакомы с «прелестями» Дахау, Бухенвальда или Ораниенбурга. У этих двух миллионов были родители, жены, дети. Другими словами, около десяти миллионов человек лично пострадали от методов правления, применяемых Гитлером. Можно ли всерьез полагать, что мученики режима Гитлера и их семьи любили и восхищались Гитлером? Есть ли хоть один человек, который не знает, что знаменитые плебисциты, во время которых Гитлер неизменно получал подавляющее большинство, превышающее девяносто девять процентов, - фальсифицированы? Воспринимает ли кто-нибудь серьезно те голоса участников плебисцитов, что собраны в концентрационных лагерях под угрожающими хлыстами охранников? Разве не удивительно, что из 1572 заключенных в Дахау восемь отважились проголосовать в 1934 году против Гитлера, а десять имели безрассудство представить незаполненные избирательные бюллетени? Два миллиона человек, брошенных в гитлеровские тюрьмы, были первыми бойцами и первыми жертвами в святой войне против бича, опасность которого многие другие немцы и многие другие европейские народы поняли лишь гораздо позже.

Сегодня каждый знает об исходящей от нацистов опасности, но в течение тех долгих лет лишь относительно небольшое число проницательных немцев в одиночку боролись против Гитлера и Сталина. Потребовался союз между двумя палачами и новое возрождение пруссачества, чтобы разбудить Европу.

Решительные намерения прусских генералов отображены в докладе, из которого мы приводили цитаты в предыдущей главе. А вот другие цитаты: «Исходящая от большевиков угроза никогда не производила никакого впечатления на немецких военных. Напротив, с точки зрения их касты, некоторые из них находят русскую систему идеальной. Они знают, что период Ленина закончился. Военные знают Россию лучше и имели возможность изучать развитие ее режима более близко, чем многие из тех, которые писали об СССР книги. Они знают, что правящий класс России составляет новую аристократию. Частная собственность была отменена, ну и что же из того? Правящая группа вершит всеми делами и живет очень комфортно. Прежде всего, она имеет власть и огромный аппарат, который, в отличие от аппарата нацистов, поддерживается с помощью идеала. Тот факт, что этот идеал стал менее радикальным, не делает его неэффективным».

«Возможно, мы увидим национал-большевизм России и

Германии угрожающим Западу с территории Германии. Тогда мистер Чемберлен сможет заполучить идеологическую войну, против которой он отказался сражаться, когда еще было время».

«В ходе последней войны генералы поняли, что антикапитализм мог бы изменить лицо мира. Что сказали бы люди, если бы вдруг чудовищным судебным разбирательствам подверглись крупные капитаны промышленности, если бы были конфискованы фабрики, после того как их владельцы были бы расстреляны, как это было в России? Оппозицию можно было бы одолеть этими мерами и подчинить воле военных. Существует ли какое-либо сомнение в том, что подобные меры причинили бы неприятности другим нациям, если бы они умело подавались пропагандой?»

«Большевизм не представляет угрозы для военных; они предпочитают его социализму с его «болезненным пацифизмом». Большевизм никогда не был пацифистским, но являлся агрессивным и милитаристским».

«Генералы расценили бы модификацию, обработку большевизма как свою большую удачу. Есть много из них, для кого природа режима, при котором они живут, не имеет ни малейшего значения при условии, что они смогут играть при нем свою роль. Никогда нельзя забывать о том, что прусский офицер не воспитывается в качестве верного слуги буржуазного правительства, как, например, его коллеги во Франции и Англии; он приучен играть руководящую роль. Гитлер нужен военным для достижения своей цели, и в течение последних нескольких лет им пришлось поступиться многими вещами. Но теперь со всем этим покончено. Теперь командуют генералы, и они разрешат только те изменения, которые им подходят».

«Нужно объявить войну Англии, которая является их;! врагом в данный момент. Это будет борьба не на жизнь, а на смерть, но военные убеждены, что на сей раз дела пойдут лучше, чем в 1914 году».

«Я только что упоминал о возможности организации чудовищных судебных разбирательств в отношении крупнейтих промышленников. Офицеры могут пойти еще дальше. Они знают о могуществе социал-демократической идеи, они осведомлены о том, что Грегор Штрассер называл «антикапиталистической мечтой масс» и о ее привлекательности также и для средних классов. Если они хотят выиграть войну, они должны будут сформулировать программу и принести в жертву немалые ценности магнатов. Гитлер не может выдвинуть такую программу, только они могут сделать это. Это область, в которой нам следует ожидать сюрпризов».

«Что сказали бы страны Запада, если были бы устроены чудовищные суды над нацистскими воротилами, в которых те были бы обвинены в коррупции и в связях с иностранными правительствами? Целью последних, естественно, стало бы спасение капитализма. Что сказали бы наши соседи в случае, если свидетельские показания разоблачили бы ту роль, которую западные капиталисты играют в этом?»

«Гитлер видит опасность. Именно поэтому он так часто посещает фронт. Остальные лидеры нацистов не появляются на фронте, или, скорее, им не разрешено делать это. Нацистские вожди станут первыми жертвами генералитета».

Ужасные видения, которые эти тайные планы прусских военных порождают в умах каждого добропорядочного европейца, должны не парализовать нас, а, напротив, вдохновлять к сопротивлению и к тому, чтобы нанести им поражение.

Я называю «европейцем» каждого человека, сознающего наше общее христианское наследие, наши общие исторические корни и цивилизацию, неделимость нашей экономической жизни. Германия всегда была частью европейской семьи, и она должна будет остаться ею, если Европа не остановится на Рейне, то есть Европа должна оставаться Европой.

Говорят, что народ Германии полностью предан своему фюреру.

Кто несет ответственность за это утверждение? Нацистская пресса, нацистское радио и нацистские агенты во всем мире. Не позволим себе обманываться или верить восторженным словам нескольких юных немецких военнопленных. Энтузиазм присущ молодежи, а эти молодые парни не знали никакого другого режима, кроме гитлеровского.

Нет, народу Германии нужна немецкая революция, то есть национальная и социальная революция.

Народу Германии нужно Народное сообщество, община равных людей. Ему нужна свобода в собственном доме, то есть демократическое самоуправление; ему нужна свобода за границей, то есть равные национальные права с другими народами.

Народу Германии нужен новый политический, юридический и экономический порядок внутри страны; ему нужен мир в Германии, мир в Европе и мир во всем мире.

Разве я не такая же часть немецкого народа, как Адольф Гитлер?

Разве миллионы рабочих, крестьян, католиков и социалистов не являются частью народа Германии? Разве бойцы - подпольщики и офицеры, такие как пастор Мартин Нимеллер и

полковник Артур Мараун [Лидер правой националистической организации «Младогерманский орден», выступавший за союз Германии и Франции. Он потерял глаз в результате травмы, полученной в концентрационном лагере] не являются частью германского народа?

Я обратился к миллионам немцев, сотни тысяч сторонников Гитлера читали мои статьи, десятки тысяч читали мои книги и памфлеты. Я могу поручиться, что лучшие из моих соотечественников следовали за Гитлером лишь до тех пор, пока видели в нем впередсмотрящего немецкой революции. Я убежден, что все здоровые и честные элементы в моей стране прекратят следовать за ним в тот день, когда они поймут, как они были обмануты. Этот день, если он уже не наступил, уже близок. Ибо когда наступит время сделать выбор между Гитлером и Германией, каждый немецкий рабочий, крестьянин и солдат, каждый немецкий интеллигент и каждый немецкий офицер без колебания выберут Германию.

Наша обязанность тут очевидна. Вопрос: «Гитлер или Германия?» - должен задаваться каждому немцу ночью и днем. Он должен быть постоянной навязчивой идеей для всех немцев, беспокоя их в тишине ночи. Словом и делом им нужно показать, что обязанностью каждого человека, любящего Германию, является борьба против Гитлера

Европа и Германия должны объединиться в этой борьбе, ибо хаос в Германии может привести лишь к хаосу в Европе. Но решение проблемы, сама победа, должны быть одержаны прежде всего внутри Германии. Поражение Гитлера и гитлеровского режима должны совпасть с поражением пруссачества. Поддержанная духовными силами христианства и коалицией союзников, созданной для того, чтобы сражаться с прусско-большевистской опасностью, Германия должна сама сокрушить пруссачество, политически, морально и территориально.

Крушение пруссачества будет означать замену силы - правом, стремления к господству - духом сотрудничества. Дух европейского единства заменит дух европейского господства К крушению Пруссии должна привести кантонизация Германии, с созданием на ее месте федерации независимых областей, управляемых местными властями и свободных жить в соответствии со своими региональными традициями. Для достижения этой цели нужно будет конфисковать и поделить крупные поместья, национализировать тяжелую промышленность и, наконец, реформировать систему образования в Германии.

Является ли это революцией? Конечно. Она потрясала Германию в течение двадцати лет. Период ее подготовки

продолжался с 1920 до 1930 года, а время ее крушения пришлось на режим Гитлера в промежутке между 1930 и 1940 годами. Сейчас она находится в начале третьего периода, периода восстановления.

Гитлер был демоном разрушения и, следовательно, самой сущностью второго периода.

Второе чувство Гитлера объясняет, почему начиная с середины 1939 года он никогда не переставал говорить о приближении своей смерти.

Не имеет почта никакого значения, умрет ли он от рака горла, как доверительно сообщил одному из моих друзей 15 декабря 1939 года профессор Зауербух, или будет застрелен одним из своих последователей, как было предсказано Гугенбергом в июне 1933 года, когда, несмотря на торжественное обещание Гитлера не производить никаких замен в течение четырех лет, он был уволен из кабинета министров Гитлера, сформированного в начале января.

Я никогда не забуду заключительных слов моей последней беседы с Грегором перед моим бегством в Австрию.

- Вот увидишь, - сказал мне брат, - Адольф кончит тем, что вышибет себе мозги,

- Только если соберется достаточная аудитория, чтобы поаплодировать ему, - ответил я, зная его тщеславие и неуравновешенный характер.

Личная судьба Гитлера не имеет значения.

Гитлер и Сталин, гитлеризм, пруссачество и большевизм будут побеждены силами новой Германии и цивилизованной Европы.

Глава 13. Постскриптум

Утром 9 ноября 1939 года мир всколыхнула сенсация. Была совершена попытка покушения на жизнь Гитлера во время традиционного празднования юбилея «пивного путча» в «Бюргербройкеллере» в Мюнхене, закончившаяся большим числом убитых и раненых. Самым удивительным было то, что среди них не было ни одного из видных лидеров.

10 ноября 1939 года швейцарское правительство информировало меня, что ввиду давления, оказываемого на него немцами, я должен в течение четырех часов покинуть территорию Конфедерации, ставшей моим убежищем после падения Праги. Позже я слышал, что официальные представители Гитлера в Берне делали запросы о моей выдаче, которые, как полагали швейцарцы, лучше всего могли быть удовлетворены моим отъездом.

В этот же день у голландского пограничного поста Венло было совершено разбойное нападение на английских и голландских офицеров разведки, которое закончилось смертью голландца и похищением двух англичан. Протесты и запросы правительства Голландии до сих пор остались без ответа.

Методы Гитлера к этому времени были достаточно хорошо известны для того, чтобы связать эти события с определенной тайной службой. Официальный полицейский рапорт шефа гестапо Гиммлера подтвердил это, публично заявив о том, что «английская служба разведки в сотрудничестве с Отто Штрассером организовала попытку убийства в Мюнхене».

Это было сигналом для начала шумихи против Англии и подпольного фронта Отто Штрассера, двух сил, в которых гитлеровская система видела своего самого грозного врага за пределами Германии и своего наиболее опасного врага внутри страны.

И к чему весь этот шум? Конечно же, не только ради того, чтобы захватить пару англичан и вновь начать пытать и казнить сотни людей, подозрительных в глазах партии. Еще в меньшей степени для того, чтобы открыть политически сенсационное дело, так сказать, для внутреннего пользования - ибо после более чем шести месяцев «следственных допросов» дело так никогда и не дошло до подтверждения какого-либо из выдвинутых судом обвинений. Нет, попытка была еще чем-то другим: она должна была стать «сигнальным орудием» для начала второй фазы войны Гитлера, после того, как польская кампания была закончена, и ее эхо стихло. То убийство было провокационным маневром гестапо.

Я утверждаю это не для того, чтобы оправдать себя и подпольный фронт. В конце концов, мы считались находящимися в состоянии войны с Гитлером с июля 1930 года. Мы вовсе не думали продолжать вести эту войну каким-нибудь более слабым оружием, нежели то оружие, которое он использовал против нас. Ибо Гитлер за эти десять лет, и особенно за семь лет со времени установления своей тирании, убил множество моих друзей, сотни из них замучил и тысячи бросил в тюрьмы и концентрационные лагеря. «Черный фронт» поднялся на борьбу и - несмотря на подавляющее неравенство в силах - продолжает ее с неослабевающей энергией и не оставит эту борьбу до тех пор, пока Гитлер и его сообщники не будут отправлены на виселицу.

Мною движет не желание оправдаться, а лишь попытаться дать более четкое объяснение нашей борьбы, и поэтому я настаиваю, что покушение в «Бюргербройкеллере», предпринятое с 8 на 9 ноября 1939 года, было «поджогом рейхстага № 2».

Я кратко докажу правдивость этого утверждения, несмотря на то что это может быть установлено сегодня лишь косвенными средствами и с помощью метода дедукции. Я надеюсь, что впоследствии оно будет доказано с помощью документов.

Поджог рейхстага № 2.

21 ноября 1939 года, спустя не менее двенадцати дней после попытки покушения на Гитлера, появился полный доклад шефа германской полиции Генриха Гиммлера о результатах расследования.

Новым моментом в этом докладе было появление таинственного господина Эльсера, который якобы действовал как подручный Отто Штрассера. Более всего меня поразило то, что таинственный господин Эльсер появился не так быстро, как его известный предшественник ван дер Люббе. Это было единственной новинкой в официальном сообщении, так как гитлеровская пресса и радио Геббельса уже 9 ноября, не ожидая указаний полиции, знали, как вести себя, заявив, что британская служба разведки и «Черный фронт» спланировали это убийство.

Но полиция не слишком налегала на расследование. Не было сделано ни одной попытки установить связь между англичанами и мной, между ними и Эльсером, между Эльсером и мной, хотя от верных последователей Гитлера требовалось поверить в такое толкование фактов.

Еще более возмутительными были выдумки Гиммлера о подготовке плана убийства. Вышеупомянутый Эльсер, ранее неизвестный и, согласно утверждению полиции, никогда не судимый за какую-либо политическую деятельность или подозрительные связи, работал над планом покушения в течение нескольких лет, над приготовлениями - несколько месяцев, а над фактическим осуществлением преступления - в течение нескольких дней, без помощника, без мер предосторожности, не опасаясь быть разоблаченным. Нормальный человеческий ум может многое почерпнуть в официальном полицейском отчете о событиях от 21 ноября 1939 года: «Планирование (!) преступления началось приблизительно в октябре 1938 года. В августе (!!) 1939 года было изготовлено взрывное устройство. Груз взрывчатого вещества был заложен за семь дней до празднования в пивном подвальчике. Шестью днями прежде этого срока Эльсер попытался установить детонатор во взрывном устройстве. Ему не удалось этого сделать. Не удалось ему это и за пять ночей до начала празднования, и попытки были оставлены. Но шанс установить взрыватель представился Эль-серу за три ночи до начала празднования».

Расслабьтесь на минуту, чтобы испытать ни с чем не сравнимое удивление. Удивитесь гениальности и настойчивости этого трудолюбивого, как пчелка, убийцы и в не меньшей степени неописуемой расхлябанности гитлеровской полиции, особенно гестапо, позволившего всему этому совершаться в течение многих дней, месяцев, а то и года.

Но этот Эльсер является не только маленькой пчелкой трудолюбия, но также и львом по своей храбрости. Давайте послушаем дальше официальное заявление полиции:

«После этого преступник скрылся, чтобы отправиться через Штутгарт на встречу с людьми, которые поручили ему совершить покушение и ожидали его в Швейцарии. (Заметьте, что по некоей не названной в отчете причине он не отправился туда.) По той или иной причине Эльсер вернулся в Мюнхен(!) в полдень 7 ноября. В ночь с 7 на 8 ноября ему вновь удалось проникнуть в пивной подвальчик, чтобы послушать тикание часового механизма. Уже ранее Эльсер позаботился о том, чтобы заглушить шум, но в ту ночь он зачем-то повторно проверил свою работу. Утром 8 ноября он позавтракал в доме неподалеку от Изарских ворот и на поезде отправился через Ульм к границе. В течение ночи с 8 на 9 ноября (заметьте, что это происходило спустя многие часы после покушения на жизнь Гитлера) он попытался пересечь швейцарскую границу вблизи Констанцы. Но общая тревога, поднятая тем временем (!), сделала переход

невозможным и привела к его аресту».

Это действительно уж слишком!!! Я не видел в жизни и никогда не читал в криминальных романах о подобной личности, обладающей такой огромной настойчивостью, скрытностью, безрассудной храбростью, любопытством, жаждой испытывать судьбу и не сравнимой ни с чем глупостью, как это создание Генриха Гиммлера по имени Георг Эльсер. Почему, в конце концов, глупый горе-убийца не отправился в Констанцу до завтрака? Почему он попытался пересечь границу вечером после объявления общей тревоги?

Но, в конце концов, к чему мучиться догадками! Геббельс, вне всякого сомнения, раскроет эту тайну в подходящее время - но он должен набраться больше опыта, быть более искусным автором для сочинения текста следующего полицейского доклада,

Неудивительно, что немцы отказываются верить россказням Гиммлера, и практически все они были убеждены, что «убийство в Мюнхене» было не чем иным, как работой гестапо. Вот, по крайней мере, то, что очевидно:

1) Если бы попытка покушения была настоящей, пресса и радио Гитлера должны были бы сохранять ее в строжайшей тайне, чтобы не подавать населению плохой пример и не давать возможности иностранцам взглянуть на работу карательной системы изнутри. Я знаю из собственного опыта, что так поступали и с другими делами.

2) Если бы попытка покушения была настоящей, все ответственные руководители германской полиции, прежде всего президент полицейского департамента Мюнхена, шеф гестапо Рейнхард Гейдрих и глава полиции Германии Гиммлер должны были бы угодить в отставку. Иными словами, они должны были бы быть немедленно расстреляны - и это было бы вполне справедливо.

3) Если бы попытка была настоящей, все видные вожди партии, а среди них и видные участники этой особой встречи, не отсутствовали бы поголовно в зале в тот момент, когда произошел взрыв. Здесь пахнет не волей небес (Himmel), а скорее золей Гиммлера (Himmler)!

Следующая прямая информация еще более подтверждает очевидное:

1) Ни разу гестапо не отважилось утверждать то, что Эльсер знал меня или я его, что он был или является членом «Черного фронта» или что он получил от меня хотя бы одну записку, хотя бы один письменный или устный приказ.

2) Партийным вождям, сразу же по окончании речи Гитлера, было приказано сопровождать его к поезду - это не только

противоречило традиции, но и явилось прямым оскорблением простых ветеранов партии, надеявшихся на дружеское времяпрепровождение в общей компании, как это было прежде.

3) Уже во второй половине дня 8 ноября мюнхенские госпитали получили специальный приказ, отдававшийся в случае критического положения, в котором врачам было запрещено уходить с работы.

4) В течение нескольких недель до «убийства» зал, где произошел взрыв, охранялся по приказу партии ротами швейцарских солдат.

5) В штабе партии состоялась встреча между Гессом и Гиммлером. Гесс потребовал, чтобы не было никаких человеческих жертв, на что Гиммлер ответил, что в таком случае ни внутри страны, ни за границей никто не поверит в подлинность попытки покушения, и результат будет нулевым.

Эти аргументы убедительно доказывают, что «покушение» являлось делом рук гестапо, вторым «поджогом» рейхстага, на опыте которого гестаповцы убедились, что умнее было вовсе не затевать никакого судебного разбирательства.

Понимание того, что «убийство» являлось громкой провокацией, объясняет и его значение, и то, каково было намерение его организаторов. Оно должно было разжечь стихийный гнев народа, чтобы психологически подготовить его к запланированному Гитлером нападению на Голландию и представить эту агрессию как справедливый и необходимый акт защиты против «преступной» Англии, которая не чурается сотрудничать с крупными и мелкими предателями внутри Германии, чтобы угрожать священной особе фюрера.

Это соответствовало гитлеровскому плану войны, известному мне благодаря знанию его характера, импульсу событий и бесчисленным порциям информации [В этой связи я хочу обратить внимание на мою статью «Военные планы Гитлера» (Hitler's War Plans) в газете «The New Statesmen and Nation», № 438 от 15 июля 1939 г.].

Война против Польши интерпретировалась им и Генеральным штабом Германии только как некая «политическая акция», которая должна закончиться в течение трех недель. Нанесенный Сталиным удар в спину несчастным полякам был ее последним штрихом.

Следующим шагом в этом направлении стало предложение мира западным державам. Гитлер публично высказался на сей счет в своей речи в Данциге и обсуждал это по дипломатическим каналам с Ватиканом и Квиринале. Вплоть до последней минуты Гитлер и Риббентроп рассчитывали на любовь к миру, слабость и

внутреннее разрушение западных демократий. Они, по мнению Берлина, не желали и не были способны к продолжению войны. Объявление войны 3 сентября казалось им лишь жестом, пока он не был подкреплен военными действиями. Таким образом, Гитлер и Риббентроп надеялись, что теперь западные державы должны будут признать fait accompli Польши и будут вынуждены заключить мир на основе нового равновесия сил.

Но, когда Англия и Франция отклонили эти бесчестные и неблагоразумные запросы из Берлина, Гитлер решил завершить войну на Западе с помощью блицкрига.

Главная цель воины на Западе для Гитлера заключается в уничтожении Англии. Разочаровавшись в своей прежней пылкой любви к этой стране, он теперь осознавал, что победа над Францией, даже самая что ни на есть полная, не сокрушит Англию. Ибо политически и стратегически Франция играет приблизительно такую же роль для Англии, что и Бельгия для Франции, - роль важного передового форта, обладание которым, и это правда, дает оперативную базу для успешной кампании против Англии, но не имеет никакой первостепенной важности.

Чтобы заставить Англию стать на колени, потребовалась бы эффективная блокада, сопровождаемая прямой высадкой войск, которые могли бы диктовать мир из Букингемского дворца. Таковы нынешние намерения и желания Гитлера. Он видит в мире с Францией естественную предпосылку к такому ниспровержению Англии. Бесспорно, Гитлер станет использовать все средства, чтобы осуществить этот план, осуществить свою мечту стать властителем Европы, и наконец, чтобы занять ключевую позицию и устремиться к господству над миром.

Это двойное - экономическое и военное - нападение на Англию требует наличия оперативных баз для подводных лодок, самолетов и десантных отрядов. Первоначальный план Гитлера состоял в том, чтобы заполучить их после оккупации Голландии, так как Гитлер и Риббентроп предполагали, что Бельгия должна была оставаться нейтральной и тогда англо-французская армия не имела бы никакого шанса отыскать территорию для того, чтобы вступить в бой.

Исходя из этого предположения, он подготовил нападение на Голландию на 12 ноября 1939 года. Та подлая попытка «покушения» в Мюнхене была организована Гиммлером, чтобы объяснить немецкому народу причину нападения на Голландию, как защитную меру против «коварного» Альбиона.

Для западной дипломатии, и прежде всего для ясного понимания Бельгией своих собственных жизненных интересов, было важным заявление Бельгии от 11 и 12 ноября о том, что

«нападение на Голландию нанесло бы урон жизненно важным интересам Бельгии». Переходя с языка дипломатии к языку войны, это означало, что Бельгия выступит на стороне Голландии. Путь для оказания помощи англо-французской армией был свободен.

В такой ситуации Гитлеру пришлось, скрежеща зубами, отменить свой приказ о нападении и вместо «небольшого сражения на Западе» готовиться к «большому сражению на Западе». Это требовало нескольких месяцев подготовки.

В этом ему помогло завоевание Дании и Норвегии, начатое 9 апреля 1940 года, В руки Гитлера попало все восточное побережье Северного моря. Кроме того, была устранена возможность контрнаступления англичан против Северной Германии. Датские поставки продовольствия и норвежские поставки железа, доставшиеся рейху благодаря этому маневру, конфисковывались в полном объеме без всяких разговоров. План Гитлера предусматривал так или иначе закончить войну до 1 октября 1940 года, - решение, вызванное проблемами внутри страны, увеличивающимися экономическими и финансовыми трудностями, и прежде всего опасением вступления в войну Америки.

Успешное продвижение Гитлера по территории Скандинавии явилось для Англии серьезным ударом. Только по этой причине для него стало возможным в ночь с 9 на 10 мая 1940 года, спустя ровно месяц (нападение на Скандинавию последовало через месяц после капитуляции Финляндии), нанести следующий удар, осуществив неожиданное нападение на Голландию и Бельгию. Вновь беспечность демократий обеспечила ему огромный успех. Вторжению подверглась Северная Франция. Спустя четырнадцать дней после начала этого гигантского наступления немецкие танки были уже в Булони. Была не только разорвана связь между англо-бельгийской армией на Севере и французской армией на Юге, но пушки немецких танков оказались нацелены прямо на южное побережье Англии.

Мне кажется вполне возможным то, что с этих баз, захваченных в апреле и мае, Гитлер будет направлять свои наиболее мощные прямые и косвенные удары на Англию и сделает последующие недели наиболее трудными и скорбными из тех, которые Англия когда-либо испытала.

Верно и справедливо в этой ситуации спросить о том, каково отношение к этому германского народа, и задать этот вопрос политически грамотному немцу.

Я ответил на него в основном в своей прежней книге, - во всех своих книгах. Большинство немецкого народа начиная с 1933

года ведет непрерывную борьбу против Гитлера, который за семь лет отправил не менее двух миллионов мужчин и женщин в свои тюрьмы и концентрационные лагеря и ужасными способами убил многие тысячи людей.

Хотя это напоминание не может быть приятным всем, оно, однако, необходимо, чтобы напоминать о том, что немецкая оппозиция сражалась в этой битве против Гитлера почти семь лет в полном одиночестве, что государственные деятели мира в течение этих лет пожимали обагренную кровью руку Гитлера или принимали приглашение поохотиться от палача Геринга.

Это поведение остального мира обеспечило цепочку дипломатических успехов для гитлеровской системы и было сильнейшей поддержкой для Гитлера! Ибо никто из людей, никакая армия не восстает против системы, которая одерживает такие победы, как Соглашение с Ватиканом, Договор о дружбе с Польшей, Военно-морское соглашение с Англией, возвращение Саарской области, восстановление германской военной мощи, полное освобождение Рейнской области, аншлюс (воссоединение) с Австрией, поглощение Судетской области, возвращение Мемеля, даже установление правления над богемцами, моравами и словаками «без пролития единой капли крови».

Каждый из этих успехов Гитлера за границей Германии был поражением немецкой оппозиции. Сегодняшние жертвователи в пользу политики силы Гитлера не могут не видеть этой связи! Мы, борцы на «поле битвы внутри Германии», с печалью замечаем, что наши иностранные братья на деле не признают нерушимую солидарность Фронта Свободы. Это дает гитлеровской системе возможность бороться с нами по отдельности и наносить нам поражение поодиночке.

Несмотря на это, скрытая революционная ситуация внутри рейха существовала и существует к этому часу, когда я пишу эти строки. Это то, что прежде всего побуждает Гитлера закончить войну так или иначе к 1 октября 1940 года. Революционная ситуация есть и остается большой надеждой всех друзей свободы!

Но если бы только люди поняли, что переход от скрытой к активной революционной ситуации предполагает внешнюю, военную задержку для Гитлера! Для меня это было ясно в течение многих лет. Читатели упомянутой статьи в «Нью Стэйтсмэн энд Нэйшн» могут свидетельствовать в пользу этого. Начало революции в рейхе возможно лишь после новой Марны для Гитлера. Не только возможно, но и наступит непременно.

Это было истиной вчера, это будет правдой и завтра. Раньше я думал, что Гитлер найдет свою Марну в Польше, Норвегии или в Голландии - или в Северной Франции. Сейчас же не имеет

значения, где Гитлер найдет свою Марну, а имеет значение лишь то, что он найдет ее! Возможно, в водах Ла-Манша! Или в самом Атлантическом океане!

Вдоль него проходит Фронт Свободы, объединяя сегодня все народы и расы, поскольку кровавые диктаторы повсюду имеют свои «пятые колонны». Я подтверждаю тот факт, что большинство немцев являются членами этого Фронта Свободы. Они так долго были его единственными ударными отрядами. Их первый новый успех на иностранном поле сражения последует сразу же за успехом на поле сражения внутри Германии. В этой победе заключается путь к свободе и миру.

Приложение

АВГУСТ-ВИЛЬГЕЛЬМ Генрих Гюнтер Виктор Гогенцоллерн (1887-1949) - принц Германский и Прусский, партийный деятель, обергруппенфюрер СА, обергрунпенфюрер СС. Четвертый сын германского императора Вильгельма II. С 1 1905 г. на действительной военной службе, участник Первой мировой войны. С 1918 г. в отставке, в чине полковника. После крушения монархии остался в Германии, работал в банке, учился живописи в Академии искусств. С 1930 г. - член НСДАП. Активно участвовал в предвыборных кампаниях нацистов, в 1931 г. во время митинга в Кенигсберге арестован полицией. Имя Августа-Вильгельма широко использовалось нацистской пропагандой для привлечения на сторону НСДАП монархически настроенной части населения. С 1931 г. - на службе в СА - штандартенфюрер. С 1932 г.

- член ландтага Пруссии. В 1933 г. - депутат рейхстага от Потсдама. С сентября 1933 г. - прусский государственный советник. После прихода НСДАП к власти большой политической роли не играл, но оставался сторонником нацизма.

АЛЬВЕНСЛЕБЕН Людольф фон (1901-1970) - один из руководителей карательных органов на территории СССР, группенфюрер СС, генерал-лейтенант войск СС и полиции. С 1929 г, - член НСДАП и СА. В 1929-1934 гг. - крейслеитер и гауинспектор НСДАП в гау Галле-Мерсебург, депутат ландтага Галле. Б 1933 г. - депутат рейхстага. В 1934 г. - на службе СС - оберштурмбаннфюрер. С 1935 г. - адъютант имперского руководителя спорта. С 1936 г. - шеф-адъютант рейхсфюрера СС Г. Гиммлера и один из ближайших его сотрудников. С 1939 г. - начальник СД и полиции безопасности в Западной Пруссии. Руководил созданием т.н. «самообороны», которая практиковала массовые расстрелы польского населения на землях, предназначенных к заселению немцами. С 1943 г. - высший руководитель СС и полиции Крымского полуострова и областей группы армий «А», руководитель карательных акций на территории Крыма и прилегающих областей. После освобождения советскими войсками Крыма в мае 1944 г. вернулся в Германию и был назначен высшим руководителем СС. После окончания войны интернирован в Нойенгамме. После освобождения из лагеря в 1945 г. уехал в Аргентину.

АМАНН Макс (1891-1957) - партийный деятель, рейхслеитер,

обергруппенфюрер СС. Участник Первой мировой войны - фельдфебель, непосредственный командир ефрейтора А. Гитлера. После окончания войны служил в одном из банков Мюнхена. С 1921 г. - член НСДАП, ревностный сторонник Гитлера. Показал себя как способный организатор и талантливый оратор. С 1921 г. - управляющий делами НСДАП и руководитель финансовыми делами нацистского издания «Фёлькишер беобахтер». С 1922 г. - директор Центрального издательства НСДАП «Эхер ферлаг» и руководитель всей издательской деятельности партии. Участник «пивного путча» 1923 г., за участие в котором был арестован и провел 4,5 месяца в тюрьме. Именно Аманн изменил название книги Гитлера «Четыре с половиной года борьбы против лжи, глупости и трусости» на «Майн кампф». С 1924 г. - член городского совета Мюнхена. В 1928-1930 гг. - член ландтага Верхней Баварии. В 1933 г. - депутат рейхстага от Верхней Баварии. После прихода нацистов к власти сосредоточил в своих руках руководство германской прессой, превратив «Эхер ферлаг» в крупнейший в мире издательский дом, в собственность которого перешли издательства и типографии, принадлежавшие эмигрировавшим из Германии евреям, в т. ч. крупнейшее объединение Ульштейна. С 1933 г. - председатель Германского объединения издателей газет и одновременно президент Имперской печатной палаты. С 1935 г. - член Имперского сената культуры. Аманн обладал правом единолично запретить любое печатное издание, что он и делал, скупая затем запрещенную газету за бесценок. В процессе работы у Аманна постоянно возникали конфликты с Имперским министерством народного просвещения и пропаганды и лично с Й. Геббельсом и с пресс-службой О. Дитриха, т.к. все эти ведомства боролись за контроль над германской прессой. В 1945 г. Аманн арестован американскими оккупационными властями. В ходе процесса денацификации в 1948 г. приговорен к 10 годам рабочих лагерей. В 1953 г. освобожден. Жил в Мюнхене.

БАКУНИН Михаил Александрович (1814-1876) - революционер, теоретик анархизма, один из идеологов народничества. Проповедовал идеи немецкой классической философии. С 1840 г. - за границей. Участвовал в европейских революциях 1848-1849 гг. (Париж, Дрезден, Прага). В 1851 г. был выдан австрийскими властями русскому правительству. В 1857 г. сослан в Сибирь. В 1861 г. бежал за границу. С 1868 г. - член I Интернационала, выступал против К. Маркса и его сторонников, в 1872 г. исключен решением Гаагского конгресса. Идеи Бакунина оказали значительное влияние на развитие русского

революционного движения 70-х гг. XIX в.

БАЛЛЕРШТЕДТ Отто (1887-1934) - мюнхенский инженер. В 1921 г. штурмовики, возглавляемые А. Гитлером, пришли на митинг, где должен был выступать баварский федералист Баллерштедт, и избили его. По приговору суда Гитлер провел месяц в заключении. Выйдя из тюрьмы, он предстал перед согражданами в ореоле мученика, пострадавшего якобы за общее дело, приобретя еще большую популярность.

БАНГ Пауль (1879-1945) - государственный деятель, предприниматель. Служил старшим финансовым советником в Берлине-Темнельхофе. В 1928 г. - член рейхстага. С февраля 1933 г. - статс-секретарь Имперского министерства экономики, но уже в июне потерял свой пост. В 1933 г. не избран в состав рейхстага, вступил в НСДАП. Автор большого числа работ по политике и экономике. Занимал руководящие посты в различных фирмах.

БЕБЕЛЬ Август (1840-1913) - партийный деятель, один из основателей и руководителей германской социал-демократии. С юношеских лет участвовал в рабочем движении. Вместе с К. Либкнехтом начал работу по созданию самостоятельной рабочей партии. В 1869 г. созданная ими социал-демократическая рабочая партия Германии до конца XIX в. занимала интернационалистские позиции. Бебель выступал в защиту Парижской Коммуны, разоблачал захватническую колониальную политику Германии, обличал милитаризм и военные приготовления в Германии. В период действия исключительного закона против социалистов в 1878-1890 гг. укреплял партию, используя нелегальные методы ведения борьбы. Он неоднократно подвергался преследованиям и репрессиям (всего Бебель пробыл в заключении 6 лет, с перерывами).

БЕНЕШ Эдуард (1884-1948) - государственный деятель Чехословакии. В1915 - 1918 гг. генеральный секретарь созданного в Париже Чехословацкого национального совета. В 1918- 1935 гг. - министр иностранных дел. В 1921-1922 гг. - премьер-министр. В 1935-1938 гг. - президент Чехословакии. Один из основателей Малой Антанты, автор Женевского протокола 1924 г., входил в руководящие органы Лиги Наций. После вступления в силу Мюнхенского соглашения от 28 сентября и оккупации Судетской области Германией 5 октября 1938 г. вынужден был оставить пост президента. Эмигрировал в США. С 1939 г. преподавал в Чикагском университете. 21 июля 1940 г. организовал временное

правительство (Национальный совет) в Лондоне, признанное союзниками преемником правительства первой Чехословацкой Республики. В 1946-1948 гг. - президент Чехословакии.

БЕХШТЕЙН Карл (умер 1931) - владелец известной фирмы по производству роялей. Жена - Хелена - с начала 1920-х гг. оказывала финансовую помощь А. Гитлеру, привлекла к этому многих своих подруг. Их Гитлер называл «подругами - матерями». Помощь Бехштейнов была тем ценнее, что это были те моменты, когда НСДАП еще не пользовалась поддержкой крупных промышленников и была крайне ограничена в средствах. Гитлер в 1920-х гг. неоднократно посещал дом Бехштейнов в Байрейте, а их дочь - Лотта - сделала большое число фотографий фюрера.

БИСМАРК Отто фон (1815-1898) - рейхсканцлер Германской империи в 1871-1890 гг.

БЛАНК Герберт (Вайганд фон Мильтенберг) (1899- 1958) - немецкий националист, публицист, ближайший соратник О. Штрассера.

БЛОМБЕРГ Вернер фон (1878-1946) - военный деятель, генерал-фельдмаршал. Участник Первой мировой войны - майор, офицер Генштаба. В рейхсвере с 1919 г., с 1933 г. - министр рейхсвера, а с 1935 г. - военный министр. Создатель вермахта. Поддержал провозглашение Гитлера президентом и одобрил действия нацистов в «ночь длинных ножей» 1934 г. Отправлен в отставку в 1938 г. Умер в тюрьме во время следствия, проводимого Нюрнбергским военным трибуналом.

БОЗЕ Герберт фон (1893-1934) - оберрегирунгсрат, начальник управления печати правительства Пруссии, пресс-секретарь Ф. фон Папена. Был убит во время «ночи длинных ножей».

БОМБАЧЧИ Никола (1879-1945) - итальянский политический деятель. В 1921 г. вступил в итальянскую Компартию, с 1936 г. примкнул к Муссолини. Занимал высокие посты в Республике Сало. Расстрелян в 1945 г.

БОРМАН Мартин (1900-1945) - партийный деятель, рейхсляйтер, личный секретарь и ближайший соратник Гитлера («серый кардинал»); Участник Первой мировой - солдат. В 1934 г. - депутат рейхстага и руководитель специального гитлеровского

фонда помощи соратникам по партии. С 1941 г.

- заместитель по партии (вместо Гесса) и руководитель партийной канцелярии. Подписал политическое завещание фюрера, был свидетелем его бракосочетания с Евой Браун, наблюдал за сожжением трупа Гитлера. В самый последний момент исчез из бункера, дальнейшая его судьба неизвестна. Приговорен Нюрнбергским военным трибуналом к смертной казни заочно. Позже его тело было обнаружено, но стопроцентная идентификация была невозможна. Это породило ряд легенд, что Борман скрывается в Латинской Америке. В 1973 г. Франкфуртская прокуратура официально подтвердила, что Борман погиб в мае 1945 г. Однако лишь в 1998 г. экспертиза окончательно удостоверила, что найденные в Берлине останки принадлежат Борману.

БРЕДОВ Фердинанд фон (1884-1934) - государственный деятель, генерал-майор, ближайший соратник генерала К. фон Шлейхера, начальник канцелярии министра рейхсвера в 1932-1933 гг.

БРОННЕН Арнольд (1895-1959) - австрийский драматург. Жил в Германии.

БРЮКНЕР Вильгельм (1884-1954) - обергруппенфюрер СА Участник Первой мировой войны - оберлейтенант. В 1930-1941 г. - личный адъютант Гитлера. В 1936 г. - депутат рейхстага от Восточного Берлина. Пользовался большим доверием Гитлера, но затем попал в автокатастрофу и долго не мог вернуться к своим обязанностям. За это время его влияние на фюрера резко упало и его место было занято другим. В 1940 г. в результате интриг М. Бормана снят с поста адъютанта (его место занял Ю. Шауб) и переведен в вермахт в чине подполковника. Позднее произведен в полковники.

БРЮКНЕР Гельмут (1896-1951) - партийный деятель, группенфюрер СА. Участник Первой мировой воины - лейтенант. С 1925 г. - член НСДАП. В 1930 г. - депутат рейхстага. С 1932 г. - член прусского ландтага. Основатель нацистской газеты «Силезский обозреватель» и «Центрального издательства». Поддерживал хорошие отношения с руководством СА, сторонник политики, проводимой главой СА Э. Рёмом. После уничтожения высшего руководства СА во время «ночи длинных ножей» 1934 г. снят со всех партийных и государственных постов и исключен из партии. После окончания войны арестован советской

контрразведкой.

БРЮНИНГ Генрих (1885-1970) - политический деятель периода Веймарской республики. В 1930-1932 гг. - канцлер. Правительство Брюнинга провело декреты о снижении заработной платы, о введении новых налогов, преследовало антифашистские рабочие организации и особенно компартию. Во внешней политике Брюнинг видел главную свою задачу в том, чтобы выиграть время для военного усиления Германии. После прихода Гитлера к власти он отошел от политики и в 1934 г. эмигрировал в США.

БУХ Вальтер (1883-1949) - партийный деятель, рейхслейтер, обергруппенфюрер СС. Участник Первой мировой войны - адъютант полка. С 1922 г. - член НСДАП. В 1923-1924 гг. - один из руководителей полулегальных формирований СА. Один из руководителей репрессий против высшего руководства СА в Мюнхене во время «ночи длинных ножей» 1934 г. Член Академии германского права. После окончания войны арестован союзниками, приговорен к пяти годам тюрьмы, в т. ч. к 3 годам рабочих лагерей. Покончил жизнь самоубийством в американском лагере.

БУХРУККЕР Бруно Эрнст (1878-1966) - майор, руководитель «кюстринского путча» в Кюстрине в 1923 г., один из ближайших соратников Отто Штрассера.

ВАГЕНЕР Отто (1888-1971) - партийный деятель, доктор философии. В 1923 г. - член СА. С 1929 г. - член имперского руководства НСДАП. В 1929-1930 гг. - начальник штаба СА при верховном руководителе СА Ф. Пфеффере фон Саломоне. В 1931 г. - руководитель Экономическо-политического отдела НСДАП. С 1932 г. состоял для особых поручений в штабе заместителя фюрера. С апреля 1933 г. - имперский комиссар экономики. Однако с первых же дней стало ясно, что он не обладает необходимой подготовкой для этого поста, а его социальная политика гибельна для экономики. 30 июня он был снят с поста и полностью сосредоточился на партийной работе. В 1933 т. - депутат рейхстага.

ВАГНЕР Адольф (1890-1944) - партийный и государственный деятель. С 1923 г. - член НСДАП, активно участвовал в деятельности нацистских организаций. С 1924 г. - член Баварского ландтага. В 1925 г. создал фракцию НСДАП в

ландтаге. С 1930 г. - гауляйтер НСДАП в Мюнхене. В 1933 г. - депутат рейхстага. В 1933-1944 гг. - министр внутренних дел, зам. министра-президента Баварии. Один из главных руководителей карательных акций против высшего руководства СА в Мюнхене во время «ночи длинных ножей» 1934 г. В 1936- 1942 гг. - министр просвещения и культуры Баварии. Погиб в автокатастрофе.

ВАГНЕР Йозеф (1899-1945) - партийный деятель. В 1921-1927 гг. - на профсоюзной работе - журналист. С 1922 г. - член НСДАП. В 1928 г. - депутат рейхстага. Гаулейтер Вестфалии (Рур) и Силезии. Основатель газеты «Вестфалиенвахт» и Высшей партийной школы в Вестфалии. С 1933 г.

- прусский государственный советник. С 1935 г. - оберпрезидент Верхней и Нижней Силезии. Выступил сторонником замены А. Гитлера др. деятелем, осуждал политику захватов, осуществлявшуюся Гитлером в Европе. Противился усилению роли М. Бормана в партии и тормозил принятие решительных мер против церкви на территории своего гау. В 1941 г. снят с поста оберпрезидента. В 1943 г. по решению Высшего партийного суда исключен из партии и арестован гестапо. После Июльского заговора 1944 г. привлечен к расследованию. Казнен гестапо.

ВАЙЛЬ Курт (1900-1950) - немецкий композитор.

ВАЙС Вильгельм (1892-1950) - обергруппенфюрер СА, начальник главного управления в центральном руководстве НСДАП.

ВЕБЕР Кристиан (1883-1945) - партийный деятель, один из первых членов НСДАП, бригаденфюрер СС. Участник Первой мировой войны - солдат. После демобилизации работал вышибалой в ресторанах Мюнхена, торговал лошадьми. С 1920 г. - член НСДАП. С 1920 г. - в личной охране А. Гитлера. В 1926-1934 гг. - член городского совета Мюнхена. С 1933 г. - президент ландтага Верхней Баварии. Принимал активное участие в аресте руководства СА в Мюнхене во время «ночи длинных ножей» 1934 г. В 1936 г. - депутат рейхстага. В последующие годы занимал ряд руководящих должностей в различных экономических союзах, некоторое время состоял инспектором кавалерийских школ СС. Убит.

ВЕБЕР Фридрих - доктор наук, националист. В начале 1920-х гг. основатель союза «Оберланд», Участник «пивного путча».

ВЕЛЬЧЕК Иоханнес граф фон (1878-1972) - граф, государственный деятель, дипломат. С 1900 г. - на государственной службе. В 1904-1905 гг. находился в составе прусского посольства в Мюнхене, затем служил в центральном аппарате ведомства иностранных дел. С 1911 г. занимал различные посты в представительствах в землях Германии и центральном аппарате. С 1926 г. - посол в Мадриде, ас 1936 г. - в Париже. В 1939 г., после объявления Францией войны Германии, покинул страну.

ВИЛЬГЕЛЬМ II Гогенцоллерн (1859-1941) - последний кайзер Германии. Вступил на трон в 1888 г. Правил Германией во время Первой мировой войны. Быстро утратил приобретенную им на первых порах популярность в широких буржуазных и мелкобуржуазных кругах общества отставкой Бисмарка, отменой исключительного закона против социал-демократов и созывом международной конференции для разрешения вопроса «об охране труда рабочих» путем международных соглашений. Вильгельм II являлся сторонником укрепления и распространения военной и промышленной мощи Германии. Когда в 1,918 г. матросы в Киле восстали и захватили город, а затем революция расширилась по всей стране, Вильгельм отрекся от престола и сбежал в Голландию. Богато прожил остаток жизни на прибыль со своих немецких капиталов.

ВИРТ Йозеф (1879-1956) - государственный деятель Веймарской республики. В 1921-1922 гг. - канцлер.

ВИТТЕЛЬСБАХИ - баварская королевская династия в 1180-1918 гг.

ГАРБО Грета (настоящая фамилия Густафсон) (1905- 1990) - американская киноактриса. По национальности шведка. В 1922 г. дебютировала в кино. Переехав вскоре в Германию, сыграла в 1925 г. одну из главных ролей в фильме «Безрадостный переулок». С 1926 г. - «звезда» Голливуда, в амплуа загадочной, роковой женщины, испытывающей романтическую или трагическую любовь. С 1941 г. после неудачного выступления в фильме «Двуликая женщина» перестала сниматься в кино.

ГЕББЕЛЬС Пауль Йозеф (1897-1945) - политический и государственный деятель, рейхслейтер. С 1924 г. - член НСДАП, примыкал к левому социалистическому крылу, возглавляемому Г.

Штрассером. С 1924 г. работал в подконтрольной Штрассеру партийной печати: ответственный редактор газеты «Народная свобода», сотрудник журнала «Национал-социалистические записки». В 1921-1924 гг. написал роман «Михаэль», где развивал идею трагической судьбы Германии. В 1925 г. познакомился с Гитлером и перешел на его сторону, стал активно выступать против Штрассера. С 1926 г. - руководитель самого важного гау Германии - Берлина. Организатор столкновений с коммунистами. В 1928 г. - депутат рейхстага. В 1932 г. - руководитель предвыборной кампании Гитлера. С 1933 г. - министр Имперского министерства народного просвещения и пропаганды. С 1942 г. - имперский комиссар обороны Берлина. С 1943 г. - государственный президент Берлина в 1945 г., при приближении советских войск к Берлину, начал) уничтожать свой архив. Перед смертью Гитлер назначил Геббельса своим преемником на посту имперского канцлера. Вместе с женой покончил жизнь самоубийством, предварительно убив своих шестерых детей. Трупы Геббельса и его жены были облиты бензином и сожжены во дворе Имперской канцелярии.

ГЕГЕЛЬ Георг Вильгельм Фридрих (1770-1831) - немецкий философ, создавший на объективно-идеалистической на основе систематическую теорию диалектики.

ГЕЗЕЛЛЬ (Гейзель) Сильвио (1862-1930) - немецкий экономист, противник либерал-капитализма. Выдвинул теорию «обратного процента»: деньги, помещенные в банк, не приносят прибыли, но, напротив, требуют от их владельца постоянных доплат, что должно провоцировать рост вкладов в реальный сектор экономики.

ГЕЙДЕН Конрад (1901-1966) - немецкоязычный публицист, автор книг о Гитлере. В 1922 г. организовал и возглавил j Германский студенческий союз, издавал центральный орган этого союза - «Республиканскую газету высшей школы». Корреспондент крупнейших немецких газет «Франкфуртер цайтунг» и «Фоссише цайтунг». В 1930-е гг. активно изучает историю и закулисную сторону деятельности НСДАП. Крупнейший специалист по нацизму и личности Гитлера.

ГЕЛЬДОРФ Вольф Генрих фон (1896-1944) - граф, военный и политический деятель, один из руководителей СА и полиции, генерал полиции и обергруппенфюрер СА. Участник Первой мировой войны - офицер гусарского полка. В 1920 г. участвовал в

«капповском путче». После его подавления бежал в Италию, где находился до 1924 г. С 1926 г. - член НСДАП и СА. В 1931 г. - руководитель группы СА Берлина. В 1932 г. организовал первые антисемитские выступления в столице. С 1933 г. - руководитель группы СА Берлина-Бранденбурга. В 1935-1944 гг. - полицей-президент Берлина. В 1933-1944 гг. - депутат рейхстага. Участник антигитлеровского заговора 1944 г. Арестован и подвергнут пыткам. Повешен в берлинской тюрьме.

ГЕНДЕРСОН Невилл (1882-1942) - сэр, британский посол в Берлине в 1937-1939 гг.

ГЕНРИХ IV (1553-1610) - французский король с 1589 г., первый из династии Бурбонов. С 1562 г. - король Наварры (Генрих Наваррский). Во время Религиозных войн глава гугенотов. В 1594 г. после перехода Генриха IV в католицизм Париж признал его королем. Способствовал укреплению абсолютизма. Убит католиком-фанатиком.

ГЕРИНГ Герман (1893-1946) - политический, государственный и военный деятель, нацистский лидер, Герман с детства отличался агрессивностью, был непокладистым, тщеславным и неразборчивым в средствах. Участник Первой мировой войны - капитан, командир эскадрильи. С 1922 г. - член НСДАП. Участник «пивного путча». В 1928 г. - депутат рейхстага, а в 1933 г. - его председатель. В 1933-1945 гг. - министр внутренних дел Пруссии и рейхсминистр авиации. Создатель гестапо, инициатор организации концлагеря под Ораниенбаумом. Активный участник «ночи длинных ножей», устранял Бломберга и Фрича. С 1939 г. - председатель имперского совета обороны. С 1940 г. - рейхсмаршал ВВС. В конце войны пытался вести переговоры с американцами о заключении сепаратного мира. Отравился, избежав повешения по приговору Нюрнбергского трибунала

ГЕСС Рудольф (1894-1990) - партийный и государственный деятель, рейхслейтер, обергруппенфюрер СС, обергруппенфюрер СА. Участник Первой мировой войны - командир пехотного взвода. С 1919 г. - во фрайкоре. С 1920 г. - член НСДАП. Участник «пивного путча» 1923 г. Сидел в тюрьме вместе с Гитлером, который диктовал ему свою книгу «Майн кампф». В 1925-1932 гг. - личный секретарь Гитлера. Сыграл огромную роль с создании культа фюрера, а также в формировании образа Гитлер:) как высшего руководителя партии, стал одним из самых ближайших к

Гитлеру людей, фактически «тенью фюрера». В 1932 г. - председатель партийной комиссии, депутат рейхстага. В 1933-194.1 гг. - заместитель Гитлера пса партии. С 1939 г. - член совета обороны. Осуществлял контроль за деятельностью правительства и государственных органов. В 1941 г. перелетел в Шотландию, где предложил англичанам заключить мир и принять участие в походе против СССР. Был интернирован. В 1946 г. приговорен Нюрнбергским военным трибуналом, на котором имитировал душевнобольного, к пожизненному заключению. Скончался в берлинской тюрьме Шпандау.

ГЕССЛЕР Отто Карл (1875-1955) - немецкий военачальник. В 1920-1928 гг. - министр рейхсвера. В 1950-1952 гг. - председатель Красного Креста ФРГ.

ГИЛЬДЕБРАНДТ Фридрих (1898-1948) - партийный деятель, обергруппенфюрер СС. С 1916 г. участвовал в Первой мировой войне на Западном фронте. С 1919 г. - член Немецкой национальной народной партии. В 1920 г. - на службе в полиции безопасности в Галле. С 1921 г. - председатель районной группы НСДАП. В 1924 г. - депутат ландтага Мекленбурга. С 1925 г. - член НСДАП. В 1925-1945 гг. - гаулейтер Мекленбурга. В 1930 г. - депутат рейхстага. Член СС. С 1933 г. - имперский наместник Мекленбург-Шверина, Мекленбург-Стрелица и Любека. С 1942 г. - имперский комиссар обороны Мекленбурга. В мае 1945 г. арестован американскими войсками. В 1947 г. на процессе американского военного трибунала в Дахау приговорен к смертной казни. Повешен.

ГИММЛЕР Генрих (1900-1945) - партийный и государственный деятель, руководитель карательного аппарата Германии, рейхсфюрер СС, рейхслейтер НСДАП, рейхсминистр. Участвовал в «пивном путче» 1923 г. С 1924 г. - личный секретарь Грегора Штрассера. С 1925 г. - член НСДАП. С 1929 г. реихсфюрер СС. В 1932 г. - начальник службы безопасности партийного центра. В 1933 г. - руководитель полиции Мюнхена. Создал концлагерь в Дахау. С 1942 г. - рейхслейтер НСДАП, член госсовета и депутат рейхстага. В 1943 г. - министр внутренних дел, С 1943 г. стал осуществлять контакты с представителями союзников для заключения сепаратного мира. Гитлер, узнав об этом, лишил его накануне краха рейха всех чинов и занимаемых постов. В 1944 г. - командующий резервной армией, затем - группой армий «Оберрейн» и «Висла», но как полководец не состоялся. Попытался уйти в Данию, но был задержан

англичанами. Покончил с собой, приняв яд.

ГИНДЕНБУРГ Оскар фон (1883-1960) - военный и общественный деятель, генерал-лейтенант. Сын президента и генерал-фельдмаршала П. фон Гинденбурга. Участник Первой мировой войны. Пекле демобилизации армии оставлен в рейхсвере. С 1925 г. - военный адъютант и ближайший советник отца. В 1933 г. способствовал принятию его отцом решения о формировании правительства во главе с Гитлером. В 1934 г. вышел в отставку в чине генерал-майора. Во время Второй мировой войны занимал тыловые должности. В 1941 г. - командир лагерей военнопленных в I военном округе (Восточная Пруссия). В 1945 г. оставил службу.

ГИНДЕНБУРГ Пауль фон (1847-1934) - военный и государственный деятель, генерал-фельдмаршал. Участник австро-прусской, франко-прусской и Первой мировой войн. Командовал войсками Восточного фронта. С 1916 г. - начальник Генштаба. В 1925-1934 гг. - президент Веймарской республики. Способствовал возрождению военной мощи Германии и поддерживал монархические и националистические организации. В 1933 г. поручил Гитлеру формирование правительства.

ГИТЛЕР Адольф (1889-1945) - фюрер и канцлер Третьего рейха. Участник Первой мировой войны - ефрейтор. С 1919 г. - член Рабочей партии Германии (ДАП), с 1920 г. - Национал-социалистическая рабочая партия Германии (НСДАП). Создав штурмовые отряды СА и охранные отряды СС, предпринял в 1923 г. попытку государственного переворота - «пивной путч». В тюрьме провел 9 месяцев, где написал свою книгу «Майн кампф» («Моя борьба»). В 1930 г. НСДАП становится второй по величине партией в стране, получая финансовую поддержку промышленников. С 1933 г. - канцлер. В 1934 г. объединил посты канцлера и президента, объявив себя фюрером и сделавшись диктатором (Германия была превращена в сплошной тюремный лагерь). Проводил агрессивную политику (выход из Лиги Наций в 1933 г., создание вермахта в 1935 г., захват Рейнской демилитаризованной зоны в 1936 г., присоединение Австрии в 1938 г. и захват Чехословакии в том же году, нападение на Польшу в 1939 г., оккупация Европы в 1940 г. и «Крестовый поход» против большевизма - нападение на Советский Союз в 1941 г.), ввергнув немецкий народ в неисчислимые бедствия и катастрофу. Покончил жизнь самоубийством 30 апреля 1945 г. при штурме Берлина советскими войсками.

ГИТЛЕРЮГЕНД - гитлеровская молодежь - организация военизированного типа, созданная в 1936 г. Возглавлял ее рейхсюгендфюрер Бальдур фон Ширах, а с 1940 г. - Артур Аксман, подчинявшиеся непосредственно Гитлеру. Принадлежность к ней была обязательной (возраст - от 10 до 18 лет). В нее вошли все существовавшие в Германии молодежные клубы и союзы.

ГОГЕНЦОЛЛЕРНЫ - династия бранденбургских курфюрстои в 1415-1701 гг., прусских королей в 1701-1918 гг., германских императоров в 1871-1918 гг. Основные представители: Фридрих Вильгельм, Фридрих II, Вильгельм I, Вильгельм II.

ГОФМАН Генрих (1885-1957) - личный фотограф Гитлера, профессор. Участник Первой мировой войны - военный фотограф, член ДАП, а с 1920 г. - НСДАП. В начале 1920-х гг. познакомился с Гитлером в Мюнхене. Долгое время был единственным, кому Гитлер разрешал фотографировать себя В неформальной обстановке, во многом способствовал росту его популярности. В 1933 г. - депутат рейхстага. Считался первым фотографом Третьего рейха. После войны в 1947 г. германским судом по денацификации приговорен к 10 годам тюремного заключения с конфискацией личного имущества и лишением звания профессора. После освобождения жил в Мюнхене.

ГРАФ Ульрих (1878-1950) - партийный деятель, один из ближайших соратников Гитлера в первые годы нацистского движения, бригадефюрер СС. В 1920-1923 гг. - личный охранник Гитлера. Участник основания НСДАП, СС и «пивного путча» 1923 г. С 1925 г. - член городского совета Мюнхена. В 1936 г. - депутат рейхстага. Работал в центральном аппарате СС. Во время Второй мировой войны служил в войсках СС. После войны арестован. В 1948 г. приговорен к 5 годам трудовых лагерей.

ГРЕЙМ Роберт Риттер фон (1892-1945) - главнокомандующий люфтваффе, генерал-фельдмаршал. Участник Первой мировой войны - летчик-истребитель. С 1934 г. - член рейхсвера. С 1937 г. - начальник Управления личного состава Верховного командования люфтваффе (ОКА). Считался одним из лучших летчиков и командиров люфтваффе. В 1945 г. вместе со всем составом нового правительства арестован американцами во Флессбурге. Покончил жизнь самоубийством в тюремном лазарете.

ГРЕФЕ Альбрехт фон (1868-1933) - партийный деятель. В 1912-1928 гг. - депутат рейхстага. В 1922 г. - основатель и руководитель «Немецкой национальной партии свободы».

ТРЕНЕР Вильгельм (1867-1939) - военный и политический деятель, генерал. В 1928-1932 гг. - министр по делам рейхсвера. В 1931 - 1932 гг. - министр внутренних дел.

ГУГЕНБЕРГ Альфред (1865-1951) - государственный и политический деятель, предприниматель, промышленник. В 1891 г. - один из основателей Пангерманского союза (с 1894 г. Всеобщий германский союз), который объединял в своих рядах представителей крупного капитала и националистически настроенные круги. В 1903-1907 гг. - советник прусского Министерства финансов. В 1918 г. - один из основателей Германской национальной народной партии. В 1920-1945 гг. - депутат рейхстага. В 1933 г. возглавил Имперское министерство продовольствия и сельского хозяйства и Имперское министерство экономики. После 1933 г. отошел от политической жизни. В 1946-1951 гг. был интернирован англичанами.

ГЮРШЕР Франц (1881-1941) - государственный деятель, почетный доктор. Участник Первой мировой войны. С 1919 г. - член Баварской партии центра, позже член Германской национальной народной партии. В 1922-1932 гг. - министр юстиции Баварии. Симпатизируя нацистскому движению, выступал в защиту Гитлера и НСДАП. В 1932-1941 гг. - рейхсминистр юстиции. С 1937 г. - член НСДАП.

ДАРРЕ Вальтер Рихард (1895-1953) - партийный и государственный деятель, рейхслейтер, обергруппенфюрер СС, руководитель сельскохозяйственной политики НСДАП. Участник Первой мировой войны - лейтенант-артиллерист. С 1919 г. - член НСДАП, а с 1930 г. - член СС. В 1932 г. - депутат рейхстага. В 1933-1945 гг. - министр продовольствия и сельского хозяйства, президент Германского сельскохозяйственного сообщества. Один из теоретиков крестьянской и расовой идеологии, начальник центрального управления СС по вопросам расы и переселения. Умер в Мюнхене.

ДИТЛЬ Эдуард (1890-1944) - военачальник, генерал-полковник. Участник Первой мировой войны, командир роты. С 1920 г. - член НСДАП. Участник «пивного путча» 1923 г. Один из любимейших героев нацистской пропаганды - «настоящий

народный генерал, постоянно находящийся с солдатами и достигший невообразимой популярности». Погиб в авиакатастрофе.

ДОЛЬФУС Энгельберт (1892-1934) - государственный деятель, федеральный канцлер. В 1932-1934 гг. - министр иностранных дел Австрии.

ДРЕКСЛЕР Антон (1884-1942) -- партийный деятель, один из основателей национал-социалистического движения в Германии. В 1919 г, - соучредитель Немецкой рабочей партии (с 1920 г. - НСДАП). Соавтор 25 пунктов программы НСДАП. В 1923 г. вышел из НСДАП. Член ландтага Баварии. В 1924- 1928 гг. -¦ вице-председатель ландтага.

ДЮ МУЛЕН ЭККАРТ - профессор.

ДЮСТЕРБЕРГ Теодор (1875-1950) - государственный и политический деятель, подполковник. В 1924-1933 гг. - один из руководителей «Стального шлема».

ЗЕВЕРИНГ Карл (1875-1952) - государственный и политический деятель, социал-демократ. В 1920-1926 гг. и 1930-1932 гг. - министр внутренних дел Пруссии. В 1928-1930 гг. - министр внутренних дел Германии.

КАПП Вольфганг (1858-1922) - немецкий консервативный политик и землевладелец. В марте 1920 г. - руководитель ультраправого путча в Германии, целью которого было свержение коалиционного правительства, возглавляемого социал-демократами, ликвидация Веймарской республики и установление открытой военной диктатуры.

«КАППОВСКИИ ПУТЧ» - неудачный антиправительственный мятеж, вспыхнувший в 1920 г. Во главе его находились реакционно настроенный политик и землевладелец В. Капп, капитан Г. Эрхардт, генералы Э. Людендорф, В. Люттвиц и др.

Опиравшиеся на подразделения добровольческих корпусов и некоторые части рейхсвера заговорщики ставили своей целью свержение коалиционного правительства, возглавляемого социал-демократами, ликвидацию Веймарской республики и установление открытой военной диктатуры. Во время марша на Берлин генерал Люттвиц предъявил правительству ультиматум, потребовав роспуска национального собрания, перевыборов

президента и отказа от сокращения личного состава вооруженных сил, предусмотренного Версальским договором. Правительство объявило Каппа вне закона, но решительных мер против мятежников не приняло, в результате чего путчисты заняли Берлин и сформировали свое правительство во главе с Каппом. В защиту республиканского строя выступили рабочий класс и значительная часть средних слоев общества. В стране началась всеобщая забастовка, в которой участвовало 12 млн человек. Не поддержала путч и регулярная армия. Через пять дней он был ликвидирован, а Капп бежал в Швецию.

КАР Густав фон (1862-1934) - барон, политический деятель Баварии. В 1917-1924 гг. возглавлял правительство Баварии. Ярый монархист. Опасаясь усиления нацистской партии, запретил в 1923 г. ее собрания. Вместе с командующим военным округом генерал-майором фон Лессовом подавил нацистский мятеж в 1923 г. и предал Гитлера суду. В 1924-1927 гг. - председатель верховного суда Баварии. Убит во время «ночи длинных ножей» в собственном доме.

КАУФМАН Карл (1900-1969) - партийный деятель, обергруппенфюрер СС. Участник Первой мировой войны. В 1921 г. - член НСДАП, один из создателей нацистской организации в Руре. Участник «капповского путча». В 1926-1928 гг. - гауляйтер Рура, а в 1929-1945 - гауляйтер Гамбурга. В 1930 г. - депутат рейхстага. Член СС. В 1933-1945 гг. - имперский наместник Гамбурга. В 1948 г. осужден английским судом на восемнадцать месяцев тюремного заключения. Освобожден по состоянию здоровья.

КЕРНЕР Оскар (умер 1923) - один из основателей ЛАП и НСДАП. Владелец небольшого магазина игрушек, участник «мюнхенского путча» 1923 г.

КЕРРЛЬ Ганс (1887-1941) - государственный деятель, обергруппенфюрер СА. Участник Первой мировой войны - лейтенант. С 1923 г. - член НСДАП, был близок к Гитлеру. С 1928 г. - член ландтага Пруссии. С марта 1933 г. - комиссар прусского Министерства юстиции, а с апреля 1933 г. - министр и прусский государственный советник. Депутат рейхстага. В 1935-1941 гг. возглавил Имперское министерство по делам церкви, руководил формированием управленческого аппарата и выработкой позиции НСДАП и государства в вопросе религии.

КИЛЛИНГЕР Манфред фон (1886-1944) - барон, дипломат и партийный деятель, один из создателей СА, обергруппенфюрер СА. Участник Первой мировой войны. С 1927 г. - член НСДАП, вошел в состав высшего руководства СА. В 1933- 1935 гг. - министр-президент Саксонии. На этом посту принимал участие в аресте своих бывших коллег по СА во время «ночи длинных ножей». В 1934 г. - депутат рейхстага от Дрездена. С 1935 г. - на дипломатической службе. В 1936-1938 гг. - генеральный консул в Сан-Франциско. В 1938-1940 гг. - в центральном аппарате Имперского министерства иностранных дел. С 1940 г. - посланник в Братиславе (Словакия). С 1941 г. - посол в Бухаресте (Румыния). После того как советские войска подошли к Бухаресту, покончил жизнь самоубийством в здании германского посольства.

КИРДОРФ Эмиль (1847-1938) - промышленник, один из основателей и директор крупнейшего немецкого сталелитейного концерна «Рурско-Вестфальского угольного синдиката», который с апреля 1925 г. играл ведущую роль в угольной промышленности Германии. Придерживался крайне правых взглядов, С 1927 г, - член НСДАП. Оказывал финансовую поддержку нацистскому движению, способствовал установлению связей между Гитлером и руководителями тяжелой промышленности Германии.

КЛАГГЕС Дитрих (1891-1971) - политический и государственный деятель, обергруппенфюрер СС, публицист. В 1931-1933 гг. - министр внутренних дел Брауншвейга, а в 1933-1945 гг. - премьер-министр.

КЛАУЗЕВИЦ Карл (1780-1831) - немецкий военный теоретик и историк, генерал-майор прусской армии. В 1818- 1830 гг. - директор военного училища в Берлине.

КЛАУЗЕНЕР Эрих (1895-1934) - религиозный деятель. В 1928-1933 гг. - руководитель «католического действия» в берлинском епископстве. Погиб во время «ночи длинных ножей».

КЛЕМАНСО Жорж (1841-1929) - политический и государственный деятель Франции. В 1906-1909 гг. и 1917- 1920 гг. - премьер-министр.

КОХ Карл Отто (1897-1945) - военный преступник, штандартенфюрер СС. Участник Первой мировой войны, был в плену. С 1930 г. - член НСДАП, а с 1931 г. - член СС. В 1935 г. - комендант «Колумбии» - специальной тюрьмы гестапо в Берлине.

В 1936-1937 гг. - комендант концлагеря Заксенхаузен, Бухенвальд. С 1942 г, - первый комендант лагеря уничтожения Майданек (куда из Люблина были переведены советские военнопленные). Руководил установкой печей крематория. Осужден Судом СС к смертной казни.

КОХ Эрих (1896-1986) - партийный деятель, руководитель оккупационного режима. С 1922 г. - член НСДАП, один из руководителей партийной организации Рура. Близко сотрудничал с Г. Штрассером. В 1928-1945 гг. - гауляйтер и имперский наместник Восточной Пруссии. В 1930 г. основал «Прусскую газету». В 1930 г. - депутат рейхстага. В 1941-1944 гг. - рейхскомиссар Украины. Отличался крайней жестокостью, чем выделялся даже на фоне других деятелей оккупационного режима. В мае 1949 г. арестован английскими оккупационными властями в Гамбурге и передан Польше, где был в 1950 г. приговорен к высшей мере наказания. Приговор был заменен на пожизненное заключение. Умер в тюрьме.

КРАУЗЕ Карл Вильгельм - камердинер Гитлера.

КРАУССЕР Фриц Риттер фон (1888-1934) - один из руководителей СА, обергруппенфюрер СА. Участник Первой мировой войны - офицер кавалерии. С 1928 г. - член НСДАП, а с 1931 г. - член СА. Занимал руководящие посты в С А. В 1933 - депутат рейхстага от Магдебурга. С 1933 г. - начальник Главного оперативного управления СА. Один из наиболее приближенных к Рему и влиятельных руководителей СА. Убит эсэсовцами во время «ночи длинных ножей» 1934 г.

КРУПП фон Болен унд Гальбах Альфред Феликс Альвен (1907-1967) - барон, промышленник, штандартенфюрер СС, Сын банкира и дипломата Густава Круппа. С 1937 г. - фюрер военной экономики. С 1938 г. - член НСДАП. С 1942 г. - президент «Фонда Адольфа Гитлера». С 1943 г. - руководитель и единоличный владелец концерна «Фридрих Крупп» - ведущего производителя вооружений Германии. После окончания войны арестован. В 1948 г. был приговорен Нюрнбергским военным трибуналом к 12 годам тюремного заключения с конфискацией имущества. В 1951 г. освобожден.

КУБЕ Вильгельм (1887-1943) - партийный деятель, гауляйтер НСДАП, группенфюрер СС, генеральный комиссар Белоруссии. С 1912 г. - журналист. Участник Первой мировой

войны. В 1920-1923 гг. - генеральный секретарь Германской национальной партии. В 1924-1933 гг. - депутат рейхстага, С - член НСДАП. С 1928 г. - гауляйтер Остмарка, а с 1933 г. - Курмарка. С 1933 г. - прусский государственный советник и член СС. В 1941 г. - генеральный комиссар оккупированной Белоруссии. Осуществлял жестокую оккупационную политику. Убит в Минске в результате покушения, организованного партизанами.

КУН Бела (1886-1939) - один из руководителей компартии Венгрии.

ЛАГАРД (Беттихер) Пауль Антон де (1827-1891) - немецкий философ, теолог и филолог-арабист, профессор Геттингенского университета.

ЛЕИ Роберт (1890-1945) - партийный деятель, рейхслейтер, обергруппенфюрер СА, доктор философии. Участник Первой мировой войны - лейтенант. В 1919-1920 гг. - во французском лагере военнопленных. С 1923 г. - член НСДАП. С 1928 г. - гауляйтер Рейнской области. В 1930 г. - депутат рейхстага. С 1932 г. - начальник организационного отдела НСДАП. С 1931 г. - имперский инспектор по вопросам организации и имперский организационный руководитель. С 1933 г. - прусский государственный советник и президент Прусского государственного совета. В 1934 г. возглавил Германский рабочий фронт. Инициатор создания организации «Сила через радость» и внедрения «народного автомобиля» - «фольксвагена». Злоупотреблял алкоголем. В мае 1945 г. арестован союзниками. Повесился в камере, будучи привлечен к суду Нюрнбергского военного трибунала.

ЛЕНИН (Ульянов) Владимир Ильич (1870-1924) - основатель большевистской партии в России, председатель Совнаркома в 1917-1924 гг.

ЛИБКНЕХТ Карл (1871-1919) - немецкий социалист-демократ, один из организаторов «Союза Спартак» и компартии Германии.

ЛИСТ Вильгельм Зигмунд (1880-1971) - военачальник, генерал-фельдмаршал. Участник Первой мировой войны - воевал на Западном фронте и на Балканах. Служил в рейхсвере. В 1930 г. - начальник пехотной школы. В 1932 г. - начальник боевой

подготовки военного министерства. В 1938 г. принял сторону Гитлера и стал командующим армейской группой в Вене. Реорганизовал австрийскую армию и объединил ее с вермахтом. Командовал армией при оккупации Судетской области, в польской, французской и балканской кампаниях. На Восточном фронте командовал группой армий «А» на Кавказе. Из-за разногласии с Гитлером по вопросам стратегического планирования уволен в отставку в конце 1942 г. Нюрнбергским военным трибуналом приговорен к пожизненному заключению. Освобожден в 1952 г. Участвовал в создании бундесвера.

ЛОЗЕ Генрих (1896-1964) - партийный и политический деятель, обергруппенфюрер СА. Участник Первой мировой войны на Западном фронте. С 1923 г. - член НСДАП. В 1925- 1945 гг. - гауляйтер Шлезвиг-Голштинии. С 1928 г. - член ландтага Пруссии. В 1932 г. - депутат рейхстага. С 1933 г. - прусский государственный советник. В 1941 - 1944 гг. - рейхскомиссар Остланда (оккупированной Советской Прибалтики). Осуществлял жестокий оккупационный режим. В 1945 г. арестован англичанами. В 1948 г. осужден Билефельдским трибуналом по денацификации к 10 годам тюремного заключения. Освобожден по состоянию здоровья в 1951 г. Умер на родине в Шлезвиге.

ЛОССОВ Отто фон (1863-1933) - военный деятель, генерал, командующий рейхсвером в Баварии в 1923 г.

ЛЮББЕ Маринус ван дер (1909-1934) - безработный. Причастен к поджогу Рейхстага в 1933 г. Подданный Нидерландов. До 1931 г. - член компартии. По мнению ряда исследователей, являлся пироманьяком, планировавшим поджог правительственных учреждений Берлина. В этом качестве он был использован нацистами при организации пожара Рейхстага в 1933 г. Лейпцигским судом был признан виновным, приговорен к смертной казни и гильотинирован.

ЛЮГЕР Карл (1844-1910) - австрийский политик, обер-бургомистр Вены в 1897-1910 гг.

ЛЮДЕНДОРФ Эрих (1865-1937) - политический деятель, военачальник, генерал пехоты. В 1914 г. - начальник штаба Главнокомандующего на Востоке, с 1916 г. руководил вооруженными силами страны. В 1920 г. активный участник «капповского путча», а в 1923 г. «пивного путча». В 1924 г. - депутат рейхстага. После 1925 г. отошел от политической

деятельности.

ЛЮДИН Ганс Эллард (1905-1947) - партийный деятель, один из деятелей НСДАП, дипломат, обергруппенфюрер СА. С 1931 г. - член НСДАП и СА. В 1932 г. - депутат рейхстага. В 1932 - 1939 входил в высшее руководство СА, являясь с 1933 г. руководителем группы СА «Юго-Запад». В 1940 г. переведен в Имперское министерство иностранных дел. С 1941 г. - посланник в марионеточном государстве Словакия. Являлся главным политическим советником марионеточного словацкого режима и проводником нацистского влияния в стране. Один из организаторов депортации евреев в 1942 из Словакии. В 1945 г. арестован словацкими властями. Осужден ни процессе в Словакии к смертной казни. Казнен,

ЛЮКСЕМБУРГ Роза (1871 - 1919) - политический деятель польского, германского и международного социал-демократического движения, теоретик. Один из организаторов «Союза Спартак» и Компартии Германии.

ЛЮТТВИЦ Вальтер фон (1859--1942) - военачальник, барон, генерал пехоты. В марте 1920 г. вместе с В. Каппом возглавлял путч против Веймарской республики.

ЛУТЦЕ Виктор (1890-1943) - партийный и политический деятель, начальник штаба СА после устранения Рема, обергруппенфюрер СА. С 1922 г. - член НСДАП. В 1930 г. - депутат рейхстага. С 1933 г. - гюлицей-президент Ганновера, член прусского госсовета. Погиб в автокатастрофе.

МАЙСНЕР Отто (1880-1953) - доктор права, руководитель бюро рейхспрезидента (1920-1934), шеф рейхсканцелярии (1934-1945).

МАКДОНАЛЬД Джеймс Рамсей (1866-1937) - английский политический деятель, один из основателей и лидеров лейбористской партии. В январе - ноябре 1924 г. - премьер-министр первого, и в 1929-1931 гг. - второго лейбористского правительств. Правительство Макдональда в 1924 г. признало СССР, а в 1929 г. восстановило с СССР дипломатические отношения. Жестоко подавляло национально-освободительное движение в английских колониях, поддерживало план Дауэса. В 1931-1933 гг. Макдональд возглавил так называемое «национальное правительство», политика которого целиком

определялась консерваторами.

МАКИАВЕЛЛИ Никколо (1469-1527) - итальянский философ, историк и писатель.

МАРКС Карл (1818-1883) - немецкоязычный ученый, экономист и философ, создатель теории научного коммунизма, организатор 1 Интернационала.

МУЧМАН Мартин (1879-1948) - партийный деятель, обергруппенфюрер СА. Участник Первой мировой войны на Западном фронте. С 1922 г. - член НСДАП. В 1925-1945 гг. - гауляйтер Саксонии. В 1930 г. - депутат рейхстага. С 1933 г. - имперский наместник Саксонии, а с 1935 г. - глава правительства Саксонии, Организовал эвакуацию Саксонии при угрозе подхода советских войск.

МЕЙССНЕР Август Эдлер фон (1886-1947) - военный 1 деятель, один из руководителей оккупационных властей в Сер бии, группенфюрер СС, генерал-лейтенант полиции. Примкнул к нацистскому движению в Австрии, член австрийских СС. 1 В 1919-1933 г. - член Штирийской народной охраны. С j 1934 г. - на службе в шутцполиции Берлина - майор. Член НСДАП. С 1935 г. - член СС. С 1935 г. - офицер для особых поручений при рейхсфюрере СС. В 1938 г. - депутат рейхстага. В 1942-1944 гг. - высший руководитель СС и полиции в Сербии, Санджаке и Черногории (штаб-квартира в Белграде). Руководил проведением карательных операций против югославских партизан. Развернул широкие казни заложников. С 1943 г. - уполномоченный рейхсфюрера СС в Черногории. В 1946 г. Югославским военным трибуналом в Белграде приговорен к смертной казни. Повешен.

МЁЛЛЕР ван ден Брук Артур (1876-1924) - немецкий философ, публицист, один из основателей движения «Консервативная Революция». Переводчик Ф. Достоевского на немецкий язык. Дружил с русским консервативным философом Д. Мережковским. Автор программной книги «Третий рейх».

МОРИС Эмиль (1897-1945) - личный охранник Гитлера, его шофер и близкий друг, оберфюрер СС. Работал часовым мастером. С 1919 г. - член Немецкой рабочей партии, а затем в НСДАП. В 1920 г. - в составе группы по охране Гитлера и его телохранитель. Участник «пивного путча» 1923 г., после которого арестован. В тюрьме записал первую часть книги Гитлера «Майн

кампф». Активный участник «ночи длинных ножей» 1934 г. В 1936 г. - депутат рейхстага от Лейпцига. В 1937г. возглавил общество профессиональных ремесленников в Баварии и торговой палаты по делам ремесленников Мюнхена.

МУССОЛИНИ Бенито (1883 -1945) - основоположник итальянского фашизма. В 1922--1943 гг. глава итальянского правительства и в 1943-1945 гг. - марионеточного правительства республики Сало. Участник Первой мировой войны - младший сержант. В 1919 г. образовал «Союз борьбы» и в 1922 г. - возглавил поход на Рим, в результате чего получил власть. К 1926 г. уничтожил остатки оппозиции и создал фашистский трибунал. В 1933 г. совершил агрессию против Эфиопии, а в 1936 г. организовал фашистский мятеж в республиканской Испании. В 1938 г. - участник мюнхенского сговора. В 1943 г. арестован королем, но был освобожден Скорцени по приказу Гитлера, после чего сформировал новое правительство в Ломбардии. В апреле 1945 г. захвачен партизанами и расстрелян. Повешен за ноги в Милане.

МУХОВ Рейнгольд (1905-1933) - нацистский партийный и профсоюзный деятель. С начала 1920-х гг. - член НСДАП. Создатель и лидер нацистского профсоюза - NSBO. С 1928 г. - организационный руководитель нацистов Берлина, один из ближайших помощников И. Геббельса. Считался выдающимся партийным организатором Погиб в результате несчастного случая. По другой версии покончил с собой.

МЮККЕ Хельмут фон (1881-1957) - партийный деятель, морской офицер в отставке. Герой Первой мировой войны. В начале 1920-х гг. - член руководства НСДАП. Затем лидер одной из левых национал-социалистических групп.

НАПОЛЕОН I (1769-1821) - французский император в 1804-1815 гг.

НЕЙРАТ Константин фон (1873-1956) - барон, государственный деятель, дипломат, обергруппенфюрер СС, почетный доктор. С 1901 г. - на дипломатической службе. С 1932 г. - министр иностранных дел. С 1937 г. - член НСДАП и СС. В 1938 г. - председатель тайного совета министров. С 1939 г. - имперский протектор Богемии и Моравии. В 1941 г. отправлен в отпуск и к исполнению своих обязанностей уже не возвращался. Нюрнбергским военным трибуналом приговорен к 15 годам

тюремного заключения. В 1954 г. освобожден по состоянию здоровья.

НИКИШ Эрнст (1889--!967) - немецкий политик и деятель.

НИМЁЛЛЕР Мартин (1392-1968) - теолог, пастор протестантской евангелической церкви, противник нацизма Участник Первой мировой войны. Убежденный антикоммунист, приветствовал приход к власти Гитлера и вступил в НСДАП. После того, как фюрер провозгласил главенство государства над церковью, вышел из состава партии и подверг ее резкой критике. Основал Пастерский союз, стремясь объединить все недовольные политикой Гитлера церковные круги. В 1937-1945 гг. - в концлагерях, В 1961-1968 гг. - один из президентов Всемирного совета церквей.

ПАПЕН Франц фон (1879--1969) - политический и государственный деятель, дипломат. В 1913-1915 гг. - военный атташе в США. В 1921-1932 гг. - депутат прусского ландтага. С 1932 г. возглавил правительство Веймарской республики. В 1933 г. активно участвовал в установлении нацистской диктатуры, стал вице-канцлером. В 1938 г. - посол в Австрии, содействовал ее аншлюсу. В 1939-1944 гг. - посол в Турции. Нюрнбергским военным трибуналом был оправдан, но в 1947 г. комиссией по денацификации приговорен к 8 месяцам тюремного заключения.

ПЕНЕР Эрнст (1870-1925) - полицай-президент Мюнхена, участник «мюнхенского путча.

ПОНСЕ Франсуа Андре (1887-1978) - французский политический деятель и дипломат, посол в Берлине в 1931- 1938 гг.

ПУАНКАРЕ Раймон (1860-1934) - французский политический и государственный деятель. Адвокат. С 1893 г. - неоднократно министр. С 1909 г. - член Французской академии. В 1912-1913 гг. - премьер-министр. В 1913-1920 гг.

- президент Французской республики. Готовясь к войне против Германии, Стремился укрепить русско-французский союз и использовать его в интересах Франции. Деятельность Пуанкаре по подготовке войны снискала ему прозвище «Пуанкаре-воина». В 1922-1924 гг. и 1926-1929 гг. - вновь премьер-министр. Послевоенная политика Пуанкаре была направлена на установление гегемонии Франции в Европе, отличалась резкой

антисоветской направленностью и наступлением на жизненные интересы трудящихся.

ПФЕФФЕР фон САЛОМОН Франц Феликс (1888- 1968) - политический и государственный деятель, руководитель штурмовых отрядов (СА), обергруппенфюрер СА. Участник Первой мировой войны - капитан. Командовал добровольческим корпусом, выступал против коммунистов в Руре, Верхней Силезии и Литве. В 1920 г. участвовал в «капповском путче». С 1925 г. - член НСДАП. В 1925-1926 гг. - гауляйтер и руководитель СА в Вестфалии. В 1926 - 1930 гг. - верховный руководитель СА, выступал за ее самостоятельность. В 1932-1942 гг. - депутат рейхстага, но политической деятельностью не занимался. Был связан с участниками заговора против Гитлера, сумел избежать репрессий.

РАТЕНАУ Вальтер (1867-1922) - немецкий промышленник, финансист. В 1922 г. - министр иностранных дел.

РАУБАЛЬ Ангелина (Ангелика) (урожденная Гитлер) (1883-1949) - сестра Гитлера.

РАУБАЛЬ Анжела (Гели) (1908-1931) - двоюродная племянница Гитлера. Постоянно сопровождала Гитлера на митингах, конференциях, в театрах и т. д. Эти события вызвали Распространение в нацистских кругах слухов о ее связи с Гитлером. В 1931 г. была найдена застреленной в своей квартире в Гамбурге.

РАУШНИНГ Герман (1887-1982) - партийный деятель, затем противник национал-социализма. Участник Первой мировой войны - лейтенант. С 1932 г. - член НСДАП и один из ближайших помощников Гитлера. В 1933-1934 гг.- президент Данцигского сената. С 1935 г. - эмигрант.

РЕВЕНТЛОВ Граф Эрнст цу (1869-1943) - политический деятель и писатель. В 1900-х гг. выступил в печати с рядом статей по политическим и военно-морским вопросам, выступал с позиций пангерманизма. Автор военно-теоретических трудов, в т. ч. «Русско-японская война» (в 3 т.). Руководитель Пангерманского союза. В 1913 г., после публикации книги «Кайзер и монархисты», в которой критиковал действия императора Вильгельма II, был вынужден выйти в отставку в чине капитан-лейтенанта. С 1920 г. - редактор журнала «Рейхсварт». В 1924 г. - депутат рейхстага.

Один из немногих нацистских депутатов рейхстага. С 1927 г. - член НСДАП.

РЁВЕР Карл (1889-1942) - партийный деятель. Участник Первой мировой войны - унтер-офицер. С 1923 г. - член НСДАП. С 1928 г. - гауляйтер Везер-Эмса. В 1930 г. - депутат рейхстага. С 1932 г. - министр-президент свободного государства Ольденбург С 1933 г. - имперский наместник Ольденбурга. Скончался от сердечного приступа.

РЁМ Эрнст (1887-1934) - военный деятель, организатор и руководитель штурмовых отрядов СА. Участник Первой мировой войны - капитан, трижды ранен. Участвовал в заговоре, организованном генералом Ф. фон Эппом по свержению правительства Красной Баварии. Член НСДАП. Сблизился с нацистами и участвовал в «пивном путче» 1923 г. До 1930 г. - военный инструктор в Боливии. Возвратившись в Германию, стал создавать массовые штурмовые отряды, в рядах которых в 1931 г. насчитывалось 400 тыс. человек, а к концу 1933 г. - 2 млн. С 1933 г. - имперский министр без портфеля. В 1934 г. в «ночь длинных ножей» был арестован. Застрелен в камере эсэсовцами.

РЕНН Людвиг (Арнольд Фит фон Гольсенау) (1889- 1979) - немецкий писатель, коммунист.

РЕНТЕЛЬН Адриан Теодор фон (1897-1946) - политический деятель, доктор философии. С 1928 г. - член НСДАП и руководитель областной организации Национал-социалистского союза студентов. В 1929-1932 гг. - рейхсфюрер Национал-социалистического союза учащихся. С 1932 г. - руководитель Национал-социалистического боевого союза. В 1933 г. - депутат рейхстага. В 1933-1935 гг. - председатель Германского промышленного и торгового совета, председатель Высшей 'дисциплинарной палаты Германского трудового фронта (ДАФ), руководитель Института прикладной экономики и руководитель Ремесленного и торгового управления в системе Имперского руководства НСДАП. В 1941 г. - генеральный комиссар Литвы. Осуществлял руководство оккупационным режимом, стараясь привлечь к сотрудничеству литовских националистов. Несет ответственность за преследование евреев в Литве. Выдан советским властям, осужден к смертной казни. Повешен.

РИББЕНТРОП Иоахим Ульрих Фридрих Вилли фон (1893-1946) - партийный и государственный деятель, дипломат,

обергруппенфюрер СС. Участник Первой мировой войны - оберлейтенант. Затем удачная женитьба и бизнес. В его доме часто встречались нацистские лидеры и представители президента и правящей буржуазной партии. С 1932 г. - член НСДАП и СС. С 1933 г. - внешнеполитический советник Гитлера и руководитель международного отдела партии. С 1934 г. - уполномоченный по вопросам разоружения. В 1936- 1938 гг. - посол в Великобритании. В 1938-1945 гг. - имперский министр иностранных дел. Участвовал в создании «оси» Рим - Берлин - Токио, в подписании Мюнхенского соглашения 1938 г., а также договора о ненападении с СССР в 1939 г. В апреле 1945 г. скрылся, но был арестован англичанами. По приговору Нюрнбергского военного трибунала повешен.

РОЗЕНБЕРГ Альфред (1893-1946) - партийный деятель, главный идеолог нацизма, руководитель оккупационного режима на захваченных территориях СССР, рейхслейтер, обергруппенфюрер СА. С 1920 г. - член НСДАП. Участник «пивного путча» 1923 г., после провала которого скрылся и не был привлечен к ответственности. С 1923 г. - главный редактор газеты «Фёлькишер беобахтер», а с 1930 г. - журнала «Национал-социалистский ежемесячник». В 1930 г. - депутат рейхстага. В 1933-1945 гг. - начальник управления внешней политики НСДАП. В 1941-1945 гг. - министр по делам оккупированных восточных территорий. Выдвигал идею создания 5 губернаторств - Прибалтики с Белоруссией, Украины с Крымом и Донской областью, Кавказа, России, Туркестана. По приговору Нюрнбергского трибунала повешен.

РОСБАХ Гсрхард (1893-1967) - организатор добровольческих отрядов, участник «мюнхенского путча».

РУСТ Бернхард (1883-1945) - партийный и государственный деятель, обергруппенфюрер СА. Участник Первой мировой войны - лейтенант. С 1925 г. - член НСДАП и гауляйтер Северного, а затем Южного Ганновера. В 1930 г. - депутат рейхстага. В 1934 - 1945 гг. - имперский министр науки, образования и культуры. При нем высшее образование быстро пришло в упадок, а школа была ликвидирована как «пристанище интеллектуальной акробатики». В апреле 1945 г. бежал в Мюрвик. Покончил жизнь самоубийством (застрелился).

СТАЛИН (Джугашвили) Иосиф Виссарионович (1879-1953) - советский политический и государственный деятель. В

1941-1953 гг. - глава правительства.

СТЕННЕС Вальтер (1895-1989) - политический деятель, капитан. Участник Первой мировой войны. В 1927- 1931 г. - руководитель штурмовиков в Восточной Германии. В 1931 г. предпринял попытку смещения Гитлера с поста руководетва НСДАП. В 1933 г. вынужден покинуть Германию и уехать в Китай. В 1933-1949 гг. - военный советник Чан Кайши. Работал на советскую разведку в Китае.

СТИННЕС Гуго (1870-1924) - крупный германский промышленник. В 1893 г. основал концерн тяжелой промышленности Рура, охватывавший свыше 1530 предприятий разных отраслей. Имея неограниченные финансовые средства, приобретал газеты, через которые пропагандировал свои взгляды. Придерживался правой ориентации, убежденный антикоммунист. В 1920 г. - депутат рейхстага. Во время Второй мировой войны на его предприятиях широко применялся рабский труд заключенных концлагерей, иностранных рабочих и военнопленных. После окончания войны был арестован, но в июле 1948 г. по закону о денацификации освобожден.

ТЕЛЬМАН Эрнст (1886-1944) - коммунистический партийный деятель. С 1925 г. - председатель КПГ. 1925- 1933 гг. - председатель Союза красных фронтовиков. В 1924- 1933 гг. - депутат рейхстага.

ТЕРБОВЕН Йозеф Антон Генрих (1898-1945) - нацистский партийный деятель, обергруппенфюрер СА. Банковский служащий. Участник Первой мировой войны - лейтенант. С 1923 г. - член НСДАП. В 1930 г. - депутат рейхстага. В 1933 г. - гауляйтер Эссена. В 1935 г. - глава Рейнской области. В 1940 - 1945 гг. - рейхскомиссар Норвегии. Проводил гонения на евреев. Покончил жизнь самоубийством, подорвавшись гранатой.

ТИРПИЦ Альфред фон (1849-1930) - военный и политический деятель, генерал-адмирал. В 1897-1916 гг. - морской министр. Активный приверженец империалистической политики, выступал с призывами развернуть неограниченную скрытую войну против противников Германии. Создатель сильного ВМФ, сторонник неограниченной подводной войны против Англии.

ТИССЕН Фриц (1873-1951) - промышленник, доктор права.

Участник Первой мировой войны - ротмистр. В 1928- 1939 гг. - председатель наблюдательного совета объединенных сталелитейных заводов. С 1931 г. - член НСДАП. В 1933 - 1934 гг. - ведущий экономический эксперт правительства. В 1933 г. - депутат рейхстага и прусский государственный советник. В 1939-1940 гг. - в эмиграции. В 1940-1945 гг. - в концлагере.

ТОЛЛЕР Эрнст (1893-1939) - немецкий писатель, деятель левого движения.

ТРОЦКИЙ (Бронштейн) Лев Давидович (1879- 1940) - профессиональный революционер, советский партийный деятель. В 1917-1918 гг. - нарком иностранных дел. В 1919-1926 гг. - член Политбюро ЦК. В 1929 г. выслан из СССР.

УДЕТ Эрнст (1896-1941) - военный и политический деятель, один из руководителей люфтваффе, генерал-полковник авиации. Участник Первой мировой войны. В 1925 г. переехал в Буэнос-Айрес (Бразилия). В качестве пилота летал по всему миру; снялся в нескольких фильмах в Голливуде. Близкий друг Геринга. С 1936 г. - инспектор истребительной и бомбардировочной авиации и руководитель технического управления имперского министерства авиации. Уделял службе крайне мало внимания, проводя свое время в основном в оргиях, пьянстве. Пристрастился к употреблению наркотиков. Покончил жизнь самоубийством (застрелился).

ФЕДЕР Готфрид (1883-1941) - партийный деятель, один из основателей НСДАП, профессор Высшей технической школы в Берлине, член Академии германского права. Один из авторов 25 пунктов программы НСДАП, куда ему удалось включить концепцию подневольного труда. Был редактором «Национал-социалистической библиотеки», журналов: «Дер Штраймер» («Борец»; Форшхейм), «Ди Фламме» («Пламя»; Нюрнберг), «Хессенхаммер» («Молот Гессена»; Дармштадт). В этот период считался интеллектуальным идеологом нацизма. В 1924 г. - депутат рейхстага. В 1927 г. написал книгу «Программа НСДАП и ее мировоззрение», где проповедовал агрессивный антикапитализм. С 1931 г. - председатель экономического совета НСДАП. В 1933 г. - статс-секретарь Имперского министерства экономики.

ФРЕЙТАГ-ЛОРИНГХОФЕН Вессель фон (1899- 1944) - барон, один из руководителей военной разведки, полковник

Генерального штаба. С 1943 г.

- начальник 2-го отдела абвера. В ведение отдела входила организация диверсий и саботажа в странах противника. Был связан с военными заговорщиками - участниками Июльского заговора 1944 г. После неудачи выступления покончил жизнь самоубийством.

ФРИДРИХ II ВЕЛИКИЙ (1712-1786) - прусский король в 1740-1786 гг.

ФРИК Вильгельм (1877-1946) - партийный и государственный деятель, рейхслейтер, юрист. С 1919 г. - начальник отделения мюнхенской политической полиции, с 1923 г. - начальник мюнхенской криминальной полиции. Оказывал услуги Гитлеру, примкнув к нацистскому движению. Участвовал в «пивном путче» 1923 г. В 1924 г. - депутат рейхстага. С 1925 г. - член НСДАП и руководитель ее фракции в рейхстаге. С 1930 г. - министр внутренних дел Тюрингии. В 1932 г. назначил Гитлера правительственным советником в Брауншвейге, что дало тому немецкое гражданство, которого он не имел. С 1933 г. - имперский министр внутренних дел. Издал декреты, по которым земли Германии были лишены автономии и федеральная структура страны ликвидирована, запретил деятельность социал-демократической партии, участвовал в разработке законов, ограничивших права евреев. С 1943 г. - протектор Богемии и Моравии и имперский министр без портфеля. Нюрнбергским военным трибуналом приговорен к смертной казни и повешен.

ФРИЧ Вернер фон (1880-1939) - барон, военный деятель, генерал-полковник С 1911 г. служил в Генштабе, затем в рейхсвере. Участвовал в создании вермахта. В 1935-1938 гг. - главком сухопутных войск. В 1938 г, ушел в отставку по обвинению в гомосексуализме. В 1939 г. был вновь призван в армию. ПогиЬ под Варшавой. Убежденный сторонник сохранения мира с СССР.

ХАЙНЕС Эдмунд (1897-1934) - руководитель и обергруппенфюрер СА. Участник Первой мировой войны - лейтенант. С 1925 г. - член НСДАП, Сблизился с Рёмом на почве гомосексуализма. С 1929 г. - гауляйтер Оберпфальца. В 1930 г. - депутат рейхстага. С 1931 г. - фюрер СА Силезии. С 1933 г. - полицей-президент Бреслау. В «ночь длинных ножей» расстрелян эсэсовцами в Мюнхене.

ХАЙС Адольф (1882-1945) - партийный деятель, капитан. В начале 1920-х гг. - руководитель националистического союза «Имперский флаг».

ХАММЕРШТАЙН ЭКВОРД Курт фон (1878-1943) - барон, военный деятель, один из руководителей рейхсвера, генерал-полковник. Участник Первой мировой войны, офицер Генерального штаба. В 1930-1934 гг. - начальник войскового управления рейхсвера. Отрицательно относился к нацизму.

ХАНУССЕН Ян Эрик (Хершман Штайншнайдер) (1889-1933) - австрийский прорицатель.

ХАНФШТЕНГЛЬ Эрнст Франц Зедвик, «Пуци» (1887- 1975) - один из сотрудников Гитлера в 1920--1930-х гг. В 1930-х гг. - иностранный пресс-секретарь НСДАП, начальник отдела иностранной прессы в штабе заместителя фюрера. Использовал свои многочисленные связи за рубежом для пропаганды нацизма. В марте 1937 г., почувствовав, что его положение пошатнулось, покинул Германию. Во время Второй мировой войны служил при правительстве США экспертом по нацистской Германии. После окончания войны интернирован, но вскоре освобожден и вернулся в Германию. Автор мемуаров «Гитлер: потерянные годы».

ХАРНАК Арвид (1901-1942) - советник, участник Сопротивления.

ХАССЕЛЬ Ульрих фон (1881-1944) - германский посол в Риме (1932'-1938), участник антигитлеровского заговора.

ХАУСХОФЕР Карл (1869-1945) - родоначальник немецкой геополитики, генерал-майор. Участник Первой мировой войны, командовал артиллерийским полком, а затем баварской резервной дивизией. С 1921 г. - профессор географии Мюнхенского университета, где основал Институт геополитики. Учитель и друг Р. Гесса, который привлек его к нацистскому движению. В 1934-1937 гг. - президент Германской академии. Основатель геополитики. На основе существовавших теорий создал собственную, пропагандируя идеи реванша и агрессии, сочетая географический детерминизм, расовую теорию и социальный дарвинизм. Выдвинул идею, что расширение жизненного пространства для немцев неизбежно приводит к территориальной экспансии, прежде всего на Восток. Теория

стала частью официальной доктрины нацистской Германии. После убийства сына и краха Третьего рейха покончил жизнь самоубийством.

ХЕЛЬД Генрих (1863-1938) - политический деятель, публицист, издатель. В 1924-1933 гг. - премьер-министр Баварии.

ХИНКЕЛЬ Ганс (1901-1960) - партийный деятель, один из руководителей нацистской пропаганды, группенфюрер СС. С 1921 г. - член НСДАП. Участник «пивного путча» 1923 г., во время которого был ранен. С 1928 г. сотрудничал с нацистскими изданиями. С 1930 г. сотрудник берлинского отдела «Фёлькишер беобахтер», вскоре возглавил «личное» издательство И. Геббельса «Ангриф» и стал руководителем пропаганды гау Большой Берлин. Ближайший сотрудник и соратник Геббельса. В 1930 г. - депутат рейхстага. В 1933 г. - государственный комиссар Министерства науки, искусств и народного образования Пруссии и генеральный секретарь имперской палаты культуры и руководитель Общества германской культуры. В 1947 г. осужден в Польше за конфискацию культурных ценностей.

ХИРЛЬ Константин (1875-1955) - партийный и государственный деятель, руководитель трудовой службы НСДАП, рейхслейтер. Участник Первой мировой войны - офицер. С 1927 г. - член НСДАП, с 1929 г. - зам. начальника ее организационного отдела. С 1933 г. - статс-секретарь министерства труда. С 1935 г. - имперский руководитель рабочих. В 1943 г. - министр труда. Нюрнбергским военным трибуналом приговорен к 5 годам тюрьмы.

ЦЕРЕР Ганс (1899-1966) - немецкий радикал-националист, руководитель газеты «Ди Тат». После Второй мировой войны возглавил газету «Ди Вельт».

ЦЕТКИН Клара (1857-1933) - партийный деятель, одна из основателей КПГ. В 1925-1933 гг. - член Президиума Коминтерна. В 1920-1933 гг. - депутат рейхстага

ЧЕМБЕРЛЕН Хьюстон Стюарт (1855-1927) - английский философ.

ШАУБ Юлиус (1898-1968) - личный адъютант Гитлера, обергруппенфюрер СС.

ШАХТ Яльмар (1877-1970) - государственный деятель, организатор германской экономики. Участник Первой мировой войны, сотрудник экономического управления оккупационных войск в Бельгии. С 1916 г. - директор частного Национального банка Германии. Имел репутацию выдающегося профессионала-финансиста. В 1923-1930 гг. и в 1933-1939 гг.- президент Имперского банка. В 1935-1937 гг. - министр экономики. В 1935-1937 гг. - рейхсминистр без портфеля. В 1945 арестован американскими войсками в Австрии. В качестве главного военного преступника был привлечен к суду в Нюрнберге, оправдан. В 1948 г. освобожден. После освобождения работал в банковской сфере.

ШВЕРИН фон КРОЗИГК Лютц (Людвиг) Иоганн (1887-1977) - граф, государственный деятель. Участник Первой мировой войны - оберлейтенант. С 1932 г. - имперский министр финансов в кабинете Ф. фон Папена. С приходом к власти нацистов сохранил свой пост, хотя так никогда и не вступил в НСДАП. Член Академии германского права. Заведовал финансовым обеспечением перевооружения Германии. Выступал в поддержку антисемитской политики нацистов, считая необходимым передачу под государственный контроль ранее принадлежавших еврейским банкирам средств. В 1945 г. - имперский министр иностранных дел. Нюрнбергским военным трибуналом приговорен к 10 годам тюрьмы. В 1951 г. амнистирован и освобожден из тюрьмы.

ШЕЙДЕМАН Филипп (1865-1939) - политический деятель, один из лидеров правого крыла германской социал-демократии. В 1903 г. - депутат рейхстага. Со времени смерти А. Бебеля стал играть большую роль в руководстве социал-демократической партии. Во время Первой мировой войны занимал социал-шовинистские позиции. С 1919 г. - глава коалиционного правительства. Находясь на этом посту, проводил жесткую политику по отношению к рабочему движению.

ШЕРИНГЕР Рихард (1904-1986) - лейтенант рейхсвера, участник Ульмского процесса. В тюрьме вступил в КПГ.

ШИРАХ Бальдур Бенедикт фон (1907-1974) - партийный деятель молодежного движения, рейхслейтер, обергруппенфюрер. С 1925 г. - член НСДАП. В 1929 г. познакомился с Гитлером и выполнял его личные поручения. С 1931 г. - руководитель молодежи, затем глава гитлерюгенда. Осуществлял воспитание

молодежи в духе нацизма и антисемитизма, проводил военную подготовку. С 1940 г. - гауляйтер и имперский наместник Вены. Нюрнбергским военным трибуналом приговорен к 20 годам тюремного заключения. Освобожден в 1966 г. Автор воспоминаний «Я верил Гитлеру».

ШЛАГЕТЕР Альберт Лео (1894-1923) - один из официальных нацистских героев. Участник Первой мировой войны. Активно участвовал в движении против французских оккупационных войск в Руре. Был арестован французскими оккупационными властями и по обвинению в саботаже и шпионаже приговорен к смертной казни. Впоследствии нацистская пропаганда возвела его в ранг национального героя, борца с иноземными захватчиками. Шлагетеру были посвящены стихи, песни, пьесы, его имя носила эскадрилья люфтваффе и т. д.

ШЛЕЙХЕР Курт фон (1882-1934) - военный деятель, последний канцлер Веймарской республики, генерал-майор. Участник Первой мировой войны - капитан Генштаба. Принимал активное участие в создании добровольческого корпуса - фрайкора. В 1926 г. - начальник управления сухопутных войск рейхсвера, затем военный министр. В 1932 г. - канцлер. Отправлен в отставку в 1933 г. Убит эсэсовцами в «ночь длинных ножей» 1934 г.

ШМИДТ Вильгельм (1889-1934) - партийный и военный деятель, один из руководителей СА, группенфюрер СА. Участник Первой мировой войны. С 1923 г. - член НСДАП, один из создателей СА. С 1933 г. - начальник отдела личного состава СА и одновременно руководитель группы СА «Хох-ланд». Один из приближенных Э. Рема. В 1933 г. - депутат рейхстага. Во время «ночи длинных ножей» 1934 г. арестован и расстрелян.

ШНАЙДГУБЕР Август (1887-1934) - партийный и военный деятель, один из руководителей СА, обергруппенфюрер СА. Участник Первой мировой войны - полковник. Один из создателей СА. В 1929-1931 гг. - руководитель группы СА. С 1932 г. - руководитель обергруппы СА. В 1932 г. - депутат рейхстага. Один из приближенных и наиболее верных сторонников Рема. Во время «ночи минных ножей» арестован в Мюнхене. Расстрелян.

ШПЕНГЛЕР Освальд (1880-1938) - немецкий философ-идеалист, историк. В своем главном труде «Закат Европы» (1918-1922) изложил пессимистический взгляд на историю

общества как историю возникновения, расцвета и неизбежной гибели отдельных замкнутых «культур», в частности современной европейской культуры. Шпенглер допускал идеализацию прусской монархии. Многие идеи Шпенглера были восприняты германским фашизмом.

ШРЕДЕР Курт фон (1889-1966) - барон, банкир, бригаденфюрер СС. Участник Первой мировой войны - капитан Генерального штаба. Имел высокий авторитет в финансовых кругах Германии, оказывал финансовую поддержку НСДАП, которую считал единственной возможностью спасти Германию от коммунизма. С 1933 г. - член НСДАП. С 1933 г. - президент Промышленной и торговой палаты Рейнланда. С 1936 г. - член СС. Председатель Наблюдательного совета Германского Транспортного Кредитного банка (Берлин) и др. После войны в 1945 г. арестован английскими войсками и помещен в лагерь для интернированных лиц в Эзельхейдже. В 1947 г. германским судом в Билефельде приговорен к 3 месяцам тюремного заключения. После освобождения работал в банковской сфере.

ШРЕК Юлиус (1891-1936) - партийный и военный деятель, создатель и один из руководителей СС, личный шофер Гитлера, Участник Первой мировой войны. С 1922 г. - член СС. С 1923 г. - телохранитель фюрера. В 1925 г. возглавил главное руководство СС. С 1934 г. - бригаденфюрер СС в группе сопровождения Гитлера. Погиб в автомобильной катастрофе.

ШТАУФЕНБЕРГ Клаус Шенк фон (1907-1944) - граф, полковник, один из руководителей заговора против Гитлера. Приняв с энтузиазмом приход к власти Гитлера, позднее разочаровался в нацизме. Участвуя в африканской кампании, был тяжело ранен в Тунисе (потерял глаз и правую руку). Осудил нападение Германии на СССР, считая, что эта война приведет Германию к катастрофе. С 1944 г. - начальник штаба резервной армии. Предпринял попытку покушения на Гитлера, подложив бомбу под стол на совещании в ставке фюрера «Волчье логово» в 1944 г. Был арестован и расстрелян в ту же ночь.

ШТЕМПФЛЕ Бернхард (умер 1934) - патер, издательский редактор «Майн кампф».

ШТЁР Франц - национал-социалист из окружения Г. Штрассера.

ШТРАЙХЕР Юлиус (1885-1946) - партийный деятель, группенфюрер СА и СС. Участник Первой мировой войны - лейтенант. С 1922 г. - член НСДАП. В 1923 г. основал антисемитскую газету «Штюрмер». Участник «пивного путча». С 1925 г. - гауляйтер Нюрнберга, а затем и всей Франконии. В 1933 г. - депутат рейхстага. Один из главных инициаторов «хрустальной ночи». Выступал с призывами к полному уничтожению евреев. Нюрнбергским военным трибуналом приговорен к смертной казни и повешен.

ШТРАССЕР Грегор (1892-1934) - партийный деятель, один из лидеров НСДАП. Участник Первой мировой войны - капитан. С 1921 г. - член НСДАП и СА. В 1922 г. руководил отрядами СА в Баварии. В 1923 г. пытался помочь Гитлеру в «пивном путче» 1923 г. После ареста Гитлера замещал его на посту лидера НСДАП. В 1924 г. создал газету «Национал-социалисти-ше брифе». С 1926 г. - имперский руководитель пропаганды НСДАП. С 1932 г. - по оргпартработе, заместитель Гитлера, депутат рейхстага. Из-за постоянных партийных разногласий бросил все и уехал в Италию, в результате чего оказался не у дел. В «ночь длинных ножей» был арестован и застрелен членами СС прямо в тюремной камере.

ШТРАССЕР Отто (1887-1974) -- партийный деятель, один из руководителей НСДАП, лидер левого крыла нацистской партии. Брат Г. Штрассера. В начале 1920-х гг. примыкал к социал-демократам. С 1924 г. - главный редактор газеты «Берлинер арбайтер цайтунг» («Берлинской рабочей газеты»). С 1925 г. - член НСДАП. Стремился вернуть партию на социалистический путь развития. Издатель совместно с Г. Штрассером «Национал-социалистише брифе» и руководитель издательства «Кампфферлаг». В 1930 г. исключен из НСДАП за отказ подчиниться партийной дисциплине и основал направленное против НСДАП «Боевое содружество национал-социалистов», или «Черный фронт». В 1933 г. уехал в Чехословакию, а затем в Канаду. Возвратился в Германию в 1955 г.

ШУЛЬЦЕ-БОЙЗЕН Харро (1909-1942) - оберлейтенант, участник Сопротивления. Советский разведчик.

ЭБЕРТ Фридрих (1871-1925) - президент Веймарской республики в 1919-1925 гг.

ЭЙКЕ Теодор (1892-1943) - военный деятель, руководитель системы концлагерей Германии, обергруппенфюрер СС и генерал

войск СС. Участник Первой мировой войны на Западном фронте. С 1928 г. - член НСДАП и СА, а с 1930 г. - член СС. С 1934 г. - комендант концлагеря Дахау. Быстро наладил работу лагеря, ввел железную дисциплину и создал в нем режим, который затем стал обязательным для всей системы концлагерей Германии. Участвовал в событиях «ночи длинных ножей», лично убил руководителя СА Э. Рема. С 1934 г. - главный инспектор концлагерей и командир охранных подразделений СС (позже получивших название частей «Мертвая голова»). В 1937 г. - депутат рейхстага. Руководил созданием концлагерей на территории Германии, а после аншлюса Австрии организовал лагерь в Маутхаузе. С 1939 г. - командир дивизии СС «Мертвая голова». Погиб.

ЭЙСНЕР Курт (1867-1919) - государственный деятель, журналист и писатель. В 1918 - 1919 гг. - министр-президент революционного советского правительства Баварии. В 1919 г. был застрелен на улице офицером, графом Арко.

ЭККАРТ Дитрих (1868-1923) - поэт, драматург и журналист, партийный деятель, один из основателей нацистской партии. Участник «капповского путча». В 1921-1923 гг. - редактор «Фёлькишер беобахтер». Один из близких друзей Гитлера, бывших с ним на «ты». Идеи Эккарта Гитлер постоянно использовал в своих выступлениях. Умер от инфаркта. Историки нацизма часто называли Эккарта «духовным отцом национал-социализма».

ЭЛЬСЕР Иоган Георг (1903-1945) - обвиняемый в покушении на Гитлера в 1939 г. Обвинен в том, что заложил взрывное устройство в помещение, где должен был выступать Гитлер на церемонии, посвященной годовщине «пивного путча» 1923 г. В ходе следствия полностью взял на себя ответственность за взрыв, настаивая, что он совершил покушение один. По делу не был проведен открытый процесс, а он сам был помещен в концлагерь Заксенхаузен, затем переведен в Дахау. По наиболее распространенной версии покушение было подготовлено с провокационной целью спецслужбами СС, прежде всего гестапо. Расстрелян но прямому указанию Г. Гиммлера и Г. Мюллера. Официально было объявлено, что он погиб при бомбардировке.

ЭНГЕЛЬС Фридрих (1820-1895) - немецкий философ и историк, создатель теории научного коммунизма, будь она проклята.

ЭПП Франц Ксавер Риттер фон (1868-1946) - партийный деятель, генерал рейхсвера, обеогруппенфюрер НСКК, обергруппенфюрер СА. Участник Первой мировой войны - командир дивизии. В 1919 г. командовал добровольческим корпусом, поддерживал Гитлера, оказав тому финансовую помощь в издании газеты «Фёлькишер беобахтер». С 1926 г. - глава СА Баварии, обергруппенфюрер СА. С 1928 г. - член НСДАП и депутат рейхстага. В 1933 - 1945 гг. - имперский наместник Баварии. В 1937-1945 гг. - руководитель управления колониальной политики НСДАП. В мае 1945 г. арестован. Умер в американском лагере для интернированных.

ЭРНСТ Карл (1904-1934) - нацистский деятель, один из руководителей штурмовых отрядов СА, группенфюрср С А. Отличался сильными сексуальными отклонениями, прежде всего гомосексуализмом и садизмом. С 1923 г. - член НСДАП. С 1931 г. - руководитель группы СА «Берлин». В 1932 г. - депутат рейхстага. По мнению большинства историков, возглавлял команду штурмовиков, осуществившую поджог Рейхстага. Во время «ночи длинных ножей» схвачен эсэсовцами и самолетом отправлен в Берлин. Обвинен в том, что он был одним из руководителей заговора СА. Расстрелян по приказу Гитлера.

ЭРХАРДТ Герман (1881-1971) - политический деятель. Организатор и руководитель «капповского путча» 8 1920 г. и марша на Берлин. Офицер военно-морского флот. Участвовал в свержении Баварской Советской республики. Организатор ветеранского подразделения «Викинги», выполнявшего роль вспомогательной полиции Баварии. Опасаясь за свою жизнь во время событий «ночи длинных ножей», бежал в Австрито.

ЭРЦБЕРГЕР Маттиас (1875-1921) - политический деятель, министр финансов, один из лидеров партии Центра, подписавший 11 ноября 1918 г. в Компьене перемирие-, после чего подвергался ожесточенной травле и всяческим клеветническим нападкам со стороны праворадикальных и националистических кругов. В 1921 г. убит фашистскими террористами.

ЭССЕР Герман (1900-1981) - партийный я государственный деятель, один из основателей НСДАП, группенфюрер НСФК, журналист. Участник Первой мировой войны. С 1920 г. - редактор «Фёлькишер беобахтер». Славился ораторским искусством и

антисемитскими статьями, неоднократно подвергался арестам. В 1923-1925 гг. - имперский руководитель пропаганды находившейся на полулегальном положении НСДАП. Один из наиболее активных противников Г. Штрассера. С 1933 г. - министр экономики Баварии, шеф баварской имперской канцелярии, председатель ландтага. В 1933 г. - депутат рейхстага, а с 1939 г. - вице-президент рейхстага. С 1939 г. - статс-секретарь для особых поручений в Имперском министерстве пропаганды, занимался вопросами туризма. В 1945 г. арестован американскими войсками. В 1949 г. приговорен к 5 годам трудовых лагерей, конфискации имущества с пожизненным лишением гражданских прав. В 1951 г. освобожден.

ЮНГ Эдгар Юлиус (1894-1934) - немецкий публицист и политик. Погиб во время событий, известных как «ночь длинных ножей».

ЮНГЕР Эрнст (1895-1979) - немецкий писатель и философ. Участник Первой мировой войны. Создал в своих произведениях образ героя, ставшего основным для всего «фронтового поколения» немецких писателей. Один из наиболее известных и популярных немецких писателей Третьего рейха.

ЯКШ Венцель (1896-1966) - партийный деятель, один из лидеров немецких социал-демократов.